

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук**

На правах рукописи

Лавренченко Мария Леонидовна

**«РЕЧИ» КИЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ XII ВЕКА
(источниковедческое исследование)**

5.6.5. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Т.В. Гимон

Москва
2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	4
Глава 1	Историография Киевской летописи	20
1.1.	История публикаций Киевской летописи	20
1.2.	Текстологическое изучение Киевской летописи	21
1.3.	История изучения княжеских «речей» Киевской летописи	61
Глава 2	Княжеские «речи» Киевской летописи. Договорные формулы	72
2.1.	Основные особенности ведения переговоров и передачи княжеских «речей» в летописном тексте	72
2.2.	Дипломатические формулы	83
2.2.1.	«Быти за один». Соглашения Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями	89
2.2.2.	«Быти за обиду». Диалоги Изяслава Мстиславича и Гезы II	95
2.2.3.	«Не отлучитися ни в добре ни в зле». Соглашения Изяслава Мстиславича с новыми союзниками и побежденными противниками	98
2.2.4.	«Бздити подле», «всѣсти на конь». Готовность к боевым действиям	101
2.3.	Уникальная формулировка, подчеркивающая христианское единство	104
2.4.	Договорные формулы 1170–1190-х годов	105
2.5.	Устойчивые формулы соглашений между городом и князем	112
2.6.	Использование формулы «быти за один» в соглашениях жителей Великого Новгорода и Пскова	117
2.7.	Использование формул, известных по Киевской летописи, в более поздних источниках	120
Глава 3.	Родовая лексика «речей» Киевской летописи	124
3.1.	Основные особенности использования русскими князьями терминов родства в этикетном значении и в составе устойчивых оборотов	124
3.2.1.	Родовая лексика в обращениях	129
3.2.1.1.	Двойной термин в позиции обращения	135
3.2.1.2.	Асимметрия использования родовой лексики	138
3.2.1.3.	Обращения в Галицко-Волынской летописи (сравнительный аспект)	140
3.2.2.	Указание на родство в составе используемых в прямой речи устойчивых оборотов.	143
3.2.3.	Риторика договора Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, закреплявшего за участниками роли сына и отца	150
3.2.4.	Другие соглашения: «нарещи отьцьмь», «имѣти отьцьмь»	154
3.2.5.	Сравнение определенных черт или действий с отцовскими	155
3.2.6.	«Быти въ отьца мѣсто»	157
3.3.	Динамика использования терминов родства в этикетном значении в «речах» Киевской летописи	160
3.3.1.	Термины родства в этикетном значении в княжеских «речах» статей 1146 – 1154 (6654 – 6662) х годов	160
3.3.2.	Родовая лексика в этикетном значении в княжеских «речах» статей 1174 – 1196 (6682 – 6704) годов	164

3.3.3.	Определения «старѣишии» ('старший'), «моложьшии» ('младший', 'меньший') в тексте Киевской летописи.	166
3.4.	Термины родства в духовных текстах XII века разного происхождения (сравнительный аспект)	168
3.5.	Родовая лексика в составе устойчивых оборотов в источниках позднего времени (сравнительный аспект)	175
	Заключение	181
	Список сокращений	188
	Список источников и литературы	189

Введение

Киевскую летопись без преувеличения можно назвать одним из основных источников по истории домонгольской Руси: практически ни одно исследование, затрагивающее этот период, не обходится без ее использования. При этом с источниковедческой точки зрения Киевская летопись остается одной из наименее изученных. Нет единого мнения о том, каким образом она создавалась, сколько текстов лежат в ее основе, все ли они были летописями, в какой последовательности были использованы, сколько раз редактировался итоговый текст и когда он приобрел свою окончательную, дошедшую до нас форму.

Название «Киевская летопись» утвердилось за центральной частью Ипатьевской летописи – общерусского свода, сохранившегося в южнорусской редакции конца XIII – начала XIV веков. Всего известно шесть списков этой летописи, два из них являются основными: Ипатьевский и Хлебниковский, и четыре восходят к Хлебниковскому: Погодинский, Ермолаевский, список Яроцкого и Краковский.

В составе Ипатьевской летописи Киевская летопись продолжает «Повесть временных лет», предшествует Галицко-Волынской летописи и охватывает погодные статьи с 1118 (6626) по 1200 (6708) год. Киевскую летопись отличают значительный объем, детальность, разнообразие и разнохарактерность содержащейся в ней информации. Краткие перечни награбленного во владениях Ольговичей соседствуют с текстом своего рода «заготовки» жития Игоря Ольговича; подробные описания передвижений войск в конфликте Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича дополняются замечаниями о характере князей, архитектуре храмов и особенностях первых дипломатических миссий – исследование любого аспекта жизни средневековой Руси от политики и военного дела до дипломатии и культуры неизбежно потребует обращения к этому тексту. Именно в Киевской летописи содержится вошедшее в школьные учебники первое летописное упоминание о Москве, здесь же находится и знаменитая пословица, вложенная в уста Изяслава Мстиславича, «не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова к мѣсту». Еще одна характерная особенность Киевской летописи – географическая широта освещаемых ею событий. Здесь приводятся сведения о деталях политических и военных событий в галицких и волыньских землях, в Великом Новгороде, Пскове, Смоленске, Владимире. Киевская летопись содержит значительные пласты информации о жизни половецких племен, о политике в странах Западной Европы, упоминает о сражениях крестоносцев в Святой земле и о грузинской принцессе – невесте Изяслава Мстиславича.

Отдельной проблемой является соотношение некоторых статей Киевской летописи со статьями Лаврентьевской летописи за те же годы. До статей 70-х гг. XII века (частично – до

статей 90-х гг. XII в.) Ипатьевская и Лаврентьевская летописи содержат пласты общего текста, при этом текст Ипатьевской летописи гораздо более пространен, чем текст Лаврентьевской летописи. Порой склейка этого общего источника с другими пластами Киевской летописи маркируется несостыковками, нарушением грамматического согласования, дублями. Каким образом соотносятся эти два текста, какой из них первичен? – пожалуй, это наиболее дискутируемый вопрос в изучении этого источника. Текст, оригинальный для Киевской летописи, описывает события в различных русских землях, но характеризуется, прежде всего, вниманием к событиям, происходившим в Киеве. В историографии нет общего мнения о количестве входящих в него локальных источников, так же как и о времени и особенностях его составления, в настоящей работе он обозначается как основной (оригинальный) источник Киевской летописи.

Одной из наиболее ярких особенностей Киевской летописи является множество княжеских диалогов и посланий, оформленных в тексте как прямая речь: в наиболее обширных статьях 6654 (1146) – 6660 (1152) годов их число доходит до пятидесяти на статью,¹ в то время как в хронологически близких текстах Лаврентьевской летописи – не превышает тринадцать, а сами они значительно меньше по объему. Эти фрагменты текста являются предметом многолетней дискуссии: их происхождение признается то безусловно устным, то столь же безусловно письменным, а содержание – то отражающим политические реалии XII века, то – литературные предпочтения летописца.

В Киевской летописи послания князей друг к другу и к другим правителям, равно как и их диалоги между собой обозначаются как «речи»², а поскольку среди исследователей нет единого мнения о том, какую форму они имели в действительности, представляется целесообразным взять обозначение самого источника. В данной работе под «речами» подразумеваются любые высказывания политических и духовных лиц, вне зависимости от степени их пространности и обстоятельств произнесения: при непосредственном участии в живом диалоге или передаче при помощи послов.

Княжеские «речи» Киевской летописи не находят прямых аналогов в произведениях античных или средневековых хронистов и писателей. Бросается в глаза их значительный объем, при этом в большинстве своем княжеские изречения лишены торжественных, пышных эпитетов и других атрибутов, присущих правительственной переписке. Очевидно, что интересующие нас

---

¹ За исключением статьи 6656 (1148/1149) года. Распределение на годовые статьи этой части Киевской (Ипатьевской) летописи соответствует мартовскому стилю, при этом большинство указанных статей «захватывают» и события соседних лет, поэтому принятые датировки можно принимать лишь для условного обозначения. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания М., 1963. С. 144–156.

² Например: «Иванко же възмя тажкы рѣчи и иде къ князю Ростиславу». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503; «Изяславич Мьстиславъ... розьгнѣвався на стрѣя своего, на Ростислава, и много рѣчи въста межи ими». Там же. Стб. 519.

диалоги и послания находятся в зависимости от характера содержащего их летописного текста, особенности которого меняются с ходом повествования. Наиболее полные «речи» содержатся в пластах текста с более подробным описанием событий, содержащим многочисленные детали передвижений войск, переговоров князей, действий послов, и, без сомнения, инкорпорирование в летопись еще и княжеских посланий и диалогов является следствием стремления автора к детализации.

Обилие княжеских «речей» в Киевской летописи, привлекательность содержащейся в них информации для историков показывают важность их изучения: были ли они внесены в текст с определенной целью, отражает ли стремление их использовать позицию определенного автора, какой ситуацией это могло быть спровоцировано, с какой вероятностью они могли быть искусственно сконструированы? Если же «речи» отражают содержание реальных посланий – какие механизмы могли послужить для фиксации и последующей записи их содержания в текст Киевской летописи? Обращение к этим вопросам превращает княжеские «речи» XII века в удобное поле для отработки приемов изучения посланий и прямых диалогов правителей и других исторических лиц в составе летописного текста, а также сравнительно-исторического анализа текстов, содержащих дипломатические послания и переговоры различного характера.

Степень изученности проблемы. Изучение Киевской летописи длится уже более ста восьмидесяти лет. Историки обращались к исследованию содержания, текстологии, характера составления летописи, ее лексики, проводился лингвистический анализ ее текста, в научных трудах активно использовался весь объем информации, который она содержит. В работах историков XIX века: В.М. Перевощикова, Н.И. Костомарова, Н.К. Бестужева-Рюмина и И.П. Хрущова³ был сделан ряд наблюдений, существенных для понимания характера и состава этой летописи, были выделены основные ее особенности и намечены важнейшие вопросы, прежде всего – о времени ее составления и соотношении с Лаврентьевской летописью. Важный этап изучения Киевской летописи связан с трудами А.А. Шахматова⁴, который впервые предложил схему составления ее источников в общий свод, описал их особенности, время и место возможного составления.

На протяжении XX в. Киевская летопись постоянно привлекала внимание исследователей: ей уделялось большое внимание в трудах М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.Н.

---

³ Перевошников В.М. О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836; Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Источники русской истории. СПб., 1861. Ч. 1; Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868; Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев, 1878.

⁴ Шахматов А.А. Обзор летописных сводов XIV–XVI вв. М.–Л., 1938; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

Насонова, Б.А. Рыбакова и В.Ю. Франчук⁵, где были высказаны новые предположения о том, какие источники лежат в ее основе, кем были возможные их составители, подробно изучались жанры сообщений, содержащи[ся в ее тексте, и их лексика.

Целый ряд работ начала XXI века позволил по-новому взглянуть на проблематику интересующего нас источника: в трудах Т.Л. Вилкул, А.П. Толочко и А.Ю. Аристов⁶ получили новое развитие вопросы о времени и месте составления Киевской летописи, количестве вошедших в нее местных летописей и соотношении ее текста с Лаврентьевской летописью.

Несмотря на уникальность княжеских «речей» Киевской летописи, они нечасто оказывались в фокусе внимания исследователей в качестве цельного комплекса текстов. Д.С. Лихачев и И.П. Еремин рассматривали эти «речи» как важную особенность летописного текста, отражающую бытовавшую в домонгольский период практику устной передачи посланий, авторы отмечали яркость и образность их текстов, но подчеркивали их документальный характер. В работах Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук и А.В. Юрасовского⁷ наиболее пространные «речи» выделялись в качестве самостоятельных «грамот» правителей и извлекались из летописи в качестве отдельных документов. Многие выводы этих исследователей были подвергнуты критике в трудах Я.Р. Дашкевича и С. Франклина⁸, которые выдвинули ряд исторических обоснований необходимости устной передачи посланий князей в домонгольский период и, кроме того, сделали ряд ценных наблюдений о том, как проводилась процедура передачи таких посланий, как поступали послы в разных ситуациях, и какие сложности перед ними возникали. Некоторые вопросы, касающиеся особенностей княжеских посланий Киевской летописи и возможных способов их передачи, а также работе летописца, получили освещение в недавних работах Т.В. Гимона⁹.

При этом от внимания ученых часто ускользали краткие формы «речей» и княжеские

---

⁵ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XVI вв. СПб., 1996; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947; Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1966. № 6. С. 67–97; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963; Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

⁶ Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век // *Paleoslavica*. 2005. Vol. 13/1. С. 21–80; Толочко А.П. О времени создания Киевского свода 1200 г. // *Ruthenica*. 2005. Вип. 5. С. 73–87; Аристов В.Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. 2010. Вип. 10. С. 117–136.

⁷ Юрасовский А.В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи. Древнейшие государства на территории СССР. 1981 г.: Материалы и исследования. М., 1983. С. 189–194; Он же. Грамоты XI – середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141–150

⁸ Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. 1991. № 4. С. 100–111; Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia // *Speculum*. 1985. 60/1. P. 1–38.

⁹ Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // ВЕДС. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 2018. С. 64–71; Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021.

диалоги, имевшие место при непосредственной встрече князей, при рассмотрении процедуры отправления и принятия посольства упускались повторяющиеся и слишком детально представленные в летописи описания этих миссий.

Лингвистический анализ Киевской летописи, проведенный А.А. Зализняком, показал, что диалоговая часть летописи отличается от повествовательной языковыми особенностями, которые сближают ее с языком берестяных грамот. Ряд особых черт, также близких берестяным грамотам, был выделен А.А. Гиппиусом¹⁰.

В исследовании княжеских «речей» Киевской летописи одним из наиболее дискутируемых продолжает оставаться вопрос о характере их первоисточников – были ли они письменными или устными, каким образом и на каком этапе были зафиксированы писцом и насколько полно попали в летопись. Соотношение устного и письменного в средневековом источнике – одна из наиболее богатых сфер исследования в современном источниковедении, и в этой области накоплен немалый опыт. В первую очередь, он касается выявления устных элементов, попавших в текст: формул, устойчивых выражений, стереотипных построений и др. Эта проблематика получила освещение в работах Д.С. Лихачева, О.В. Творогова, Е.А. Мельниковой, А.С. Щавелева¹¹. Такие языковые формы, еще в тот момент, когда они были частью устной речи, служили в качестве мнемонических приемов, обеспечивавших запоминание и узнавание конструкций, а кроме того, часто они были значимыми элементами политического языка, зафиксированными на ранних стадиях его развития.

Устные и письменные тексты формируются в разных условиях, что неизбежно отражается в их структуре, порядке организации изложения информации, что было подробно рассмотрено в работах В.М. Живова¹². Устная диалогическая коммуникация ориентирована на саму ситуацию в противоположность письменной, которая следует логическому развертыванию текста, что применительно к интересующему нас периоду можно увидеть на материале

---

¹⁰ Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. 2008.С. 91; Гиппиус А.А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных писем // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М., 2009. С. 288–289.

¹¹ Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв. // Исследования по древнерусской литературе / Отв. ред. О. В. Творогов. Л., 1986; Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в Повести временных лет // Труды отдела древнерусской литературы. М.Л., 1962. Т.18. С. 277–284. Мельникова Е.А. Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договора 911 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. тома Б.Е. Рашковский. М., 2020. С. 84–102; А.С. Щавелев. Устные сказания в композиции начальной части «Повести временных лет», Новгородской первой летописи, Хроник Галла Анонима, Козьмы Пражского // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апр. Мат-лы конф. М., 2004. С. 211–217.

¹² Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017. Том 1. С. 23–24; Живов В.М. Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Мат-лы междунар. конф-ции. Великий Новгород, 24 – 27 сен. 2001 г. / под ред. В.Л. Янина. М., 2003. С. 284–295.

берестяных грамот¹³. Именно эта ее особенность создает известные сложности при изучении «речей» Киевской летописи, но и одновременно может служить дополнительным критерием при изучении характера формирования сообщений источника.

Поскольку значительная часть интересующих нас «речей» часто рассматриваются как дипломатические послания князей XII века, в данном исследовании были задействованы принципы исследования структуры и интерпретации источников этого типа С.М. Каштанова¹⁴.

Помимо приведенных в тексте летописи княжеских «речей», летописцем описаны – уже в повествовательной форме – многочисленные дипломатические и социальные, а порой и ритуальные практики, например, присутствие на переговорах послов других правителей, торжественные встречи и выезды, обмен дарами, пиры, сопровождавшие переговоры и др.¹⁵

Особенности политического взаимодействия Рюриковичей, характер их изменений получили широкое освещение в работах В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина, О.М. Рапова, М.Б. Свердлова, В.А. Кучкина, В.Б. Кобрин, Н.Ф. Котляра, А.А. Горского, А.В. Назаренко, Д.А. Боровкова¹⁶. Ритуальные и коммуникативные особенности взаимодействия Рюриковичей были изучены П.С. Стефановичем, А.С. Щавелевым¹⁷, генеалогические аспекты – А.В. Назаренко, Д. Домбровским, Ф.Б. Успенским, А.Ф. Литвиной, Е.В. Пчеловым¹⁸. Использование

---

¹³ Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997–2000 гг. М., 2004. Т. 11. С. 191.

¹⁴ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника: Акты X—XVI вв. М., 1996.

¹⁵ Известные нам по древнерусским и более поздним источникам правовые ритуалы направлены именно на создание дополнительных «защепок» мистико-материального характера, препятствующих возможному нарушению или забыванию клятвы, в т.ч. клятва «с дерном на голове», пожатие рук, использование «полю» кафтана и другие, как схожие с символическими традициями германских народов, так и отличные. Павлов-Сильванский Н. И. Символизм в древнем русском праве. „Журнал министерства народного просвещения” СПб, 1905. Часть 360. С. 339–365.

¹⁶ Рапов О.П. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977; Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Свердлов Б.М. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; Он же. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII вв. СПб., 2020; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; Он же. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX—XIII веках // Отечественная история. 2003. № 3. С. 71–80; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985; Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси. М., 2017; Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. СПб, 2015; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004; Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. М., 2000. Т. 1. С. 500–519.

¹⁷ Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М. 2004. Т. 5. С. 86–113; Щавелев А.С. Съезды князей как политический институт Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 268–278.

¹⁸ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М. 2001; Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) /Пер. и вступ. слово. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук, СПб., 2015; Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму

Рюриковичами терминов родства во вторичном значении¹⁹ получило детальное освещение в трудах С.М. Соловьева²⁰, Я.А. Голяшкина, А.Е. Преснякова²¹, В.Т. Пашуто²², А.В. Назаренко²³. Анализируя княжеские «речи» в рамках серии социальных ситуаций, в которых они рождались, их исторический контекст рассматривается в данной работе с точки зрения того, как в них осознанно конструировались и укреплялись связи, как предпринимались шаги к завершению конфликта²⁴. Эти и другие вопросы имеют непосредственное отношение и к проблемам времени и причин создания летописи, а также ее возможных источников, и к прояснению тех обстоятельств, которые инициировали внесение «речей» в ее текст.

Теоретико-методологическая база исследования. Методологической основой исследования служит представление об историческом источнике как о результате целенаправленной деятельности человека²⁵, замысел, представления об общественных устоях и традициях которого можно проследить при его изучении. Принципы работы с летописным текстом, сформулированные в работах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, А.Н. Насонова²⁶, помимо прочего касающиеся выделения использованных сводчиком ранних текстов, элементов, позволяющих определить личные особенности авторов, были взяты за

антропонимики. М., 2006; Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX — нач. XI в. / Отв. ред. О. М. Медушевская. М., 2001.

¹⁹ Т.е. использование ими терминов прямого кровного родства «отец», «брат», «сын» по отношению к более дальним родственникам или свойственникам.

²⁰ Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрика дома. М., 2003. С.12–18; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.2. М., 1993.

²¹ Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII века (в связи с воззрениями родовой теории). // Издания исторического общества при императорском Московском Университете. Рефераты, читанные в 1896 и 97 гг. М., 1898. Т. 2. С. 211–226; Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 97–100.

²² Пашуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси. С. 57–58.

²³ Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1985 год. М., 1986. С.149–157; Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X – XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. М., 2000. Том 1. С. 500–519.

²⁴ В этом смысле фокус рассмотрения социальных и политических связей в исследуемом обществе близок анализу «общества клятв» работ Ларса Хермансона: Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, с. 1000-1200. Boston, Leiden. 2019. P. 111–139; Hermanson L. Introduction // Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe с. 650 – 1350 / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. Turnhout, 2015. P. 1–40. Понимание природы и характера развития средневековых социальных практик, представленное в данной работе, близко позиции Г.Альтхова. Althoff G. Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter. Darmstadt, 2003. P. 1–215; Ibidem. Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Medieval Europe / Trans. Christopher Carroll. Cambridge, 2004. P. 1–154; Ibidem. (Royal) Favor: A Central Concept in Early Medieval Hierarchical Relations // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations. Philadelphia, 2001; Ibidem. The Variability of Rituals in the Middle Ages // Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography / Ed. by G. Althoff and others. Cambridge, 2002, P. 71–85; См. также: Reynolds S. Review: Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe // The English Historical Review. Vol.120, Is. 486. 2005. P. 429–431.

²⁵ Медушевская О. М. Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория, история и метод / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М., 1998 С. 26–27.

²⁶ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XVI вв.; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение; Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века.

основу и настоящей работы. Учитывая характер проблематики, данное исследование базируется, в первую очередь, на сравнительно-текстологическом и сравнительно-историческом методах, обеспечивающих сопоставление дипломатических практик различных временных этапов и территорий, кроме того, мы постарались учесть и возможности такого источниковедческого направления, как сравнение типологически близких источников, написанных на разном материале²⁷.

Текстологические особенности «речей» Киевской летописи создают ряд методологических сложностей, к каковым можно отнести: неравномерность распределения в тексте летописи, отсутствие регламентированного размера, цитирования одной «речи» в составе другой, их повтор. Подсчет числа «речей» в летописи осложняется тем, что одно и то же послание может быть приведено в ее тексте несколько раз, в ряде плохо читаемых мест разделение нескольких «речей» затруднительно. Эти обстоятельства определили выбор методики, которая фокусируется на изучении наиболее постоянных элементов в составе рассматриваемых «речей»: устойчивых сочетаний, которые передают суть действительных политических княжеских договоров XII века, описание (или отсылка на которые) содержится в повествовательной части Киевской летописи, устойчивых оборотов, тем или иным способом указывающих на квазиродственные отношения или содержащих метафору родства, а также термины родства в позиции обращения. Далее в работе разные формы устойчивых сочетаний и стереотипных формулировок для краткости называются «договорными формулами»²⁸ – по сути содержания (отсылают к заключенному ранее соглашению или цитируют его) а не по типу источника, в составе которого они находятся. Все выбранные элементы относятся к стереотипным повторяющимся языковым структурам и семантически тесно связаны между собой. Их универсальность, постоянство и высокая частотность в выбранном источнике позволяют рассматривать княжеские «речи» при помощи сравнительного метода и выявить характер, интенсивность, разнообразие и изменения в арсенале устойчивых оборотов и родовой лексики на протяжении повествования летописи, а также в дополнительных источниках, которые были привлечены для анализа.

---

²⁷ С.М. Каштанов отмечал возможности такого метода, заметив, например, что «духовные, написанные на бересте, отличаются менее разработанным формуляром, чем аналогичные акты, написанные на пергамене». Каштанов С.М. К теории и практике сравнительного источниковедения // Норна у источника судьбы. Сборник в честь Е.А. Мельниковой. М., 2001. С. 163.

²⁸ В данной работе под «формулой» понимается любое устойчивое словосочетание, сохраняющее или незначительно меняющее свою форму в разных контекстах, в этом мы следуем определениям И.П. Еремина «устойчивая формула» и О.В. Творогова «традиционная формула». Последний подверг критике определение Д.С. Лихачева «стилистический трафарет», заранее предполагающее ее литературную природу. Рассмотрение особенностей использования этих определений – в статье О.В. Творогова: Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в Повести временных лет. С. 277.

В части интересующих нас княжеских «речей» использование терминов родства приобретает выраженный ритуальный характер, что сближает их с семантически перформативными высказываниями (то есть совершающими действие, а не констатирующими существовавшее положение), например: «Оу тебе отца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мои сынъ, ты же мои брать!»²⁹ хотя летописец может приводить высказывание князя, лишь апеллировавшее к сказанной ранее при целовании креста клятве, либо обещание на будущее («хръсть есмы, брать, на томъ целовали, оже быти вамъ со мною»)³⁰ или предложение заключить определенное соглашение («brate и сыноу, не пролѣвие крови хръстьяньскы, но даи ми Переяславль»)³¹.

Так как мы рассматриваем интересующие нас формулы и родовую лексику в составе княжеских «речей» как этап становления социально-политического языка, данное исследование опирается на опыт написания истории понятий Райнхарта Козеллека³², в том числе – на его заметки о сочетании консервативных черт языка политического взаимодействия, обеспечивающих его функционирование на протяжении длительного времени, вплоть до нескольких эпох, и гибкости, позволяющей извлекать из арсенала наиболее удачные и соответствующие моменту конструкции, что обеспечивает уникальность текста каждого политического договора. Исследуя трансформацию смыслов основных исторических понятий значительно более позднего времени, Козеллек использует междисциплинарный метод, опираясь одновременно на *явления*, изучаемые историческими науками и *слова*, относящиеся к сфере лингвистики. Данная двойственность ставится в основу и настоящей работы: в исследовании проводится исторический анализ, необходимый в поиске хронологических рамок использования разных языковых оборотов и характера употребления терминов родства, детальное рассмотрение политических ситуаций помогает прояснить контекст смены частотности той или иной формы и разнообразия корпуса таких форм, что и дает достаточный для текстологического анализа материал.

Проведение сравнительного анализа использования интересующих нас элементов в Киевской летописи, а его результата – с данными других источников различных типов, как хронологически близких, так и далеких, позволит выявить и конкретизировать ряд особенностей формирования исследуемой летописи, что облегчит дальнейшее использование текста в исторических и лингвистических работах.

---

²⁹ ПСРЛ. Т. 2 Стб. 417–418.

³⁰ Там же. Стб. 374.

³¹ Там же. Стб. 380.

³² Козеллек, Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 23–44.

Объектом диссертационного исследования является текст Киевской летописи.

Предметом исследования являются летописные, а также дипломатические и социально-политические практики (летописная фиксация «речей», их редактирование, отправка и прием послов, встречи князей, заключение ими соглашений и их разрыв, установление новых политических отношений, и др).

Хронологические рамки определяются хронологическим охватом Киевской летописи и ограничены 1120–1190-ми годами. В качестве сравнительного материала в работе привлечен ряд текстов, относящихся к периоду с конца XI по XV век.

Территориальные рамки исследования включают все древнерусские земли: в первую очередь, Киевское княжество, где была создана Киевская летопись, и где, по всей вероятности, велся на протяжении XII в. ее основной источник, а также Новгородская земля, Суздальское (с середины XII века – Великое княжество Владимирское), Смоленское, Черниговское, Галицкое и Волынское (около 1200 года объединенные Романом Мстиславичем в одно), Туровское, Переяславское и Рязанское княжества. В качестве сравнительного материала привлекаются источники, созданные в соседних средневековых европейских государствах: в Королевстве Венгрия, в Польше, Чехии, Византийской империи.

Цель диссертационной работы состоит в выяснении специфики княжеских «речей» Киевской летописи как исторического источника. Иными словами, в работе ставится вопрос: чем являются эти «речи» – копиями дипломатических документов, протокольной записью реальных переговоров, имитацией протокольной записи либо продуктом чисто литературного творчества (и в какое время эти тексты были записаны – вскоре после описываемых событий или в момент окончательного сложения Киевской летописи на рубеже XII–XIII вв.)? От ответа на этот вопрос зависит то, как историки могут использовать эти тексты и содержащуюся в них информацию: в какой степени «речи» отражают реальную политическую историю и дипломатические практики Руси XII в. Исходя из поставленной цели, были сформулированы конкретные **исследовательские задачи**:

1. Критически изучить историографию вопроса (двумя главными направлениями которой являются текстологическое изучение Киевской летописи и дискуссия о природе содержащихся в ее тексте «речей»).
2. Выявить и рассмотреть распределение в тексте Киевской летописи устойчивых сочетаний, передающих суть соглашений Рюриковичей (договорных формул).
3. Изучить формы и типы использования в княжеских «речах» Киевской летописи родовой лексики в качестве обращений и в составе устойчивых сочетаний – одного из наиболее

часто встречающихся и наиболее чутко реагирующих на изменения политической ситуации элементов.

4. Проанализировать информацию о характере действий послов и княжеских представителей в Киевской летописи, изучить особенности передачи посланий Рюриковичей (как они представлены в летописном повествовании), а также специфику княжеских соглашений и диалогов, состоявшихся при непосредственной встрече участников.
5. Сравнить полученные результаты с данными других источников XII века, прежде всего – двух других древнейших русских летописей: Лаврентьевской и Новгородской Первой, а также берестяных грамот, произведений духовной литературы и более поздних источников.

Положения, выносимые на защиту:

1. Краткий обзор истории изучения Киевской летописи показал, что исследователи этого текста придерживались зачастую противоположных точек зрения по основным вопросам, как касающимся истории его сложения, так и степени исторической достоверности отдельных текстовых блоков. Информация, содержащаяся в летописных пластах, повествующих о событиях в разных русских землях, рассматривалась как заимствованная из отдельных локальных летописей в работах А.А. Шахматова и М.Д. Приселкова³³, их выделение было признано избыточным (за исключением, разве что, черниговских вставок) в работах Т.Л. Вилкул и В.Ю. Аристов³⁴. Княжеские «речи» Киевской летописи представлялись то как списанные с существовавших в письменном виде грамот из впоследствии утерянного архива Рюриковичей (в работах Б.А. Рыбакова и В.Ю. Франчук³⁵), то как наследие устной традиции ведения переговоров (в работах Д.С. Лихачева, Я.Р. Дашкевича³⁶), то как литературный конструкт составителя (в работах Т.Л. Вилкул, Ф. Мушара³⁷). Дискуссионность темы и отсутствие согласия по большинству вопросов, касающихся составления Киевской летописи, показывают необходимость нового обращения к изучению ее текста, прежде всего – сохранившихся в ее составе «речей» Рюриковичей.

---

³³ Шахматов А.А. Обзор летописных сводов XIV–XVI вв.; Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916; Приселков М.Д. История русского летописания XI–XVI вв.

³⁴ Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век; Аристов В. Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи.

³⁵ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи; Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении.

³⁶ Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв.; Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси.

³⁷ Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век; Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи // Ruthenica. 2011. Вип. 10. С. 137–146.

2. При рассмотрении одного из важнейших атрибутов княжеских «речей» Киевской летописи – договорных формул – на всем протяжении повествования выявляется целый ряд особенностей, которые можно объяснить лишь поэтапным характером написания ее киевского источника – наиболее масштабных и детальных частей текста, отсутствующих в Лаврентьевской летописи. Среди широкого разнообразия договорных формул в статьях конца 1140 – середины 1150-х гг., описывающих деятельность Изяслава Мстиславича, выделяются группы устойчивых словосочетаний, относящихся к определенным этапам политической жизни киевского князя, таким, например, как взаимодействие с Изяславом и Владимиром Давыдовичами («быти за один», «быти за один брат»), с европейскими союзниками («быти за обиду», «ты нама еси тако оучиниль, яко же можеть такъ брать роженъи брату своему, или сынъ отцю»), с ближайшими союзниками и с побежденными противниками в финальной части конфликта («не отлучити ся ни в добре ни в зле», «быти в одном месте», «быти во всех местах»). Договорные формулы различаются и по функциям – одни становятся символами объединения, другие подтверждают готовность соблюдать заключенные ранее соглашения, третьи носят чисто воинский характер. После смерти Изяслава Мстиславича в 1154 г. резко снижается детальность изложения конфликтов, рассматриваемые устойчивые обороты практически исчезают со страниц летописи, некоторые из них появляются лишь в тексте статей 1170 – 1190-х гг, причем репертуар претерпевает изменения: появляются новые формы и новые сочетания, например, «кто мнѣ ворог, тот и тебе», но по существу договорные формулы в соглашениях уступают место указаниям на конкретные географические и временные условия («доколѣ любо оуладимся вси, любо не оуладимся»). Эти хронологические изменения показывают, насколько различны представления летописцев, пополнявших на разных этапах записи основного источника Киевской летописи, о том, какие формулировки использовались в княжеских соглашениях. Очевидно, что их инкорпорирование в текст не могло быть проведено одновременно одним лицом. Более того, можно видеть, что степень детализации при внесении в летопись сути соглашений, да и самих «речей», в различных пластах текста существенно отличается.

3. Родовая лексика в составе устойчивых сочетаний и в обращениях также наполняет княжеские послания Изяслава Мстиславича, затем, в статьях 1155–1174 (6663–6682)гг., частота и разнообразие использования терминов родства в этикетном значении существенно снижается, но они не исчезают полностью, а продолжают употребляться, причем с соблюдением тех же принципов и в тех же социальных ситуациях, что и в текстах, описывающих события середины века: по отношению к тестю или дяде используется обращение «отец», к племяннику или к зятю – «сын», к двоюродному брату, брату сестры, близкому по возрасту дяде или племяннику

– «брат». Использование обращений к союзникам в Киевской летописи носит персонифицированный характер – можно проследить целый ряд форм, в т.ч. парных, которые предпочитали применять конкретные исторические лица. Это также свидетельствует о поэтапном внесении информации в летопись, которая зафиксировала представления каждого из летописцев о этикетных практиках использования терминов родства в княжеской среде. Стоит отметить, что важность упоминания о выбранном князем обращении соответствует представлениям каждого, кто пополнял интересующий нас источник, в то время как интенсивность использования других оборотов, содержащих родовую лексику, носит неравномерный характер. Проведенный анализ не показал специфической разницы между «речами» князей, принадлежавших разным линиям Рюриковичей и правивших в разных землях, что говорит о едином центре внесения содержащих их записей.

4. Авторы Киевской летописи показывали передачу княжеского послания как устный акт, используя глаголы «рещи», «молвити», «глаголити». Несмотря на это, в историографии в течение длительного времени доминировало убеждение о том, что в действительности эти послания были письменными. Наличие в «речах» Рюриковичей множества устойчивых договорных формул и оборотов, относящихся к характерным для Средневековья мнемоническим приемам, подробное изложение в тексте летописи процессов отправления и получения посланий с неоднократным повторением его текста близким по сути, но отличающимся в деталях образом – все эти особенности говорят в пользу того, для летописца был важным именно устный аспект передачи посланий. Динамизм диалогов правителей в Киевской летописи и их краткость также показывают ориентацию того, кто вносил их в источник, на устный пересказ.

5. Формулы княжеских договоров и термины родства, использованные в «речах» Киевской летописи, также встречаются в текстах конца XII – XIII в. Новгородской первой летописи и в статьях второй половины XII – начала XIII вв. Лаврентьевской летописи. Принципы использования терминов родства в этикетном значении не меняются: как и в Киевской летописи, в Новгородской Первой летописи зять называет «отцом» тестя, а в тексте Лаврентьевской летописи – дядя именуется «сыном» племянника. Так же, как и в отдельных пластах самой Киевской летописи, в этих текстах употребление терминов родства и договорных оборотов носит индивидуальный характер и меняется со временем. В духовной литературе, для которой также характерно использование родовой лексики, можно видеть ряд близких диалогам Рюриковичей Киевской летописи оборотов (хотя ее значение, разумеется, различается), что подкрепляет версию о том, что основным источником Киевской летописи был составлен в одном из монастырей Киева, вероятнее всего – в Киево-Печерском. Тот факт, что

значительная часть договорных формул Киевской летописи вошла в стандартную форму соглашений хронологически значительно более поздней эпохи XIV–XV вв., подвергает сомнению их искусственное конструирование автором конца XII в.

Источниковую базу исследования составляет, в первую очередь, Киевская летопись, т.е. текст Ипатьевской летописи (по Ипатьевскому и Хлебниковскому спискам) с 1118 (6626) по 1200 г (6708) год³⁸.

В качестве дополнительных источников в диссертации привлекались:

1. Древнейшие русские летописи, описывающие события домонгольского периода: «Повесть временных лет», Галицко-Волынская летопись (текст Ипатьевской летописи за XIII в.), Лаврентьевская, Новгородская Первая летописи.
2. Духовная литература домонгольского периода: Житие Феодосия Печерского, Житие преподобной Евфросинии, памятники древнерусского канонического права, Киево-Печерский патерик.
3. Хроники и сохранившиеся послания центрально- и западноевропейских средневековых государств: дипломатический кодекс венгерских королей и епископов (Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis), Хроника Козьмы Пражского (Чехия), Хроника Винцентия Кадлубка (Польша), Хроника Роджера Ховеденского (Англия) и другие.
4. Берестяные грамоты и другие источники.
5. Документальные источники XIII–XV вв.: договорные грамоты Великого Новгорода и Пскова XIII–XIV вв., духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в фокусе основного исследования оказываются «речи» Киевской летописи, к которым относятся княжеские послания, изречения и диалоги, произошедшие при встрече участников. Эти тексты впервые рассматриваются в максимально широком объеме, без смещения акцента на собственно посольские послания, диалоги при встрече, краткие формы «речей». Это позволяет впервые напрямую обратиться к целому ряду вопросов, ранее остававшихся вне поля внимания исследователей, изучавших Киевскую летопись, в т.ч. какие именно социальные ситуации спровоцировали их появление в источнике, как работал летописец, инкорпорируя их в текст летописи, что могло вызвать увеличение их числа, или, наоборот, спад? Также впервые по отношению к тексту Киевской летописи применен метод комплексного анализа стереотипных, часто встречающихся в «речах» элементов, благодаря результатам которого удалось более

---

³⁸ Текст статьи 6706 (1198/9) г. Киевской летописи в Ипатьевском списке искусственно разделен: появились последние статьи 6707 (1199) г. и 6708 (1200) г, хотя повествование явно относится к одному, 6706 (1198/9) году.

отчетливо увидеть разнохарактерность отдельных пластов текста, показать, как отдельные его блоки соотносятся между собой, высказать предположения о возможных целях летописца, понимании им собственной работы.

Практическая значимость исследования. Пространная, наполненная деталями Киевская летопись является важнейшим источником по истории домонгольской Руси. В этом смысле ее источниковедческая характеристика (и в частности – вопрос о степени достоверности описания в этой летописи разнообразных конкретных событий и ситуаций, таких как, например, княжеские переговоры и соглашения) чрезвычайно важна для историков Древней Руси. Выяснение природы и статуса княжеских «речей» Киевской летописи имеет большое значение и для характеристики их как лингвистического источника.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при написании исторических, историографических, текстологических и обобщающих научных и научно-популярных работ, при подготовке лекционных курсов по отечественной истории и источниковедению в ВУЗах и дополнительных уроков углубленного изучения истории в старших классах школ и колледжей.

Соответствие шифру (паспорту) специальности. Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту научной специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, в том числе следующим направлениям исследования: п.2. Отечественная и зарубежная историография; приемы и методы ее научного познания; историографические школы; институциональные аспекты исторической науки; п.3. Теоретические и методологические проблемы исторического познания. Механизмы взаимосвязи исторической науки и общества, исторической науки и смежных отраслей гуманитарного научного знания; п.5. Теория, история и методы источниковедческого исследования. Источники по отечественной и зарубежной истории. Новая информационная среда и новые типы исторических источников; п.6 Методы исторического, историографического и источниковедческого исследования; п.7. Междисциплинарные методы, методы смежных наук: возможности и пределы их применения.

Апробация работы. Материалы диссертационного исследования были представлены на докладах на конференциях: ежегодной международной конференции «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (2013–2016 гг.), ежегодной международной конференции молодых ученых «Colloquia Russica» (2012, 2016–2019 гг.), ежегодной международной конференции «Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Восточная Европа в древности и средневековье» (2016 – 2018, 2020 гг.), на международной конференции в Варшаве «Ruś w epoce najazdów mongolskich (1223–1480)»

(«Русь в эпоху Монголов (1223–1480)») в 2013 году, на международном конгрессе в Лидсе («International Medieval Congress») в 2013 году, на Круглом столе памяти А. А. Молчанова «Silentium aurum est» в 2018 году, на международной конференции «Christian Russia in the Making» памяти Анджея Поппэ в Варшаве в 2020 году, на конференции «Русь и Латинская Европа в Средние века: контакты, влияния, конфликты» в 2021 в Москве. Результаты исследования изложены в 21 публикации, 4 из них – в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций, рекомендованный ВАК.

Структура работы выстроена по проблемному принципу. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

Первая глава посвящена обзору историографии Киевской летописи, отдельно рассматривается история изучения «речей» Киевской летописи.

Во второй главе анализируются основные особенности «речей» Киевской летописи и содержащихся в них договорных формул и других оборотов. В этой части работы сначала приводятся результаты сравнительного анализа устойчивых сочетаний, содержащихся в разных пластах и хронологических блоках летописного текста, а затем – сравнение результатов с другими источниками: как хронологически близкими, так и относящимися к более позднему периоду.

В третьей главе представлены результаты изучения использования родовой лексики в этикетном значении в Киевской летописи, его текстологический аспект. Выявлены общие принципы употребления этой лексики (в т.ч. то, что она характерна именно для княжеских «речей»), показано, что эти принципы не меняются с ходом повествования, в то время как индивидуальные (т.е. присущие «речам» определенных правителей) особенности использования родовой терминологии варьируют в зависимости от состава действующих исторических лиц, что говорит о неодновременном составлении разных частей летописи. Приведены результаты сравнительного анализа с хронологически близкими и, наоборот, отдаленными по времени составления источниками, что дает более широкую перспективу и подтверждает предварительные выводы.

В Заключении приводятся основные результаты работы, излагаются гипотезы, объясняющие полученные данные с источниковедческой точки зрения, а также дополнительные предположения, сформированные в основной части работы.

Глава 1. Историография Киевской летописи

1.1. История публикаций Киевской летописи

Киевской летописью (иногда: Киевским сводом) принято называть текст Ипатьевской летописи за 1118/9 (6626) по 1198/9 (6706) годы, т.е. «среднюю» часть этого памятника, читающуюся после окончания «Повести временных лет» и до начала Галицко-Волынской летописи (текста за XIII в.). Текст последней статьи 6706 (1198/9) г. Киевской летописи в Ипатьевском списке искусственно разделен: появились последние статьи 6707 (1199) г. и 6708 (1200) г, хотя повествование явно относится к одному, 6706 (1198/9) году. Исходное состояние сохранилось в Хлебниковском списке.

Как целое Ипатьевская летопись сформировалась не ранее конца XIII в.

Существует два основных списка этой летописи – Ипатьевский и Хлебниковский, восходящих к общему протографу и четыре списка, восходящих к Хлебниковскому: Погодинский, Ермолаевский, список Ярицкого и Краковский список. Общий для Ипатьевского и Хлебниковского источник определяется как южнорусский сборник XIV века.³⁹

Ипатьевский список датируется концом 10-х – началом 20-х гг. XV в.,⁴⁰ он был переписан в Пскове с южнорусского оригинала,⁴¹ в XVII веке принадлежал Ипатьевскому монастырю под Костромой, о чем свидетельствует надпись на обороте первого листа: «Книга Ипатцкого монастыря летописец о княжении»,⁴² затем был передан Императорской Академии Наук в Санкт-Петербурге, в данный момент хранится в Библиотеке Российской Академии Наук.

Хлебниковский список принадлежал купцу Н.К. Хлебникову, написан в середине XVI века, до этого он хранился в Киево-Печерском монастыре, содержит личные пометы митрополита Петра Могилы. Этот список представляет собой тот же текст, что Ипатьевская летопись, за исключением того, что в нем отсутствует погодная сетка статей XIII века, вставленная в Ипатьевскую летопись, т.е. Галицко-Волынская летопись в этом списке представляет собой цельное, не разбитое на годы повествование, что, видимо, соответствует ее первоначальному виду⁴³.

Первое полное издание Киевской летописи в составе Ипатьевского свода было осуществлено (в рамках работы Археографической комиссии) в 1843 году Я.И. Березниковым

³⁹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пгг. 1916. С. LI.

⁴⁰ Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. // Полное собрание русских летописей — М.: Языки русской культуры, 1998. — Т. 2 // ПСРЛ. Т. 2. С. F.

⁴¹ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. С. LIII.

⁴² Клосс Б. М. Предисловие к изданию 1998 г. С. F.

⁴³ Там же. С. G.

под названием «Ипатьевский список Волынской летописи (1111 – 1305 гг.)» в составе «Полного собрания русских летописей». В приложении был также опубликован текст Густынской летописи (842 – 1597 гг.). В 1871 году последовало новое издание: «Летопись по Ипатскому списку», которое было осуществлено отдельно от «Полного собрания русских летописей» и включало, помимо интересующего нас «Летописца Киевской и Юго-Западной Руси с 1111 по 1201 годы», Повесть временных лет (это было первое ее полноценное издание по Ипатьевскому списку) и «Летопись Галицко-Волынскую».

Второе издание второго тома «Полного собрания русских летописей» было подготовлено А.А. Шахматовым и издано в 1908 году. В основу лег текст Ипатьевского списка, в качестве разночтений были даны тексты Хлебниковского и Погодинского списков, а в «Приложении» помещены разночтения из Ермолаевского списка. Это издание было повторено в 1923 году, но издано лишь частично, летопись была доведена только до 1146 года, в качестве разночтений предоставлялся только текст Хлебниковского списка. В 1962 и 1992 годах издание А.А. Шахматова 1908 года воспроизводилось репринтно (в 1998 г. с новым предисловием Б.М. Клосса; также том был дополнен именованным и географическим указателями, подготовленными Л.Л. Муравьевой и Л.Ф. Кузьминым в 1975 году, и издававшимися тогда отдельно. В 2017 году вышло новое издание Киевской летописи по Ипатьевскому списку, с разночтениями по Хлебниковскому и Погодинскому спискам, подготовленное И.С. Юрьевой. В тексте были исправлены многие ошибки предшествующих публикаций, а также дан грамматический указатель, значительно расширивший возможности работы с летописным текстом.

В издании «Полного собрания русских летописей» под редакцией А.А. Шахматова (2е издание), летописный текст, как и в ряде других летописных изданий, был разбит для удобства чтения на столбцы: по два на страницу. Они имели сплошную нумерацию по всей Ипатьевской летописи, Киевская летопись начиналась со столбца 285 и заканчивалась на столбце 715, что соответствовало рукописным листам: с оборота 106-го и до 245 листа. В издании 2017 года в основу навигации по тексту были положены сами рукописные листы, поделенные на четыре столбца: а,б (лицо), в,г (оборот).

1.2. Текстологическое изучение Киевской летописи

К тексту Киевской летописи в составе Ипатьевского списка обращались исследователи различных эпох, на ее сообщения опирались В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, А.Л. Шлёцер, М.П. Погодин. Первые попытки анализа Киевской летописи, установления места и времени ее составления, происхождения известий, сравнения текста с Лаврентьевской летописью были предприняты в первой половине XIX века.

В.М. Перевощиков подробно описал Ипатьевскую летопись, отметил ряд лакун и пропусков, предположил, что свод составлен в XIV веке, автор подчеркивал его важность для понимания раннего периода русской истории⁴⁴. При публикации выдержек из древнейших летописей, он обратил внимание на то, что составитель Лаврентьевской летописи сокращал сказания «Киевского летописателя», а составитель Ипатьевского списка сокращал сказания «Владимирского летописателя», таким образом, наиболее полные повествования являются показателем авторского текста, а сокращения – руки переписчика⁴⁵.

Н.И. Костомаров в «Лекциях по русской истории» выделял в составе Киевской летописи три различных по характеру пласта текстов: «неравномерный в объеме описания сборник разных событий»⁴⁶ до 1146 г. и подробный рассказ, который начинается после этого рубежа. Он обратил внимание на статьи 1171 и 1172 годов, где обнаруживает себя автор – это мог быть Симеон, игумен Андреевского монастыря в Киеве.⁴⁷ Н.И. Костомаров отмечал разнохарактерный состав летописи, сообщения о смертях представителей княжеской династии и духовных лиц он считал происходившими «из синодиков, куда вносились для поминовения в монастырях и церквях».⁴⁸ Он сравнил Киевскую летопись с хронологически близкими погодными статьями Лаврентьевской летописи, признавая, что в последней тот же текст подвергся сокращению, причем переписчик сначала пользовался только текстом, доходившим до 1157 г., а новая часть общих пластов начинается с 1172 года. Отдельные авторы прослеживаются им в 1138–1140 гг., 1140–1146 гг., 1146–1156 гг., 1156–1175 гг.⁴⁹.

Несколько иного мнения придерживался Н.К. Бестужев-Рюмин – он не сомневался в том, что Киевская летопись представляет собой летописный свод и носит ярко выраженный составной характер, к такому выводу он пришел, сравнивая ее текст с Лаврентьевской летописью и обнаруживая дубли и очевидные вставки⁵⁰. Н.К. Бестужев-Рюмин выделяет ряд известий, авторами которых могли быть только летописцы, принадлежавшие к разным землям: черниговец, северянин, житель Киева. Свод составляет «лишь обломки этих летописей, из которых в иных и заметны некоторые личные указания»⁵¹. Так как эти различные указания сильно и перемежаются в тексте, «думать, что вся летопись писана одним лицом от одного

---

⁴⁴ Перевощиков В.М. О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. С. 12–14.

⁴⁵ Там же. С. 52.

⁴⁶ Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Источники русской истории. СПб. 1861. Ч.1. С.39.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 42.

⁴⁹ Там же. с. 39–46.

⁵⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. С. 73–75.

⁵¹ Там же. С. 76.

личного указания до другого нельзя»⁵². Исследователь отмечает, что главным источником статей 6656 (1148) – 6662 (1154) был современник, сторонник и даже соратник Изяслава Мстиславича, носивший духовное звание. Он обнаруживает себя несколькими ремарками, например, упоминая о том, что лично слышал от князя приведенную в тексте поговорку⁵³.

И.П. Хрущов⁵⁴ рассматривал Ипатьевскую летопись комплексно, а Киевскую летопись – как прямое продолжение «Повести временных лет». Он отмечает, что со статьи 1140 (6648) г. «богословский тон» летописи меняется, исчезают похвальные характеристики князей, появляются «живые речи дружинников», записи, написанные «поодаль от монастырских стен»,⁵⁵ автор выделяет отдельные повести и рассказы о чудесах, о битвах с половцами, сказания светского характера, подробно останавливается на летописном повествовании об убийстве Андрея Боголюбского, он выделяет и сообщения киевского автора (Киевлянина) в Лаврентьевской летописи⁵⁶.

И.П. Хрущов предполагал, что при жизни князей велись краткие записки или «памяти» о походах, битвах, союзах, договорах, они попали в летопись в своей первоначальной форме «погодных или помесячных отметок событий», причем «с подробностями, важными для очевидцев и людей ратных»⁵⁷. Он разделяет более сухие княжеские сообщения подобного рода, принадлежавшие Изяславу Мстиславичу, Ольговичам, другим князьям, и более близкие былинами дружинные. Кроме того, для автора летописи было важно указать на повод или причину конфликта. В целом эти пласты летописи характеризуются исследователем как живая историческая хроника⁵⁸.

И.П. Хрущов подробно остановился на том, каким образом происходила компоновка текстов автора, близкого Изяславу Мстиславичу и летописца, лояльного Ольговичам (по мнению исследователя, это было духовное лицо, житель Новгород-Северского)⁵⁹ в статьях 1146 (6654) – 1148 (6656) гг., отмечает, что их мнения противоположны, хотя тексты перемежаются, из чего автор делает вывод, что личность составителя не современна событиям, он заботился лишь о последовательности изложения и соблюдения хронологии, не вникая в суть описываемых событий и не занимая чью-либо сторону⁶⁰.

---

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 79.

⁵⁴ Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий.

⁵⁵ Там же. С. 122.

⁵⁶ Там же. С. 141–142.

⁵⁷ Там же. с. 160–162.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 164.

⁶⁰ Там же. С. 162–164.

Рассказ о конфликте Изяслава Мстиславича с Юрием Владимировичем показан в летописи, с точки зрения И.П. Хрущова, «сухо и без книжного красноречия»⁶¹, а отношения князей «обрисовываются преимущественно их речами, что дает возможность современному нам историку оживленно излагать историю этих союзов и усобиц»⁶², при этом часто видение событий показано сквозь призму «отчетливого изложения договоров»⁶³.

А.А. Шахматов связывал создание общерусского свода, содержащего сведения об истории различных земель (Владимирского полихрона), с деятельностью митрополита Петра в начале XIV века. Этот свод не сохранился, но на нем, по мнению автора, основываются все известные нам своды XIV века, а именно тексты Лаврентьевской и общего протографа Ипатьевской и Хлебниковской летописей. Наличие общего текста в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях объясняется тем, что обе они опирались на этот общерусский свод⁶⁴.

В своих первоначальных разработках А.А. Шахматов выделял несколько этапов сложения этого свода: Ипатьевская летопись основывается на Владимирском полихроне 1423 года, которому предшествовал упомянутый свод – Владимирский полихрон начала XIV века митрополита Петра (именно в этом памятнике появляется термин «всея Руси» применительно к Владимиру Мономаху)⁶⁵, он, в свою очередь, опирался на Владимирский свод 1185 года. В Лаврентьевской летописи два последних источника использовались одновременно, что и нашло отражение в ее сложной структуре ее текста.

Помимо позднего Владимирского полихрона XIV века при составлении Ипатьевской летописи были использованы памятники: Киевский свод 1198 года, Черниговский и Галицко-волынский своды, которые часто дублировали известия Полихрона, что стало причиной многочисленных несостыковок текста. Среди этих текстов автор выделяет Выдубицкую летопись, оканчивающую свод 1198 года, которая велась в Выдубицком монастыре под Киевом в третьей четверти XII века. Именно ее автор переработал статьи 80х – 90х годов XII века добавляя к описанию действий Святослава Всеволодича «со сватомъ своимъ Рюрикомъ» (1183, 1187, 1192 годы), что говорит о том, что он был близок Рюрику Ростиславичу. Из Галицко-Волынской летописи взят эпизод с Петроком, который будет подробнее рассмотрен ниже, а также рассказ о походе Всеволода Ольговича на Владимира Володаревича 1146 года. Этот эпизод описывает события с сочувствием к галичанам (т.к. Господь послал дождь, задержавший вражеское войско) в то время как выше, в летописной статье 1144 года, пишет А.А. Шахматов,

---

⁶¹ Там же. С. 174.

⁶² Там же. С. 178.

⁶³ Там же. С. 180.

⁶⁴ Шахматов А.А. Обзорение летописных сводов XIV-XVI вв. С. 365.

⁶⁵ Там же. С. 77.

– мы находим описание того же самого похода, но с точки зрения киевского автора: здесь Владимир Галицкий презрительно назван «многоглаголивым». Также следы этого текста прослеживаются в статье 1150 года о походе Владимира на помощь Юрию, в том числе именно она описывает поклонение князя святым мученикам⁶⁶, приезд Андроника к Ярославу Владимировичу, сожжение Анастасии галичанами, утверждение Владимира Ярославича в Галиче.⁶⁷ Еще одна самостоятельная летопись в составе Киевской летописи, по мнению А.А. Шахматова – Черниговская – сочувственно относится к судьбе Игоря Ольговича. Она подробно рассказывает о жизни Игоря Святославича, в статье 1142 года именно из этого протографа сохранилось именование епископа Пантелеймона «блаженным», здесь же приводится сообщение о его смерти. Перу ее автора принадлежат рассказы о распри между Давыдовичами и Ольговичами, а также множество дат, касающихся жизни черниговских князей⁶⁸.

Вопрос о том, в результате каких построений появилась идея Полихрона как источника Ипатьевской летописи, требует отдельного внимания. Рассматривая соотношение известий в Ипатьевской и Воскресенской летописях, А.А. Шахматов отметил, что обе летописи содержат одинаковое соединение южнорусских и суздальских известий, причем тождественными оказываются и швы, маркирующие соединение этого текста с текстом, схожим с Лаврентьевской летописью. Судя по нескольким ошибкам в Ипатьевской, Воскресенская являет собой «более исправный текст», т.е. не может быть вторичной по отношению к Ипатьевской. Таким образом, А.А. Шахматов подошел к тезису о том, что составитель Лаврентьевской летописи извлекал свои сообщения из более полного источника, который впоследствии стал одним из источников Ипатьевской и Воскресенской.

Автор прототипа этих летописей взял уже готовые соединения южнорусских и суздальских известий, в то время как в Лаврентьевской летописи суздальские известия не имеют следов подобных соединений и следов позднейшей переработки, например, сообщения о пятиверхом Владимирском соборе. Дальнейшие поиски того источника, из которого указанные соединения южнорусских и суздальских известий могли попасть в Воскресенскую летопись, заставляют обратиться к ее протографам, среди них московские своды XV века, Первая Софийская, Троицкая летописи и реконструируемый А.А. Шахматовым Владимирский полихрон 1423 года, который, в свою очередь, восходит к более раннему Полихрону начала XIV века – времени митрополита Петра, он же лежит в основе и Ипатьевской летописи⁶⁹.

---

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 403.

⁶⁷ Шахматов А.А. Обозрение летописных сводов XIV-XVI вв. С. 72.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 72–78.

Текст Полихрона в составе Ипатьевской летописи, по мнению А.А. Шахматова, вобрал в себя отдельные известия гораздо большего числа летописей, и они по-прежнему хорошо вычлняются в тексте, а иногда и дублируют друг друга: «Владимирский полихрон, восстанавливаемый в значительной своей части по Ипатьевской летописи, представлял собой соединение не одной только южнорусской летописи с суздальской; в состав его вошло несколько южных летописей и несколько суздальских (владимирская, ростовская, переяславская). Так, в южнорусских известиях Полихрона отражается то киевский, то черниговский, то галицкий или волынский летописец»⁷⁰. Местом составления Ипатьевской летописи была Южная Русь, поэтому при изложении событий XIII века использован Галицко-волынский свод, а не Полихрон.⁷¹

Во вводной статье к своей реконструкции «Повести временных лет» А.А. Шахматов несколько иначе рисует картину соотношения летописных сводов, упрощая ее. В Киеве, пишет он, – на протяжении XII века летописание велось в двух центрах: в Киево-Печерском монастыре (в основе Киево-Печерская, измененная по силвестровской редакции Повесть временных лет, читаемая в Ипатьевском списке) и в Выдубицком монастыре (прямое продолжение Силвестровской Повести временных лет, измененной по киево-печерской редакции, читаемое в Лаврентьевской). Эти два свода были соединены в Южнорусском сборнике XIV века (хотя возможно, что киево-печерский текст был использован не напрямую, а через Выдубицкий свод), который и стал протографом для Ипатьевской и Хлебниковской летописей. В этом же протографе был использован общерусский Владимирский свод⁷².

Из Киева летописание еще в XII веке перешло в Переяславль, где велись две летописи, причем одна из них была епископской, а вторая – княжеской⁷³, затем они были перенесены во Владимир: сначала епископская, затем – в конце XII века – княжеская, впоследствии они были использованы и в Лаврентьевской и в Ипатьевской летописях. Наиболее сложный элемент реконструкции, а именно – процесс их соединения с текстами, составленными в Киеве, подробно не был рассмотрен автором.

Несмотря на то, что теория существования Владимирского полихрона начала XIV века не была впоследствии поддержана учеными, а вся схема подверглась пересмотру, А.А. Шахматову удалось выделить основные особенности соотношений между сохранившимися летописями и выявить ряд текстологических маркеров, таких как фразы, демонстрирующие приверженность

---

⁷⁰ Там же. С. 77–78.

⁷¹ Шахматов А.А. Обзор летописных сводов XIV–XVI вв. С. 79.

⁷² Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. С. XLIII–XLIV.

автора определенной территории, или близость конкретному князю, серии дублей и явных правок, которые затем использовались исследователями.

В отличие от своих последователей, А.А. Шахматов реже предполагал позднюю правку, чаще – изначальную разницу в сохранившихся текстах, что и стало причиной избыточной сложности общей схемы домонгольского летописания. По преимуществу он рассматривал различные чтения списков Повести временных лет, меньше внимания уделяя последующим летописным статьям, поэтому текст Киевской летописи изучен им не в полной мере.

Последователь А.А. Шахматова, М.Д. Приселков, поддержал предположение о существовании общерусского свода XIV века, легшего в основу Ипатьевской летописи, однако выдвинул гипотезу о существовании еще одного, промежуточного текста, представлявшего собой дефектный экземпляр, общий с протографом Хлебниковской и зависимых от нее. Этот южнорусский свод XIV века вобрал в себя Великокняжеский летописный свод 1200 года, Галицко-волынскую летопись, Владимиро-Ростовский свод XIII века.

Южнорусский свод XIV века, согласно М.Д. Приселкову, был создан по поручению Юрия Львовича, князя Галицкого и Волынского: в усиливавшейся борьбе Владимира суздальского (добывавшегося перенесения митрополии) и Галича за наследство Киева как центра русских земель наличие общерусского свода могло служить дополнительным аргументом. Таким образом, М.Д. Приселков фактически продолжает позднюю реконструкцию А.А. Шахматова, который в первом томе «Повести временных лет» также указывал на существование южнорусского свода XIV века.

М.Д. Приселков также продолжил предположение своего предшественника о двух традициях летописания Переяславля Южного – княжеской и епископской. Княжеский летописец описывал подвиги Владимира Глебовича в военных предприятиях против степи, по этому критерию можно определить заимствования из этого реконструируемого источника как в составе Киевского свода 1200 года (т.е. текста, читающегося в составе Ипатьевской летописи), так и в составе Владимирского свода 1193 г (т.е. текста, читающегося в составе Лаврентьевской летописи).

По мнению автора, княжеский летописец использовался владимирским сводчиком весьма скудно, но был хорошо представлен в Киевском своде 1200 года, поэтому начиная с окончания Повести временных лет и до 1169 года их тексты близки; вероятно, княжеский летописец следовал за епископским, сокращая его⁷⁴. Итак, Киевская летопись в составе Ипатьевской летописи по преимуществу основывается на киевском княжеском летописании, а в основе

---

⁷⁴ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XVI вв. СПб. 1996. С. 70.

записей того же хронологического отрезка в Лаврентьевской – епископское летописание Переяславля-Южного⁷⁵, чем и объясняется разница в характере текстов этих двух летописей.

По мнению М.Д. Приселкова, киевские и переяславские известия были соединены в Киевском своде 1200 года, куда вошли: «Повесть временных лет» редакции 1118 года, которая была продолжена записями киевской летописи, черниговская летопись, две переяславские летописи (епископская 1175 года и княжеская 1187 года) и хроника Ростиславичей. Таким образом, в составе Киевской летописи были выявлены границы различных по времени написания текстов и границы текстов, которые создавались в один и тот же хронологический период и вошли в свод череполосно. Показательно, что, с точки зрения М.Д. Приселкова, соединение всех этих памятников и известий в единый свод произошло очень рано – в 1200 г. Согласно Приселкову, это первый киевский великокняжеский свод, автором которого был игумен Выдубицкого монастыря Моисей – его речь, обращенная к Рюрику Ростиславичу содержится в статье 6708 (1200) года⁷⁶. Очевидно, он же является автором «Семейной хроники Ростиславичей», содержащейся в последней части Киевской летописи и именно его перу принадлежат характерные для нескольких последних княжеских панегириков слова «и приложися к отцемъ своим», они используются по отношению к братьям Рюрика, поэтому М.Д. Приселков и выбрал такое название. Княжеский летописец Переяславля Южного описывает деятельность (преимущественно военные подвиги) князя Владимира Глебовича и заканчивается с его смертью в 1187 году. Эти же известия встречаются и в Лаврентьевской летописи. Черниговский летописец связан с деятельностью Игоря Святославича, последнее его известие относится к 1198 году и сообщает о смерти черниговского князя Ярослава Всеволодича и вступлении на черниговский престол Игоря Святославича. На личность Игоря Святославича, как на князя, при котором создавался упомянутый текст, указывают и термины родства, употребленные по отношению к другим князьям: Всеволод Святославич – брат, Владимир Галицкий – шурин. Пространные детализированные повествования, упоминания бытовых и психологических особенностей – все говорит о близком знакомстве автора с Игорем. Однако этот автор – не единственный составитель черниговской летописи: М.Д. Приселков выделяет также записи человека, описывавшего деятельность отца и брата Игоря – Святослава Ольговича и Олега Святославича (Летописец Новгорода Северского),⁷⁷ именно благодаря ему в летописи сохранились точные даты семейных событий 1148, 1149, 1151, 1165 годов. Автор приходит к выводу, что Киевская летопись – это единственная (реконструируемая) летопись, сохранившая

---

⁷⁵ Там же. С. 70

⁷⁶ Там же. С. 88.

⁷⁷ Там же. С. 90–91.

описание семейных событий одной из крупнейших и некогда процветавшей ветви Рюриковичей – Ольговичей. Он обратил внимание на то, что известия черниговской и киевской летописей, соединенные на протяжении большей части Киевской летописи часто дублируют друг друга, рассказывая об одном событии, причем порой это не только два различных взгляда, но и разный по характеру и стилю текст. Таковы, например, «деловой рассказ» о правлении Изяслава Мстиславича (очевидно, М.Д. Приселков имел в виду его первое правление в Киеве как киевского князя – М.Л.) и черниговский «многоречивый и условно-литературный рассказ» о фиаско Игоря Ольговича⁷⁸.

Упоминание о перенесении мощей Игоря в 1180 году говорит о том, что киевским сводчиком в 1200 году была привлечена именно целостная черниговская летопись, а не разрозненные известия, однако она не велась постоянно, как в Киеве. Кроме этих источников, в основу Киевского свода 1200 года лег текст «непрерывного киевского летописания»⁷⁹ и «летописный рассказ о судьбах Галицко-Волынской земли»⁸⁰, причем можно заметить, моменты, когда сводчик переключался с одного на другой текст. Например, М.Д. Приселков, вслед за А.А. Шахматовым, замечает, что в статье 1145 года указывается на причастность «ляцкого мужа» Петрока к смерти князя Володаря, причем летописец говорит, что об этом «в задних летех писано», однако в статье 1122 года о Петроке ничего не говорится: «Володаря яша Ляхове льстью» – следовательно, пишет М.Д. Приселков, в последней статье автор свода 1200 года предпочел киевский текст, а в 1145м – галицко-волынский, из-за чего отсылка к раннему тексту в этой погодной статье потеряла смысл⁸¹. М.Д. Приселков определяет язык галицко-волынского источника как «живой», «любопытный», с «жизнерадостным, далеким от церкви и церковных книг тоном», «близкий обычным в Византии формам исторических повествований», автор – дружинник.

Несмотря на тяжелейшие условия работы ученого, М.Д. Приселков сумел найти наиболее непротиворечивое объяснение истории создания летописных текстов по сохранившимся на начало XX века рукописям, оставив, однако, неразъясненным целый ряд деталей (например, использовался ли переяславским летописцем тот же самый киевский источник, что имелся у автора свода 1200 года?)

Д.С. Лихачев предполагал, что летописи XII века, из которых состоят дошедшие до нас своды, повествовали не столько об истории той или иной земли, сколько об истории

---

⁷⁸ Там же. С. 91.

⁷⁹ Там же. С. 94.

⁸⁰ Там же. С. 95.

⁸¹ Там же. С. 96. А.А. Шахматов также интересовался этой отсылкой, но не видел здесь несостыковки. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов. С. 71.

конкретного князя и его семьи, поэтому наибольший интерес летописцев касается рождения, венчания, смерти и других значимых событий жизни своих патронов⁸², что отличает русское летописание и от византийских, и от западноевропейских традиций⁸³.

Продолжая идею М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачев считал, что авторами некоторых летописных сообщений могли быть и сами князья⁸⁴. Оставляя практически без изменений схему сложения Ипатьевской летописи, предложенную М.Д. Приселковым, Д.С. Лихачев отмечает, что содержащиеся в ней переяславские известия лишены некоторых отрицательных характеристик князей линии Ольговичей в отличие от Лаврентьевской летописи, где они присутствуют⁸⁵. По мнению автора текст подвергся некой «прочерниговской правке», прежде чем попал в состав Киевского свода. Возможно, этот текст сначала попал в черниговскую летопись, которая велась при князе Игоре Святославиче, причем передача произошла уже после того, как переяславский текст был закончен в 1187 году (в год смерти Владимира Глебовича).⁸⁶ Упомянутая черниговская летопись в период правления Игоря Святославича в Чернигове превращается в первый свод, который уже был использован Моисеем в 1200 году⁸⁷.

И.П. Еремин в труде «Киевская летопись как памятник литературы» различает в составе этой летописи рассказы, погодные записи и повести. Исследователь характеризует основную форму изложения как летописный рассказ, предполагающий выраженную авторскую позицию, он часто производит впечатление устного изложения событий, «окниженного в процессе записи»,⁸⁸ рассказы, как правило, содержат информацию о политических событиях. Погодная запись краткая, обладает ярко выраженной документальностью. Характер повествования Киевской летописи заставляет предположить, что текст изложен очевидцем, он детален, представляет собой порой уже «не столько рассказ, сколько документальный отчет о виденном».

А.Н. Насонов в труде «История русского летописания XI – начала XVIII века»⁸⁹ наиболее обстоятельно подошел к проблеме сравнения текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII в.

---

⁸² Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.–Л., 1947. С. 176.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Так, он считает, что ладожские известия Повести временных лет были записаны лично князем Мстиславом Владимировичем, так как в летописи чувствуется его «сниходительный тон» по отношению к посаднику. Лихачев, Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 179.

⁸⁵ Там же. С. 186–187.

⁸⁶ Там же. С. 186.

⁸⁷ Там же. С. 189.

⁸⁸ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы. С. 70–72.

⁸⁹ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века.

Отталкиваясь от основных выводов А.А. Шахматова, А.Н. Насонов обращает внимание на то, что соотношение переяславского летописания к киевскому, моменты их соединения в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях остаются неясными, и ставит разрешение этих проблем в качестве одной из своих основных задач. Вот некоторые из его выводов:

1. Отсутствие в Ипатьевской отрицательных характеристик Ольговичей, имеющих в Лаврентьевской, возможно отнести к правке киевского текста в переяславском своде, т.е. они были не убраны в Ипатьевской, а добавлены в Лаврентьевской.

2. При внимательном рассмотрении переяславских известий (события эпохи правления Ярополка в Переяславле, фрагменты статей 6640 г., 6680 г, поход Игоря Святославича – то, что он взят из переяславского источника, показано М.Д. Приселковым⁹⁰, сообщение о смерти Владимира Глебовича) оказывается, что в Ипатьевской летописи переяславский источник использован далеко не так полно, как в Лаврентьевской. В Ипатьевской отсутствует ряд топографических данных (например, «испостиже я у Полкъстѣня») и других записей, касающихся непосредственно Переяславля (о поставлении епископом игумена Марка). Нет в Ипатьевском тексте и сообщения о том, что Владимир Мономах создал на реке Альте (которая находится в Переяславской земле) церковь Бориса и Глеба, приписки о том, что после воцарения Мстислава Великого в Киеве «Ярополк, братъ его иде Переяславлю», под 6635 годом – о посадении Ярополком Переяславским посадников по Сейму и Изяслава Мстиславича в Курске, и ряда других переяславских приписок: «и начаша воевати селы и города по Сулѣ», «многы пакости створиша», «Устье пожгоша», под 6655 годом – уточнение «на Супой»⁹¹, в статье 6659 года добавлено Мажево сельцо, которое, очевидно, было известно переяславцу⁹². Явно переяславское происхождение показывает запись о победе Ярополка «токмо с переяславци своими»,⁹³ при этом отрицательные характеристики жителей этого города в Лаврентьевской летописи опущены, но имеются в Ипатьевской: «и бысть леть в переяславцехъ».⁹⁴ Переяславское по происхождению сообщение о смерти Владимира Глебовича в Ипатьевской летописи в статье 6695 года⁹⁵. В статье 6661 года Лаврентьевской летописи, по контексту близкой киевскому автору и Изяславу Мстиславичу, не говорится о «не отличавшемся доблестью» поведении Мстислава Изяславича (на тот момент – князя

---

⁹⁰ Приселков М.Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник // Историк-марксист. 1938. № 6(70) С.112–133.

⁹¹ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. С. 98.

⁹² Там же. С. 99.

⁹³ Там же. С. 83–84.

⁹⁴ Там же, С. 98.

⁹⁵ Там же, С. 86.

перяславского), что может косвенно указывать на происхождение записи.⁹⁶ При этом, редактируя киевский текст, перяславский автор Лаврентьевской летописи «выбрасывает сведения, которые скорее были интересны киевлянам»⁹⁷. Некоторые перяславские сообщения Ипатьевской летописи, практически идентичные Лаврентьевской, перебивают черниговский текст (о походе Изяслава Мстиславича на Киев после молитвы в монастыре Св. Михаила у епископа Евфимия в Перяславле)⁹⁸.

3. До 40-х гг. XII в. составитель Лаврентьевской летописи «обнаруживает повышенный интерес к церковным делам» (в т.ч. точные даты о смерти юрьевского епископа Данилы, солнечного и лунного затмений, уточнение при описании прибытия митрополита «въ святую Софью» в статье 6630 г., о погоревших церквях в статье 6632 года, больше деталей в рассказе о поставлении митрополита Клима в статье 6655 г.) Эти дополнения касаются событий, происходивших за пределами Перяславля: в Новгороде, Ростове, Смоленске. Приводятся конкретные данные и даты, отсутствующие в Ипатьевской. По-видимому, они появились в летописи под рукой епископа (как считал еще А.А. Шахматов), однако в ней нет достаточных свидетельств существования перяславского епископского летописца, как думал М.Д. Приселков⁹⁹. Наличие этих сообщений объясняется А.Н. Насоновым историческим положением перяславской кафедры, которой еще в XI веке «были подведомственны и Ростово-Суздальская и Смоленская земли»¹⁰⁰.

4. В Лаврентьевской летописи использована киевская летописная традиция без обширных черниговских вставок, которые содержатся в Ипатьевской летописи, и к которым относится, например, текст об установлении в Киеве власти Игоря Ольговича, обрывающийся совершенно дисгармонирующими с ним словами киевского продолжения: «и не угодень бысть кияномъ Игорьъ», затем от слов «Игорь же посла къ братама своима» продолжается черниговский источник и далее, следующая вставка – о разграблении Изяславом и киевлянами домов дружинников Игоря и Всеволода, сообщения о взаимодействии Святослава Ольговича с Давыдовичами и деятельности его посла Костяжки, черниговский автор приводит прямую речь о злом замысле Давыдовичей и т.д. Очевидно, это записи, сделанные в лагере Святослава Ольговича и освещающие его отношения с союзниками, прежде всего, с Юрием Владимировичем. Черниговские сообщения иногда дублируют, а иногда заменяют

---

⁹⁶ Там же. С. 96.

⁹⁷ Там же, С. 98.

⁹⁸ Там же. С. 85. Статья 6653. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 322.

⁹⁹ Насонов А.Н. История русского летописания XI – XVIII века. С. 108.

¹⁰⁰ Там же.

первоначальный киевский текст в Ипатьевской летописи, в Лаврентьевской их нет.¹⁰¹ Наиболее подробная компиляция черниговских известий с киевскими – в статье 6657 года, повествующей о переговорах Святослава Ольговича с Юрием Владимировичем, черниговский источник ведет повествование по дням недели и освещает события, непосредственно связанные с личностью Святослава Ольговича. В дальнейшем источник прослеживается в записях 6659 – 6663 гг.

А.Н. Насонов предполагает, что он был включен в киевский текст в период правления в Киеве Юрия Владимировича.

5. Как переяславский источник в Ипатьевской летописи, так и киевский источник в Лаврентьевской летописи иногда можно определить по употреблению терминов «наш», «наши» и др, например: «противу нашим и наши противу им» (Ипатьевская, речь о переяславцах), «прогна (Святослав Ольгович –А.Н.) нашѣ опять» (Лаврентьевская, речь о киевлянах)¹⁰².

6. Киевское или переяславское происхождение текста в обеих летописях можно понять и по тому, как автор определял свое (своего летописного центра) положение касательно Днепра: в Ипатьевской летописи говорится «на сей сторонѣ» – с точки зрения киевлянина, тогда как в Лаврентьевской «на оной» – с точки зрения переяславца¹⁰³. Единожды в ситуации, когда переяславский автор использовал текст с указанной формулировкой, он убрал уточнение «по оной стороне Днепра»: она «была «оной» для киевлянина, но не переяславца»¹⁰⁴.

7. На начальном этапе известия Лаврентьевской летописи повторяют Ипатьевскую порой дословно, но с незначительными сокращениями, например, в Лаврентьевской нет слов «и бояре его, и отступиша от него» в первом сообщении Киевской летописи об отступлении Ярослава¹⁰⁵, не указана точная дата и место смерти Глеба (Всеславича – М.Л.)¹⁰⁶, опущено упоминание о том, как Владимир Мономах отнял у него Минск¹⁰⁷, опущена фраза о возвращении Юрия Владимировича из похода на Волжскую Булгарию в статье 6628 (остальная часть эпизода повторена почти дословно)¹⁰⁸.

8. На то, что киевский текст «механически» был сокращен в Лаврентьевской летописи, указывает, например, сообщение этой летописи об отнятых у Святослава Всеволодича

---

¹⁰¹ Там же. С. 104.

¹⁰² «...против Святослава послали киевлян с воеводой Шварном, следовательно, писано это киевлянином». В Ипатьевской этого киевского текста нет, т.к. он заменен черниговским. Там же. С. 86, 91.

¹⁰³ Там же. С. 94–95.

¹⁰⁴ Насонов А.Н. История русского летописания XI – XVIII века. С. 99.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285.

¹⁰⁶ В действительности в Ипатьевской летописи два сообщения о том, что Владимир Мономах изгоняет Глеба Всеславича из Минска: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285 (сообщения разбиты началом Киевской летописи). Этот повтор используется в аргументации Т.Л. Вилкул. (Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 21–80, 33).

¹⁰⁷ Данная статья в составе Ипатьевской летописи входит в состав «Продолжения Повести временных лет» и предшествует Киевской летописи. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 285.

¹⁰⁸ Насонов А.Н. История русского летописания XI – XVIII века. С. 87.

Изяславом Мстиславичем пяти городах, без упоминания о том, когда он их отдал (что сказано в Ипатьевской),¹⁰⁹ схожие сокращения есть и далее в тексте, повествующем об убийстве Игоря и др.

9. Тексты общих пластов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей в статьях 6654 – 6658 гг. на значительном протяжении схожи, однако Лаврентьевская летопись имеет как незначительные сокращения, так и минимальные дополнения¹¹⁰, источник киевского происхождения Лаврентьевской летописи несколько отличается от такого Ипатьевской, (т.е. от свода 1198/99 гг): в статье 6627 года в Ипатьевской летописи говорится, что Ярослав Святополкович бежал «в Угры», а в Лаврентьевской – в «Ляхы», в статье 6635 года составитель Ипатьевской дважды перескочил через фразу, благодаря чему в тексте оказались пропущены фрагменты¹¹¹. В Лаврентьевской есть ряд существенных деталей, убранных в Ипатьевской, например, в статье 6641 года говорится о том, что Ярополк послал Изяслава Мстиславича в Новгород¹¹², здесь церковь, в которой положили тело Игоря, называется «новгородской божицей», рассказывается о том, как при его захвате киевляне разнесли сени – возможно все эти детали были упущены при внесении в протограф Ипатьевской черниговского материала. Пропущенные в тексте Ипатьевской летописи строки 6657 года также восстанавливаются по Лаврентьевской¹¹³. Текст статьи 6659 года Ипатьевской летописи показывает «следы разных наслоений», при описании действий на воде говорится о «насадах», но затем, в тексте, общем для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, рассказывается о «лодьях», два раза повествуется о событиях, происходивших в пятницу – второй раз по ошибке, вместо «в субботу»¹¹⁴ – т.е. текст Ипатьевской выглядит явно вторично по отношению к Лаврентьевской.

10. Но иногда и Лаврентьевская летопись выглядит исправленной по сравнению с Ипатьевской, например, в статье 6660 года Лаврентьевской летописи рассказ о финальном сражении Изяслава Мстиславича с Владимиром Галицким приводится дважды, один раз – по тексту Ипатьевской летописи (свода 1198/99 г)¹¹⁵.

11. Говоря о способе создания текста Лаврентьевской летописи, А.Н. Насонов замечает, что он часто создавался путем извлечения информации из текста Ипатьевской летописи: «сравнивая текст Лаврентьевской летописи под 6658 – 6659 гг. с Ипатьевской, убеждаемся, что значительная часть текста Лаврентьевской представляет собой как бы мозаику из кусков,

---

¹⁰⁹ Там же. С. 91.

¹¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹¹ Там же. С. 99; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 292; Т. 1. Стб. 297–298.

¹¹² Насонов А.Н. История русского летописания XI–XVIII века. С. 110.

¹¹³ Там же. С. 100–101.

¹¹⁴ Там же. С. 95.

¹¹⁵ Там же; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 337.

взятых из разных мест Ипатьевской летописи»¹¹⁶. Также он замечает в своем труде, что общие места статьи 6677 года в двух упомянутых летописях являются результатом переработки переяславского свода в киевском¹¹⁷.

Основным итогом работы А.Н. Насонова над сопоставлением двух летописных текстов становится утверждение о том, что переяславские известия приведены в Ипатьевской летописи в сокращении по сравнению с Лаврентьевской, киевские – наоборот, в Ипатьевской значительно более полные, чем в Лаврентьевской, киевский источник попал в Лаврентьевскую летопись в составе свода Переяславля-Южного, по-видимому, таких сводов было несколько¹¹⁸. Редакция киевского источника, который был использован переяславским автором, а затем попал в Лаврентьевскую летопись, была значительно более ранняя, чем та, которая была у автора Ипатьевской летописи, и не содержала черниговских вставок.

Вкратце схему составления Киевской летописи в составе Ипатьевской летописи, по А.Н. Насонову, можно описать следующим образом: к исходному пространному киевскому повествованию добавляются черниговские записи (как было указано, они перебивают основной текст), затем этот текст komponуется с поздним переяславским сводом (который, в свою очередь, перебивает черниговские записи), последний используется в Ипатьевской летописи в сокращении по сравнению с Лаврентьевской. Затем происходит несколько существенных правок, в т.ч. добавляются «лодья» к повествованию о «насадах». Дошедший до нас текст – дефектный, со множеством утрат, которых не было в предшествующем, исправном. Лаврентьевская летопись (ее центральная часть, имеющая общее повествование с Киевской летописью) по А.Н. Насонову была составлена следующим образом: к исходным переяславским записям были добавлены специфические переяславские топографические и иные детали и церковные эпизоды и добавления, летопись была дополнена извлечениями из первого, наиболее раннего киевского текста, не имевшего еще черниговских правок (момент их соединения не указан).

Не менее существенно для нашей работы исследование А.Н. Насоновым Московского свода 1479 г (по Уваровской рукописи и Эрмитажному списку). Впервые в этом своде увидел древнейший южнорусский источник А.А. Шахматов¹¹⁹. М.Д. Приселков рассматривал Московский свод как «литературную мозаику, принадлежавшую руке самого составителя 1479 года», среди частиц которой была и Ипатьевская летопись¹²⁰.

---

¹¹⁶ Насонов А.Н. История русского летописания XI–XVIII века. С. 92–93.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 97, С. 111.

¹¹⁹ Шахматов А.А. Обзор летописных сводов XIV–XVI вв. С. 275–281.

¹²⁰ Приселков М.Д. История русского летописания. С. 182–185.

А.Н. Насонов показал, что в Московском своде 1479 года (как и в исследованной им Ермолинской летописи, вторичной по отношению к составному источнику свода¹²¹) содержатся следующие источники: Троицкая (или близкая к ней, содержащая вариант Лаврентьевской) летопись, Софийская I (или общий источник Софийской I и Новгородской IV) летопись, киевский южнорусский источник, близкий к Ипатьевской (который, нас, собственно, интересует в данной работе), ростово-суздальский источник событий XIII века, записи ростовского владычного свода¹²².

Обращаясь к предшествующим ему общерусским митрополичьим сводам, составленным между 1464 – 1472¹²³ г, А. Н. Насонов обращает внимание на то, что в них имелся лишь небольшой объем текста из южнорусского, киевского свода¹²⁴, не всегда схожий с редакцией Ипатьевской летописи. Их могли привести в Москву митрополиты Киприан или Фотий, скорее последний,¹²⁵ оба совершали поездки в Киев (так же, как в XII веке Переяславский свод был привезен на северо-восток и был использован при составлении Лаврентьевской летописи). Южнорусские сообщения содержатся и в Софийской I и Новгородской IV летописях, но они значительно меньше по объему, чем аналогичный текст свода 1479 года, поэтому их нельзя считать источником этого текста¹²⁶.

При детальном сравнении общего текста Ипатьевской летописи и Московского свода 1479 в последнем обнаруживается ряд оригинальных известий и деталей, отсутствующих в первой, но при этом часть сообщений первой во втором сокращена или опущена¹²⁷. Становится очевидным, что автор Московского свода не мог пользоваться Ипатьевской летописью в ее известном нам виде, его киевский источник – более ранний и не имеет ряда очевидно более поздних вставок и исправлений¹²⁸. Наиболее яркий пример – упоминание «объ едином версѣ» Успенского собора во Владимире, отражающее первоначальное чтение, в то время как указание на пять верхов в Ипатьевской летописи является более поздней правкой¹²⁹. В составе свода есть известия, которые отсутствуют и в Ипатьевской и любой другой ранней летописи¹³⁰ причем наблюдается «характерное для Киевского свода XII в. подражание раннему киевскому

---

¹²¹ Насонов А.Н. История русского летописания XI – XVIII века. С. 261.

¹²² Там же. С. 261.

¹²³ Он, в свою очередь, опирался на Владимирский полихрон 1423 года, который А.А. Шахматов считал одним из текстов, предшествующих Ипатьевской летописи. Там же. С. 248.

¹²⁴ Интерес к истории южнорусских земель в первой трети XIV века связывается А.Н. Насоновым с тем, что эти земли входили в состав Речи Посполитой. Там же. С. 277.

¹²⁵ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. С. 277–278.

¹²⁶ Там же. С. 279.

¹²⁷ Там же. С. 293–294.

¹²⁸ Там же. С. 288.

¹²⁹ Там же. С. 286.

¹³⁰ Там же. С. 289.

летописанию»,¹³¹ и что особенно важно – в нем присутствуют известия, которые отсутствуют в Ипатьевской летописи, но содержатся в Новгородской IV и Софийской I летописях, хотя и не полностью (т.е. этот текст являлся их вероятным источником)¹³².

Кроме того, в Ипатьевской летописи имеются ошибки, отсутствующие в тексте Московского свода, например, в последнем правильно названо имя Ивана Юрьевича, который в Ипатьевской летописи назван Ярославичем; сказано «воли бы Изяслави не створил» вместо явно ошибочного «волѣ королевы»¹³³. К наиболее существенным известиям Московского свода, утерянным в Ипатьевской (а также в Троицкой и Новгородской IV летописях), относятся: упоминание грамоты митрополита Константина с завещанием о непогребении, сообщение о ее прочтении Антонием Святославу Ольговичу, рассказ о походе половцев «около Носова и до Лта», несколько вставок о пагубном учении бесов и подробный рассказ о последних минутах жизни Изяслава Давыдовича, содержащий серию диалогов умирающего, Ростислава Мстиславича и Мстислава Изяславича. Последний текст частично читается и в Новгородской IV и в Софийской I, что говорит о том, составители всех вышеперечисленных летописей опирались на один южнорусский источник (в Новгородско-Софийский свод он попал из «Фотиева Полихрона»). Кроме того, по Московскому своду удастся восполнить часть дефектных мест и пропусков Ипатьевской летописи¹³⁴.

Таким образом, киевский источник Московского свода – это более ранний вариант Киевской летописи в составе Ипатьевского свода, лишенный некоторых ошибок и позднейших правок, которым, помимо составителя Московского свода, воспользовался и составитель Софийско-Новгородского свода.

Выводы А.Н. Насонова были уточнены Б.М. Клоссом и Я.С. Лурье¹³⁵, которые определили протограф Московского свода как великокняжеский, предшественником Московского свода был назван Свод 1477 (протограф Ермолинской и Московского свода), кроме того, авторы уточнили, что составитель Ермолинской летописи пользовался и Московским сводом и его источниками: Киевской, Софийской I и Троицкой.

Также в комментариях к изданию перевода Н.И. Щавелевой «Польской истории» Яна Длугоша, Б.М. Клосс отметил особое положение Типографской летописи, которая содержит более ранний текст, чем Московский свод 1479, в ней обнаруживаются известия,

---

¹³¹ Там же. С. 291.

¹³² Там же. С. 292.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. С. 291 – 295.

¹³⁵ Клосс Б.М., Лурье Я.С. Русские летописи. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. С. 103–111.

отсутствующие в своде 1479 и сходные с Ипатьевской¹³⁶. Исследователь приходит к заключению, что «в его (Московского свода 1479 г. – М.Л.) основание был положен Киевский летописный свод 1198 г. (причем редакция его отличалась от Ипатьевской летописи), продолженный на протяжении первой трети XIII в. известиями о событиях, главным образом, «на Киевщине и в Галицком княжестве». В этих сообщениях ведущую роль играли представители «смоленского княжеского дома»¹³⁷, и также немаловажные детали, а именно то, что в киевском источнике, попавшем в распоряжение Яна Длугоша, существует небольшое дополнение к статье 1117 г., близкое к Лаврентьевской летописи, а под 1118 г. представлен текст, отличный и от Лаврентьевской, и от Ипатьевской¹³⁸.

Исследования, в значительной мере прояснившие хронологическую проблематику домонгольского летописания, принадлежат перу Н.Г. Бережкова. Его труд «Хронология русского летописания» остается наиболее детальным исследованием по этой теме по сей день. При рассмотрении интересующих нас в этой работе статей 6654 (1146/47) – 6660 (1152/53) годов, он констатирует, что при их написании составитель обращается к мартовскому стилю, это происходит при переходе к статье 6648 года, куда вошли событий 6647, 6648 и 6649 мартовских годов. Сравнивая летописные сообщения, Н.Г. Бережков выявил несколько хронологических несоответствий. Например, вряд ли Юрий Владимирович вышел в поход на Изяслава (после того, как последний прогнал его сына) 24 июля, как сказано в летописи, так как уже 6 августа суздальский князь встречается со Святославом Ольговичем: все события, описанные в тексте между этих двух дат, просто не уложились бы в такой срок (пункт «а»¹³⁹); вряд ли соответствует действительности остановка Юрия в Старой Беловежи на месяц (пункт «в»), упоминания октября как «зимнего месяца», двух «пятниц» подряд при описании битвы на р. Руте в статьях 6657 – 6659 годов, причем последняя ошибка – следствие использования «краткого варианта истории этой битвы, который известен по Лаврентьевской летописи. Схожая ситуация с текстом статьи 6660, правильный порядок событий которой можно увидеть в Лаврентьевской.

Другие данные, наоборот, показывают высокую точность летописного повествования, например, в той же статье 6657 года упоминается, что 7 августа – это воскресенье («неделя»), а 8 – понедельник, что соответствует календарю 6657 мартовского года (пункт «б»)¹⁴⁰.

---

¹³⁶Клосс Б.М. Русские источники I – IV книг *Анналов Яна Длугоша*. // *Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша*. Текст. Перевод. Комментарий. / Сост. Н.И. Щавелева, под ред. и с комментариями А.В. Назаренко. М., 2004. С. 45.

¹³⁷ Там же. С. 47.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Здесь и далее нумерация летописных эпизодов Н.Г. Бережкова.

¹⁴⁰ Бережков Н.Г. *Хронология русского летописания*. С. 148–155.

Любопытно сделанное вскользь замечание автора о том, что рассказ статьи 6659 (1151/1152) годов «очень подробен, местами приобретает характер дневника»¹⁴¹.

Б.А. Рыбаков в своих трудах: «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи»¹⁴², «Русские летописцы и автор „Слова о полку Игореве“»¹⁴³, «Пётр Бориславич. Поиск автора „Слова о полку Игореве“»¹⁴⁴ обратился к истории сложения Киевской летописи и выдвинул гипотезу о личности ее автора. Им был, с точки зрения Б.А. Рыбакова, боярин Изяслава Мстиславича, его посол, Петр Бориславич. Проанализировав текст Киевской летописи, Б.А. Рыбаков заключил, что в ее составе находятся следующие источники: Летопись «Владимирова племени», лояльная Андрею Владимировичу и охватывающая события 1139 – 1143 гг., летопись Всеволода Ольговича, которой принадлежат статьи 1142 г., 1144 г., летопись Святослава и Игоря Ольговичей¹⁴⁵, четвертым же, самым обширным источником, являлась летопись Изяслава Мстиславича, куда входили сообщения разных типов: изложение стратегической обстановки, дневники походов, записи совещаний, съездов, «дум», посольские отчеты, княжеская переписка.¹⁴⁶ Последняя представляет собой следы цельного княжеского архива письменных документов Рюриковичей, не сохранившихся до наших дней. Многие из текстологических обоснований тезисов, выдвинутых Б.А. Рыбаковым, в том числе касающихся состава и авторства Киевской летописи и опирающихся на оценочные суждения, были подвергнуты критике в последующие годы¹⁴⁷.

В.Ю. Франчук в монографии «Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении», вышедшей в 1986 году, анализирует различные литературные приемы, использованные в этом тексте, перечисляет иноязычные слова, характерные обороты, обращает внимание на феномен употребления князьями в качестве обращений парных терминов¹⁴⁸. Рассматривая статьи 1147, 1149, 1152 годов, В.Ю. Франчук находит дополнительные подтверждения существования особой летописи «Мстиславова племени», выделенной Б.А. Рыбаковым. Статьи этого источника начинаются близкими по структуре фразами «Изяславъ же то слышавъ» а ход последующего повествования напоминает отчет посла¹⁴⁹, причем для послов Изяслава Мстиславича характерен нравоучительный тон¹⁵⁰, в описании присутствуют

---

¹⁴¹ Там же. С. 151.

¹⁴² Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи.

¹⁴³ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

¹⁴⁴ Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве» М., 1991.

¹⁴⁵ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. С. 306–307.

¹⁴⁶ Там же. 311–316.

¹⁴⁷ Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? // ФИПП. 1998. № 1 (2). С. 8, сноска 2.

¹⁴⁸ Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. С. 140.

¹⁴⁹ Там же. С. 77–78.

¹⁵⁰ Там же.

наблюдения, действия и самостоятельные высказывания посла¹⁵¹. Для этих статей характерны выражения «и то рекъ», «пребыти у велице любви и велице веселии» (статьи 1147, 1148, 1150, 1151 годов)¹⁵². Эти характерные выражения принадлежат, с точки зрения В.Ю. Франчук, следовавшей теории А.Б. Рыбакова, перу Петра Бориславича (который неоднократно упоминается в тексте), он вел летопись при Изяславе, затем при его сыне Мстиславе с 1146 – по 1196 годы¹⁵³.

Автор выделяет лексику, характерную для иностранцев, например, «чех, переводчик венгров» использовал слово «комонь» вместо «конь» в рассказе о венграх.¹⁵⁴ Кроме того, В.Ю.Франчук приводит дополнительные выводы в пользу теории Б.А. Рыбакова о том, что и «Слово о полку Игореве» было написано тем же Петром Бориславичем, что и «Летопись Мстиславова племени» в Киевской летописи.

Несмотря на установку автора подвергнуть язык Киевской летописи максимально детальному и разностороннему анализу, результаты исследования В.Ю. Франчук оказалось довольно трудно использовать в дальнейших исследованиях из-за отсутствия четких критериев проведенной сравнительной работы, ясных предпосылок исторических интерпретаций. Исследователи и ранее неоднократно отмечали богатство и разнообразие языка Киевской летописи, поэтому наличие различных форм одного слова в нескольких эпизодах (как в случае со словами «конь» и «комонь») не может служить основанием для гипотезы о том, что в тексте сохранился перевод с иностранного языка. Тем более невозможно на основании данных аргументов делать выводы о происхождении переводчика и авторстве значительной части летописи.

Т.Л. Вилкул, рассматривая напластования текстов Ипатьевской летописи за XII в., выделила ряд заимствований, скрытых цитат и аллюзий на библейские тексты, византийские хроники и литературные произведения¹⁵⁵. Для нашего исследования наиболее важны ее работы, посвященные сравнению сообщений Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в., а также наблюдениям над черниговскими записями в составе Киевской летописи.

При рассмотрении известий, относящихся к источнику Святослава Ольговича в составе Киевской летописи, Т.Л. Вилкул выделяет два типа сообщений: краткие и пространные;

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С. 82.

¹⁵³ Франчук В. Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // Труды отдела древнерусской литературы. М.Л., 1976 Т. 31. С. 72–92.

¹⁵⁴ Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. С. 98. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416. В действительности в тексте речь идет не о венграх, а о киевлянах, а также о послании Изяслава и Вячеслава в Венгрию.

¹⁵⁵ Вилкул Т. Л. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. С. 232–407.

отмечает, что они были инкорпорированы в основной массив летописи не механически, а с серьезной авторской правкой, и отмечает характерные для этой летописи стилистические особенности, к которым относятся формулы «будь мне в отца место», «храбр и крепок на рать», именование Ростислава не по отчеству, а с добавлением эпитета «Смоленский» и др.¹⁵⁶.

Т.Л. Вилкул неоднократно обращалась к проблеме соотношения текстов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, замечая, что многие критерии происхождения летописных эпизодов, которыми пользовались предыдущие исследователи, такие как, например, использование слов «наши», «они» не обязательно отождествляют автора с определенным городом и могут опираться на литературные образцы; также не являются жесткими критериями похвала и критика того или иного князя, так как «древнерусские книжники могли в ином случае и «похвалить “чужих” князей и пожурить “своих”»¹⁵⁷.

Признав существенные минусы методологии предыдущих исследователей¹⁵⁸ Т.Л. Вилкул предложила избрать другой способ изучения проблемы, обратившись к детальному рассмотрению текстологических швов Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, содержащих пласты общего текста, который был назван ею ЛИ¹⁵⁹, и отмечая такие элементы правки, как разрывы, повторы, несогласования чисел и форм, хронологические несостыковки, спонтанные изменения в составе участников действий. Выделив тридцать семь парных фрагментов, несущих следы правок, автор пришла к выводу, о том, что пласты Ипатьевской летописи представляют собой исправленные и расширенные тексты Лаврентьевской летописи.

Среди рассмотренных исследовательницей фрагментов можно выделить целый ряд тех, в которых правка Ипатьевского текста не может вызвать ни малейших сомнений, например, неудачная замена слов «цьсарь» на «куръ» (п.6)¹⁶⁰ в статье 6624 года, «месяц» на «луна» (затем следует «погыбнути ему») (п.32),¹⁶¹ «наши» на «русь» в статье 6692 года (второй раз автор

---

¹⁵⁶ Вилкул Т. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII ст. // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ–Львів, 2004. Т. 2. С. 63–74. Нужно отметить, что выражение «быть в отца место» характерно и для других частей Киевской летописи, о чем пойдет речь в третьей главе. Именование Ростислава «Смоленским» отражает тенденцию именно киевского летописца, стремящегося использовать оттопонимические эпитеты как можно чаще, например, еще с большей регулярностью он называет галицкого князя Владимиром «Галицким» или просто «Галицким князем» (таким образом, это обозначение превращается в полноценный титул). Применительно к другим князьям использование данных эпитетов было затруднительно из-за частой смены столов.

¹⁵⁷ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 25.

¹⁵⁸ А именно: неоднозначность параметров, с помощью которых известия относились к летописанию той или иной земли, отсутствие решения вопроса о происхождении общих для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей известий, повествующих о событиях Владимира и Суздаль (1160 – 1170 годов и 1180 – 1190 годов), однозначная оценка более пространного текста как первоначального и другие.

¹⁵⁹ С точки зрения А.Н. Насонова, этот пласт известий относится к переяславской правке киевских известий, затем легшей в основу Лаврентьевской летописи.

¹⁶⁰ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 29 – 30.

Здесь и далее нумерация летописных эпизодов Т.Л. Вилкул.

¹⁶¹ Там же. С. 69.

забыл это сделать (п.35)),¹⁶² пропуск слов в статье 6674/6648 года (п.12)¹⁶³. Т.Л. Вилкул обращает внимание на то, что редактор Ипатьевской летописи последовательно «расшифровывал выражения “а самъ”, “той”, “братъ”, “сынъ”, добавляя отчества» (п.14)¹⁶⁴, убрал «О оубъеньи Андрѣевѣ», но оставил «сына», «внука» (п.32)¹⁶⁵.

В ряде случаев текст Ипатьевской летописи содержит несогласование числа, в то время как аналогичный текст Лаврентьевской летописи его лишен, например, в статье 6635 / 6636 года «оуспѣл» (ед. ч.) в Лаврентьевской и «вспѣша» (мн. ч.) в Ипатьевской (п. 8),¹⁶⁶ речь идет об одном князе – Мстиславе Владимировиче.

Т.Л. Вилкул выделила ряд известий, где сообщения Лаврентьевской летописи более полные (некоторые из сообщений подобного типа были отмечены еще А.Н. Насоновым), например, в тексте Лаврентьевской летописи говорится о том, как Ярополк Владимирович дал Вячеславу Владимировичу Переяславль, а затем Вячеслав его лишился, в Ипатьевской же летописи – только последнее известие (п. 9)¹⁶⁷; в рассказе о походе Всеволода Ольговича на галицкого князя Владимира Володаревича в Лаврентьевской содержится сообщение о том, как Изяслав Давыдович (сторонник Всеволода) захватил Оушицу и Микулин, а затем Всеволод передал их обратно Владимиру, в Ипатьевской говорится только о захвате городов (п.15)¹⁶⁸. Также в статье 6654 года в Ипатьевской летописи нет слов о том, что Изяслав исковал посадников и туровского епископа Якима – действие пропущено, налицо порча текста (п.16)¹⁶⁹.

К потере смысла привели: вставка в статье 6657 года¹⁷⁰, в результате чего слова «и многы избиша, а другия руками изоимаша» стали относиться не к войску Изяслава Давыдовича, киевлянам и переяславцам, а к половцам (п. 17)¹⁷¹ и вставка в словах Изяслава Мстиславича к Андрею Юрьевичу в статье 6658 года, где пропущено действующее лицо – Юрий Владимирович (п.19)¹⁷². Нарушение смысла из-за вставки Т.Л. Вилкул отмечает и в статье 6662 года: в Ипатьевской летописи Мстислав Изяславич уезжает в Переяславль после смерти отца, но затем оказывается опять с Вячеславом в Киеве. Т.Л. Вилкул связывает эту несуразицу с попыткой «убрать с глаз долой» сына знаменитого киевского князя, который теперь является

---

¹⁶² Там же. С. 71.

¹⁶³ Там же. С. 35.

¹⁶⁴ Там же. С. 36.

¹⁶⁵ Там же. С. 68.

¹⁶⁶ Там же. С. 32.

¹⁶⁷ Там же. С. 33.

¹⁶⁸ Там же. С. 36–38.

¹⁶⁹ Там же. С. 38. Однако информация о судьбе туровского посадника в Лаврентьевской летописи сама по себе выглядит припиской, основанной на тексте Ипатьевской летописи: «и посадникы исковавъ приведе, и Туровскаго епископа Якима», слова о вторичном захвате городов приведены дважды. ПСРЛ. Т.1. Стб. 314.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 322, стб. 382.

¹⁷¹ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 41.

¹⁷² Там же. С. 45. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 405.

соперником Ростислава Мстиславича (п.24)¹⁷³, однако вероятнее технически неудачная состыковка двух сообщений: из повествования этот князь не исчезает.

Для нашего исследования важны отмеченные случаи нарушения хронологии в Ипатьевской летописи, которых нет в Лаврентьевской. Например, в Лаврентьевской летописи битва Изяслава Мстиславича с галицким князем Владимиром Володаревичем у Тумаша предшествует заключению соглашения между Изяславом и Вячеславом, и именно такой порядок событий можно реконструировать на основании последующих слов Вячеслава, обращенных к племяннику¹⁷⁴. В Ипатьевской летописи рассказ о союзе Вячеслава и Изяслава предшествует битве (п. 19)¹⁷⁵. Подобные маркеры разрыва Т.Л. Вилкул находит и в статье 6662 г., где между словами галичан, обращенными к галицкому князю Владимиру Володаревичу, вставлены дополнительные речи (п.22).¹⁷⁶ Целый ряд кратких дублей отмечены Т.Л. Вилкул в процессе сравнения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, например, сообщение о смерти Василька Леоновича (Маричича) в статье 6643 года (п.11)¹⁷⁷, отказ Всеволода Ольговича новгородцам дать своего сына в статье 6648 г. (п. 13)¹⁷⁸, двойное упоминание о посадниках Ярополка без завершения рассказа в статье 6635 / 6636 г. (п.8)¹⁷⁹; в статье 6663 г. Святослав Ольгович и Юрий Владимирович дважды отходят к Стародубу с войсками (п. 25)¹⁸⁰, Изяслав Давыдович дважды штурмует Чернигов, Святослав Владимирович дважды был осажден во Вжище (п. 29)¹⁸¹. Однако отмеченное Т.Л. Вилкул «двойное сообщение» о смерти Изяслава Мстиславича (п.23)¹⁸², вероятнее всего – художественный прием автора панегирика, повтор слова “приставися” призван усилить эмоциональный эффект, погрузить читателя в состояние скорби, стоит обратить внимание, что следующие за ним слова не повторяются, нет и других элементов, маркирующих стык двух текстов.

Т.Л. Вилкул отмечает, что иногда компоновка источников различного происхождения в Ипатьевской летописи не приводит к несогласованию или потере смысла, общее для обеих летописей повествование расходится, однако можно видеть, что краткий текст Лаврентьевской летописи выглядит более цельным. Например, в рассказе статьи 6657 года о том, как иностранные союзники Изяслава Мстиславича вместо военной помощи начали мирные

---

¹⁷³ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 54.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418.

¹⁷⁵ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 43–44.

¹⁷⁶ Там же. С. 52.

¹⁷⁷ Там же. С. 35.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же. С. 32.

¹⁸⁰ Там же. С. 57.

¹⁸¹ Там же. С. 57.

¹⁸² Там же. С. 53.

переговоры с Юрием и Вячеславом Владимировичами, в Лаврентьевской летописи говорится «и оубояшася Ляхове и Оугри, рекоша ко Изяславу (далее слова о мире – М.Л.)»,¹⁸³ в Ипатьевской летописи первая часть фразы словно обрывается, прерываясь другим повествованием: «и оубояшася Ляхове и Оугре. И приде Дюрги къ брату»¹⁸⁴, хотя логика и не нарушена (п.18)¹⁸⁵. То же самое касается рассказа о переговорах в лагере Юрия Владимировича: согласно Лаврентьевской летописи Вячеслав уговаривал Юрия заключить мир, но Юрий «не послуша его»,¹⁸⁶ эта же фраза в Ипатьевской летописи исходит от Изяслава¹⁸⁷, а предшествующие переговоры раскрыты более подробно (п.18)¹⁸⁸. Данные эпизоды показывают сложносоставной характер этой части Ипатьевской летописи, однако нельзя сказать, что текст был правлен и расширен с определенным политическим умыслом, мы видим лишь, что более краткие рассказы об одном событии заменены на более пространные. Данная работа над текстом не приводит к несогласованию или потере смысла, однако со всей определенностью можно сказать, что указанные части происходят из того текста, который читается по Лаврентьевскому списку.

Однако некоторые из выделенных Т.Л. Вилкул фрагментов не могут быть в полной мере приняты как доказательство правки текста Ипатьевской летописи в сравнении с текстом, сохранившимся в Лаврентьевской. В первую очередь это касается рассуждений, основанных на исходной предпосылке о жестком иерархическом порядке жизни княжеской семьи и ее союзников: сообщение о «посажении» двух князей в один город подряд (п.3)¹⁸⁹ – княжеские перестановки происходили очень часто, и летописец не упоминает их последовательно; «попустительство» Юрия, который оставил бывшего противника Вячеслава в Вышгороде после победы – невозможность такого варианта развития событий требует дополнительных обоснований, ведь Вячеслав был его единокровным братом; разъезды Мстислава после смерти отца – ничто не мешало ему уехать в Переяславль, а затем вернуться (в летописи не указаны все перемещения действующих лиц), Вячеслав мог отправить к нему гонца за советом (п.24)¹⁹⁰. Использование устойчивых языковых формулировок, таких как «намъ ворогъ всимъ» (с. 24)¹⁹¹, отсылающих к заключенным договорам, не обязательно требовало согласования в числе, тем более – его изменения на двойственное, так как имелись в виду все участвовавшие в этом

---

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323.

¹⁸⁴ Там же. Стб. 387.

¹⁸⁵ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 42.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 323.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 388.

¹⁸⁸ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 42–43.

¹⁸⁹ Там же. С. 27.

¹⁹⁰ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 54.

¹⁹¹ Там же. С. 40.

договоре лица, а не только те, к кому обращался князь. К специфическому языку межкняжеского взаимодействия относился и термин «братья», в широком смысле обозначавший других Рюриковичей, союзников, поэтому «Ростиславичи с братьею своею» – отнюдь не «нелепость» (п.31)¹⁹², а обращение «brate и сыну» (п.34)¹⁹³ – ни в коем случае не обращение «к младшему», показывающее Святослава «в выигрышном свете», а ключевая часть начала переговоров, посыл, направленный на мирное разрешение конфликта в непростой ситуации (сын Святослава находился в плену у Всеволода), Смысл такого обращения – подчеркнуть связывающие князей узы родства, отношения направлены на сохранение баланса сил различных ветвей Рюриковичей и имели ярко выраженную горизонтальную направленность¹⁹⁴.

Не могут быть в полной мере приняты замечания, основанные на том, что перечни родственников или порядок действий правителей в текстах Киевской летописи выстроены по иерархии – нарушения подобного вертикально ориентированного «порядка» не могут считаться правками, так как в текстах всех летописей, вне зависимости от обстоятельств составления эпизодов, порядок перечисления князей и упоминания их родственных связей могли меняться. Тем более, нет веских оснований считать, что выезжающий навстречу – обязательно «подчиненное лицо» (п.24)¹⁹⁵ (доказательства того, что в домонгольской Руси существовало подобное «ранжирование» между родственниками – князьями просто отсутствуют), то же касается «позиции побежденного» Ростислава в просьбе о мире (п.25)¹⁹⁶ – предложение о перемирии ни в коем случае не может считаться маркером слабости правителя.

Два сообщения, содержащие разные причины действий Юрия Владимировича, лишь одно из которых содержится в Лаврентьевской летописи, также не должны вызывать настороженности – количество причин одного действия может быть велико, то же касается двух объяснений бегства Ярослава – вряд ли «сводчик» был действительно этим сильно «озабочен» (п.31)¹⁹⁷.

Наблюдая за текстом Ипатьевской летописи, повествующим о политической жизни Изяслава Мстиславича и сравнивая его с Лаврентьевской (п.16 – п.22)¹⁹⁸ Т.Л. Вилкул постулирует четыре основных тезиса, отчасти спорящих с предыдущими исследованиями, отчасти их поддерживающих.

---

¹⁹² Там же. С. 63–64.

¹⁹³ Там же. С. 70.

¹⁹⁴ Эти вопросы подробнее рассмотрены в третьей главе диссертации.

¹⁹⁵ Там же. С. 54–55.

¹⁹⁶ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 55.

¹⁹⁷ Там же. С. 63.

¹⁹⁸ Там же. С. 38–54.

1. Текст Лаврентьевской летописи отражает первоначальный текст, подвергшийся правке и расширению в Ипатьевской летописи¹⁹⁹.

2. Исправления и расширения текста, повествующего о событиях середины XII века, сильно политизированы и сделаны по заказу Рюрика Ростиславича. Если ранее А.А. Шахматов и М.Д. Приселков отмечали лишь краткие редакторские правки в пользу линии Ростиславичей, то согласно работам Т.Л. Вилкул, они являются важной частью замысла летописца. Она предполагает, что автор текста значительно вторгся в уже имевшееся повествование, пытаясь показать, что действия смоленского князя были столь же существенны для союза против Юрия Владимировича и Ольговичей, как и те, которые были предприняты киевским правителем. Эти исправления внесены тем же автором, что вел летопись в 1170х годах и содержат ряд характерных для него особенностей, в том числе извлечения из литературных памятников.²⁰⁰ К руке благосклонного к Ростиславу автора Т.Л. Вилкул относит упоминание Ростислава в перечне перед Изяславом: младшего – перед старшим, с чем невозможно согласиться, так как нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать, что подобные перечни составлялись в порядке старшинства²⁰¹(п. 15)²⁰². К таковым же замечаниям относится именование Владимира Мстиславича братом Ростислава, а не Изяслава (п. 20)²⁰³ – политическая жизнь и Владимира, и Ростислава описывается в Киевской летописи максимально подробно, поэтому видеть здесь «несомненный показатель позднего редактирования» преждевременно – вероятнее всего, на данное определение могла повлиять фраза строчкой выше, содержащая «и братъ его Ростиславъ».

Этот основной политический заказ Рюрика, с точки зрения Т.Л. Вилкул, сопровождается целым рядом второстепенных, например, из Киевской летописи исчезает описание успешных действий Изяслава Давыдовича – впоследствии соперника Ростислава (п.15)²⁰⁴.

3. Черниговские вставки в киевском повествовании не бесспорны. В них «использованы те же лексические средства, характерные слова и выражения, что и во фрагментах, написанных благосклонным к Изяславу и Ростиславу Мстиславичам автором» (п.15)²⁰⁵.

---

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. С. 39.

²⁰¹ Тем более, что часто в перечнях Киевской летописи присутствуют и князья различных ветвей, и иностранные правители. В уже упомянутом исследовательницей перечне князей, получивших денежное вознаграждение после похода на Владимира Володаревича (п. 15) под предводительством Всеволода Ольговича, Ростислав также упоминается перед Изяславом, хотя в этом эпизоде нет следа указаний на повышенный или пониженный политический авторитет одного из братьев: «но раздая братья на части: Вячеславоу, Ростиславоу, Изяславоу». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 316.

²⁰² Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 37.

²⁰³ Там же. С. 48.

²⁰⁴ Там же. С. 37.

²⁰⁵ Там же. С. 39.

4. Одно из наиболее существенных для нашей работы наблюдений Т.Л. Вилкул касается повествования Киевской летописи о передвижениях союзников и военных действиях между коалицией Изяслава Мстиславича и союзниками Юрия Владимировича. В Лаврентьевской летописи при указании на действия первой группы называется только Изяслав – ее лидер, а в близких статьях Ипатьевской летописи перечислены также его брат Ростислав и его дядя Вячеслав (иногда только последний (п.21)²⁰⁶. Т.Л. Вилкул отмечает, что в ряде случаев последние два приписаны не всегда удачно – порой редактор забывает изменить число в зависимых частях предложения, глаголах. Стоит заметить, что такое согласование, возможно, не всегда требовалось. Например, белгородцы отвечают Юрию «а кнѣзь нашъ Вячьславъ, Изяславъ и Ростиславъ» (п.20) – здесь перед перечнем участников представлена видоизмененная часть двусоставной формулы «ты наш князь, а мы твои люди» (См. главу 2.5 настоящего исследования) и нельзя полностью исключать, что автор просто не захотел поменять его символически значимый элемент. Нужно сказать, что в тексте Киевской летописи такие несогласования – нередкое явление: форма глагола согласуется с первым или последним действующим лицом/лицами из списка, например: «и съѣхавшася (дв.ч.) Володимиръ, Изяславъ Давыдовича и Мъстиславъ Изяславичъ (три участника) вси на мѣсто»²⁰⁷, «слышавъ (ед.ч.) же Изяславъ Давыдовичъ и Святослав Ольгович и Половци»²⁰⁸, «Богъ и Святая Богородица и Святая мученика избависта (дв. ч. – по Св. мученикам Борису и Глебу – М.Л.) градъ отъ сильнѣя рати».²⁰⁹ Приведенные примеры говорят о том, что некоторые из подобных несогласований могут быть особенностью летописного языка, а не результатом правки.

Возвращаясь к ряду правок в пользу князя Ростислава Мстиславича, рассмотренных Т.Л. Вилкул, стоит отметить, что причина, побудившая летописца к внесению их в летопись, может состоять не в том, чтобы искусственно усилить политическую значимость князя Ростислава Мстиславича, а скрываться в том обстоятельстве, что в Киевской летописи (в отличие от Лаврентьевской) ранее уже были подробно описаны договоры, приравнивавшие отношения между Изяславом и Ростиславом Мстиславичами и Вячеславом к тем, которые связывают отца и сыновей. Поэтому неудивительно, что, дополняя более краткие фрагменты текста, автор встраивал этих князей в основной сюжет как полноценных соправителей Изяслава в Киеве. Однако и Лаврентьевский вариант описания событий не отрицает важности действий брата и

---

²⁰⁶ Вставки «Вячеслав, Изяслав, Ростислав» Т.Л. Вилкул отмечает и для более ранних текстов Киевской летописи, например, в статье 6652 года (Вилкул. Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С.37 (п.15)).

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331.

²⁰⁸ Там же. Стб. 357.

²⁰⁹ Там же. Стб. 359.

дяди Изяслава, однако из-за краткости в качестве действующего лица показан только политический лидер коалиции.

Заключив, что текст Лаврентьевской летописи является более близким к протографу общего для Лаврентьевской и Ипатьевской летописи текста (ЛИ), Т.Л. Вилкул предполагает, что Киевская летопись в составе Ипатьевской была уже составлена к концу XII в., так как позднее «не хватило бы знаний, чтобы синтезировать их в единое повествование, да это и не было никому интересно. А вот к концу XII в., когда прослеживается устойчивый интерес летописи к судьбе Ростиславичей и потомства Святослава Ольговича, и известно, что семейство Рюрика и Игоря Святославича (а также Всеволода Юрьевича) породнились, такой синтез весьма вероятен»²¹⁰.

Рассматривая работу сводчика Киевской летописи, Т.Л. Вилкул отмечает два пути его работы: «монтирование известий из протографа в свод» (чаще всего в статьях 1110-х–1140-х годов) и «переработка сведений протографа и синтез ЛИ и дополнительных фрагментов в одном повествовании» (чаще в статьях 1140-х –начала 1150-х)²¹¹. В последнем активно использовались литературные тексты, в том числе Священного писания и хронографические извлечения из Александрии, «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия. Так, например, при описании сцены убийства Андрея Боголюбского, вероятно, была использована сцена убийства персидского царя Дария из Александрии Хронографической²¹².

Именно к влиянию Александрии Хронографической Т.Л. Вилкул относит «множество писем, переговоров, речей»²¹³, «подробных описаний дипломатических переговоров и военных походов, едва ли не с почасовой фиксацией событий»²¹⁴ т.е. наиболее интересующие нас в этой работе пласты текста Киевской летописи. Исследовательница сравнивает их с переговорами Дария с Александром, письмами Дария и Александра к воеводам, Александра к матери и др.²¹⁵.

Эти наблюдения над заимствованиями Т.Л. Вилкул были рассмотрены в недавней работе В.И. Ставиского,²¹⁶ который пришел к выводу, что «все признаки использования хронографических текстов носят вторичный характер – это были замечания или выписки,

---

²¹⁰ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 79–80.

²¹¹ Там же. С. 76–77.

²¹² Там же. С. 67.

²¹³ Там же. С. 78.

²¹⁴ Там же. С. 76; Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 2010. Т. 61. С. 396–397.

²¹⁵ Основные результаты сравнительной работы над текстами Лаврентьевской и Ипатьевской летописей затем вошли в резюмирующую монографию Т.Л. Вилкул. Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015. Издание на русском: Т.Л. Вилкул. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019.

²¹⁶ Ставиский. В.И. Киевская летопись и Хронограф // Ruthenica. 2019. Вип. 15. С. 250–264.

оставленные редактором текста, читавшим уже готовый Киевский свод»,²¹⁷ это были «пояснительные или расширительные приписки к отдельным фрагментам текста, вызвавшим интерес у редактора, и не были связаны с деятельностью киевского сводчика начала XIII в».²¹⁸ Эти замечания могут считаться справедливыми не для всех обращений к литературным и духовным текстам, но дают важный штрих к истории составления Киевской летописи и отчасти освобождают оригинальные пласты (не дублирующейся в Лаврентьевской летописи) ее текста от излишне литературных характеристик.

В целом, сравнивая результаты двух наиболее фундаментальных исследований текста Киевской летописи и его соотношения с хронологически близким текстом Лаврентьевской летописи, можно отметить, что при детальном рассмотрении они не так сильно противоречат друг другу, как это выглядит на первый взгляд. И А.Н. Насонов, и Т.Л. Вилкул рассматривают обе летописи как сложносоставные, имеющие один (согласно результатам Т.Л. Вилкул) или два (в соответствии с построениями А.Н. Насонова) общих источника, следы которых можно проследить в каждом тексте. Оба исследователя отмечают, что центральная часть Ипатьевской летописи имеет значительно более сложный состав, чем Лаврентьевская, содержит неудачные стыки и в целом сохранилась в значительно худшем состоянии.

Наиболее существенные разногласия начинаются с вопроса о том, какой текст является первоначальным. А.Н. Насонов не ставит этого вопроса напрямую, лишь указывает, что протоисточники обоих сохранившихся текстов писались по горячим следам, сохранили детали и динамику событий. Т.Л. Вилкул, наоборот, видит этот вопрос как наиболее существенный и стремится доказать, что составитель Киевской летописи брал в основу текст, читаемый в Лаврентьевской летописи, расширял его при помощи дополнительных пластов, частично вымышленных, частично продиктованных политическими соображениями, его работа проводилась под впечатлением от литературных произведений, автор даже использовал художественные обороты, позаимствованные из них.²¹⁹

Однако сам факт прибавления обширных пластов текста к известному по Лаврентьевской летописи повествованию, доказанный Т.Л. Вилкул, еще не является свидетельством того, что эти пласты поздние или вымышленные по происхождению. Хотя для современного читателя это может показаться странным, нет ничего невозможного в том, что составитель, имея перед собой два или больше источников, взял за основу наиболее краткий из них, а к нему уже

---

²¹⁷ Там же. С. 260.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Использование автором увиденных ранее литературных оборотов («скрытое цитирование»), как можно видеть, не заменяет повествование о событиях, а лишь делает его более ярким и даже изысканным, при этом в передаче значимых деталей составитель сохраняет точность.

присоединял сведения других. Такая схема построения сама по себе не свидетельствует о том, что дополнительные части были поздними или вымышленными. Как раз наоборот – гомогенность языка, сложность вычленения отдельных источников Киевской летописи говорят о том, что они были написаны, скорее всего, одновременно, в рамках единой летописной традиции. Если мы примем такой вариант объяснения особенностей Киевской летописи, то окажется, что и другие наблюдения А.Н. Насонова не противоречат выводам Т.Л. Вилкул: несмотря на то, что текст, читаемый в Лаврентьевской летописи, свободен от ряда искажений, он также был и сокращен, и дополнен другими сведениями.

Принимая во внимание данные построения, обратим внимание на тот источник, который является «дополнительным» с точки зрения Т.Л. Вилкул и по большей части «киевским» с точки зрения А.Н. Насонова. Он составляет, по сути, три четверти Киевской летописи, наряду с черниговскими известиями и галицкими, если принять, что последние действительно составляли отдельные источники, что вызывает ряд сомнений. Именно этот текст мы видим в тех пластах, вставка которых в повествование, читающееся по Лаврентьевской летописи (по Т.Л. Вилкул), привела к отмеченным правкам. Этот текст содержит многочисленные детали и отличается яркой динамикой рассказа, а кроме того, содержит многочисленные княжеские диалоги и послания, появляющиеся в тексте в качестве прямой речи – этим элементам и посвящено настоящее исследование.

Проблема времени и места создания Киевской летописи рассматривалась многими исследователями, в том числе А.П. Толочко, который предложил новую дату окончания этого текста – 1212 год,²²⁰ критикуя сложившуюся после трудов М.Д. Приселкова традицию считать годом создания этой летописи 1200. Основанием для этого стали следующие наблюдения: статья 6702 (1194) года, по мнению автора, заимствована в Киевскую летопись из Лаврентьевской – она повествует о семейных событиях Всеволода Юрьевича в характерной именно для этой летописи манере. Этот отрывок в Лаврентьевской летописи мог появиться не ранее 1206 года.²²¹ А.П. Толочко обратил внимание на характер последних статей Лаврентьевской летописи, которые, с одной стороны, достаточно краткие для того, чтобы выделить политически целостную «струю», с другой стороны, содержат целый ряд выписок из южнорусского источника, внесенных, по мнению автора, в один прием из черниговской летописи, с вниманием к делам Рюрика Ростиславича²²². Последнее из таких известий автор

---

²²⁰ То есть между последней погодной записью и годом составления существовал достаточно большой временной зазор. Толочко А.П. О времени создания Киевского свода 1200 г. // *Ruthenika*. 2005. Вип. 5. С. 73–74.

²²¹ Толочко. Там же. С. 79.

²²² Там же. С. 85–86.

датирует 1210 годом, отмечая несколько следующих по различным причинам.²²³ С этой датой хорошо согласуется и присутствие в Ипатьевской летописи титула Владимира Мономаха – оно могло быть заимствовано из некролога Всеволоду Юрьевичу, который помещен в Лаврентьевской летописи под 1212 годом, т.е. в руках у автора Киевской летописи была Лаврентьевская летопись, доведенная до 1212 года.²²⁴ А.П. Толочко предлагает более точную дату: событие, которое послужило поводом для перенесения черниговской летописи во Владимир – это женитьба Юрия Всеволодича на Агафии Всеволодовне, что согласуется с тем, что цепь южнорусских событий обрывается в Лаврентьевской в 1210 году, т.к. сама летопись оказалась во Владимире в 1211. Кроме того, 1212 год наилучшим образом подходит для окончания летописи, прославлявшей Рюрика Ростиславича, так как, вероятно, именно в этом году князь скончался.²²⁵

Гипотеза А.П. Толочко подверглась критике в последующих работах А.А. Гиппиуса²²⁶ и Т.В. Гимона. Как заметил последний из них, в этих южнорусских известиях Лаврентьевской летописи за начало XIII в. «нет ничего, что бы говорило об их *написании* (курсив автора – М.Л.) в Южной Руси. Напротив, интерес к южнорусской политике более чем естественен для летописи Северо-Востока в эпоху, когда Всеволод Большое Гнездо активно вмешивался в южнорусские дела».²²⁷ Таким образом, по мнению Т.В. Гимона, нет оснований датировать владимирский источник Киевской летописи (а значит – и саму Киевскую летопись) временем, существенно более поздним, чем 1200 г.²²⁸

Обстоятельства создания Киевской летописи были рассмотрены В.Ю. Аристовым, который раскритиковал возможность рассмотрения этого текста как свода, сконструированного из множества местных летописей, «которые можно без особых трудностей изымать из текста».²²⁹ Обращаясь к черниговским записям, он выделяет два типа сообщений:

1. Краткие записи о семейных делах и военных перемещениях Святослава Ольговича в статьях 1146 – 1154 годов, характеризующиеся точными датировками событий и специфической лексикой (например, вводный оборот «в то же веремя»)²³⁰

---

²²³ Там же, с. 82.

²²⁴ Там же. С. 83.

²²⁵ Там же. С. 86.

²²⁶ Гиппиус А.А. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14 – 17 апреля 2009 г.: Мат-лы конф. М., 2009. С. 75–76. Примеч. 1.

²²⁷ Гимон Т.В. Создание летописных кодексов в городах Руси на рубеже XII–XIII вв. // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития: Материалы IX Международного научного семинара, Москва, 24 – 25 октября 2018 г. Минск; М., 2018. Ч. 1. С. 105.

²²⁸ Там же. С. 105–106.

²²⁹ Аристов В. Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи. С. 117–136.

²³⁰ Там же. С. 125.

2. Сообщения о совместных делах Юрия Владимировича и Святослава Ольговича, начиная с сообщения о смерти Иванка Юрьевича, посланного Юрием к Святославу.²³¹

Их общим источником, по предположению В.Ю. Аристова, могли быть записи на последних страницах Псалтыри или Евангелия – нет достаточных свидетельств, чтобы реконструировать особую местную летопись в Чернигове.

В отличие от этих записей, продолжающий их «летописец Игоря» не имеет точных датировок, что, вероятно, говорит о том, что эти сообщения были зафиксированы по припоминаниям, а внимание к этому князю может быть объяснено его тесными родственными связями с Ростиславичами.²³²

Рассматривая переяславские известия Лаврентьевской летописи, В.Ю. Аристов также сомневается в том, что они были частью отдельного летописания и объясняет их происхождение простыми добавлениями поверх киевского текста «в ходе одномоментной редакции». Переяславские сообщения в Лаврентьевской летописи, по мнению автора, не отличаются от любых других «общерусских», которые часто имеют более точную датировку, чем в Ипатьевской летописи, так что вероятно Лаврентьевский список просто сохранил более точный вариант киевского текста²³³. То же касается и специфичных ростовских летописей – их выделение из владимирского пласта кажется автору излишним и надуманным.

В попытке пролить свет на личность составителя Киевской летописи, В.Ю. Аристов приходит к выводу, что ни один из летописных эпизодов, где автор выступает в роли очевидца происходящего в рассказе, не может дать хоть сколько-нибудь точных указаний на его имя и социальный статус, а само повествование не имеет убедительных привязок ни к одному из монастырей (таких, как, например, близость автора Повести временных лет Киево-Печерскому монастырю). Все, что можно сказать – летопись была перенесена после окончания Повести временных лет в Выдубицкий монастырь и здесь же была закончена, следовательно, именно там она и пополнялась все это время.²³⁴ Подытоживая сказанное, В.Ю. Аристов замечает, что киевский летописец обладал значительно большим кругозором, чем принято считать: ему были хорошо известны события, происходившие и в Чернигове и в Галиче, информацию он получал в устном виде (от них и точные топонимы и специфические названия).²³⁵

Рассматривая вопрос о возможных светских авторах, В.Ю. Аристов отмечает, что киевские записи 1146 – 1154 гг., приписываемые Б.А. Рыбаковым и В.Ю. Франчук боярину

---

²³¹ Там же. С. 126.

²³² Там же. С. 127.

²³³ Там же. С. 128.

²³⁴ Там же. С. 120–121, с. 136.

²³⁵ Там же. С. 128–129.

Изяслава Мстиславича Петру Бориславичу, не обязательно были написаны светским лицом, но и могли принадлежать перу представителя духовенства.²³⁶ Рассматривая хронологические особенности Киевской летописи, автор разделяет датированные краткие сообщения («анналистическая составляющая»), которые, вероятнее всего, были зафиксированы «по горячим следам», и «обширные нарративные пассажи», разделенные Т.Л. Вилкул на, собственно, киевский текст, и текст, общий с Лаврентьевской летописью. Первый имеет общерусский характер (т.к. содержит те сведения, которые историки раньше выделяли в отдельные летописи), второй концентрируется именно на киевских событиях, а с 1160х годов, по сути, представляет владимирский свод.

Усложнение Киевского свода происходило за счет включения княжеских речей, мыслей и планов участников политической ситуации, которые по существу были не «припоминаниями», а «довольно искусными распространениями», созданными при помощи многочисленных клише вроде стандартного описания княжеского обеда. «Фиктивные детали», к каковым автор относит и княжеские речи, «смоделированы по хронографическим образцам (преимущественно повлияла «Александрия»)), важно, что подобные детали полностью отсутствуют в тексте, общем для Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, т.е. были добавлены в конце XII века²³⁷.

Однако ряд наблюдений В.Ю. Аристова показывает, что предложенная схема не может считаться столь прозрачной, например, выражение «галичская помочь», которую автор относит к руке одного летописца общего текста 1155 – 1168 годов, присутствует в части статьи Ипатьевской летописи за 1160 год, отсутствующей в Лаврентьевской, т.е. здесь текст Ипатьевской более полно отражает предшествующий общий для обеих летописей текст.²³⁸ Подводя итог, автор констатирует, что изначальный общий текст, отражающий события XII века, был расширен в Ипатьевской летописи и сокращен в Лаврентьевской, этим и объясняется различная полнота изложения каждого эпизода в этих текстах.

Итак, если ранее исследователи текстологии Киевской летописи шли по пути максимального расчленения отдельных блоков или групп сообщений, каждая из которых происходила из своего летописного центра, то затем появилась противоположная тенденция – максимального доверия к аутентичности той структуры текста, которая дошла до наших дней. Эта позиция все же предполагает, что объемные повествовательные части Киевской летописи, и текст, общий для Лаврентьевской и Ипатьевской, никогда не были едины. Хотя в первом присутствует несколько черниговских вставок, весь остальной массив летописи вполне мог

---

²³⁶ Там же. С. 130. Здесь В.Ю. Аристов развивает более раннюю идею И.П. Хрущова.

²³⁷ Там же. С. 133.

²³⁸ Там же. С. 135.

быть цельным изначально, и лишь дополнялся и редактировался поздними сводчиками. Такой подход имеет очевидные преимущества: схема становится проще, отпадает необходимость в поиске указаний на происхождение отдельных частей текста и формировании схемы их перемещения. При этом значительно «расширяется» кругозор каждого летописца: он действительно стремился описать события различных русских земель, воспринимая историю каждой как часть единого целого.

Если принять указанные соображения, то остается нераскрытым вопрос об авторстве специфических редакторских правок, не находится объяснений тем дублям и стыковочным швам, чересполосице пластов разного характера, которые не могут быть объяснены соединением общего для двух летописей и уникального для Киевской летописи текстов. По-прежнему туманной представляется работа редактора, расширявшего текст Киевской летописи при помощи изобретения новых «речей» и деталей военных походов, причем работа проходила (если говорить о статьях за середину XII в.), полвека после произошедших событий.

Именно этому вопросу посвящена статья Флорана Мушара,²³⁹ в которой он, развивая наблюдения Д.С. Лихачева и Т.Л. Вилкул, останавливается на историческом аспекте формирования Киевской летописи. Если летопись была закончена при Рюрике Ростиславиче, – заключает он, – значит, и масштабные детализированные части текста, повествующие о событиях XII века, были сконструированы и вставлены в это время. В этих частях подчеркивается важность роли отца Рюрика, Ростислава, имя которого не только приписывается к имени Изяслава, но и выдвигается на первый план (т.к. Изяслав с ним советуется).²⁴⁰ Изяслава он слушает только «внешне», а «на деле» сам решает все вопросы.²⁴¹ Да и в целом, замечает автор, положительная характеристика летописцем Изяслава спорна, редактор регулярно «принижает его заслуги» или даже допускает иронию в отношении киевского князя.²⁴²

Кроме того, Ф. Мушар замечает очевидную, как кажется, хронологическую ошибку летописца: уже в 1147 году в летописи появляется несколько «намёков на какую-то договоренность, согласно которой Изяслав и Ростислав разделили между собой свои владения в Руси», опираясь в ее реконструкции на просьбу Изяслава удержать Юрия на севере: «А тамо у тебе Смолняне и Новгородци», обмен дарами: «Ростиславъ да дары Изяславу что от верхнихъ земель и от Варягъ», просьба приехать в Киев, т.к. «тамо по Бозѣ у тебе сынъ твои и мои

---

²³⁹ Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи. С. 137–146.

²⁴⁰ Там же. С. 138–139.

²⁴¹ Там же. С. 140.

²⁴² Там же.

Новгородъ Ярославъ»,²⁴³ что, с точки зрения исследователя, отражает разделение «сфер влияния» между братьями. Однако, поскольку никаких документов, подтверждающих такое распределение между Ростиславом и Изяславом не сохранилось, а подобная картина «мало вписывается в контекст тех лет», в первую очередь, «принцип сеньората», введенный в 1054 и 1097 годах,²⁴⁴ здесь, согласно автору статьи, очевидна рука позднего редактора.

Ф. Мушар развивает эти рассуждения далее и показывает, что отношения Ростислава со старшим братом Изяславом словно списаны с отношений Давыда и Рюрика («хотя чуть выше в иерархии стоит, естественно, Рюрик») – также оба брата обмениваются дарами и приглашают друг друга на званые обеды, также появляется идея разделения «сфер влияния»²⁴⁵ между севером и югом (хотя в летописном тексте, описывающем этот период, таких формулировок нет), следовательно, их датировка, вероятнее всего, относится к 1180-м – 1190-м годам, что заодно объясняет «притеснение» Изяслава летописцем – ведь соперник Рюрика, Роман Мстиславич, был его внуком.

При внимательном обращении в летописным сообщениям складывается впечатление, что автор исходит из нескольких неверных предпосылок. Во-первых, ее историческое обоснование требует более значительной детализации. Ни Киевская летопись, ни другие источники по истории домонгольской Руси ничего не говорят о существовании в этот период каких-либо жестких «правил», будь то «княжеский сеньорат» или «иерархическая лестница»: все правители были родственниками друг другу, носили один титул «князь», даже термины «младший» и «старший» используются в миротворческом контексте, наследовать отцу мог и брат, и старший сын, в целом, усилия элит направлены на выстраивание горизонтальных отношений, что будет подробнее рассмотрено в третьей главе данной работы. «Завещание» Ярослава Мудрого 1054 года и Любечский съезд 1097 года регламентировали распределение земель в конкретных ситуациях, целью обоих княжеских решений было установление горизонтальных связей, договор о взаимопомощи и прекращение усобиц. Таким образом, не было и не могло быть ни «распределения сфер» между Изяславом и Ростиславом, ни «основных законов», в которые бы они не вписывались.

То же самое должно быть сказано о летописной политике «принижения» или «выпячивания» роли того или иного князя. Как уже говорилось в статьях Т.Л. Вилкул и В.Ю. Аристова, летописец мог и пожурить, и похвалить своего князя, рассказать более подробно о событиях, совершенно далеких, а о близких промолчать. Если бы в фокусе пристального

---

²⁴³ Там же. С. 141. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359.

²⁴⁴ Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи. С. 143.

²⁴⁵ Там же. С. 145.

интереса Ф. Мушара оказались не только упомянутые два князя, но и, например, политические фигуры, столь же подробно описанные в тексте Киевской летописи, повествующем о событиях XII века, но отсутствующем в Лаврентьевском, например, Владимир Мстиславич или Вячеслав Владимирович, то оказалось бы, что автор тоже иногда показывает их, используя положительные штрихи, а иногда – отрицательные, хотя их личности не вызывали никакого специфического интереса со стороны Ростиславичей в 1180 – 1190х годах, не говоря уже о личности Владимира Володаревича, детальнейшие подробности о жизни и деятельности которого не были интересны в конце XII века.

Удивительным образом, вниманием исследователей Киевской летописи оказался обделен и Мстислав Изяславич, действия которого показаны наиболее подробно, в том числе и его поездки по указанию отца, и его самостоятельные действия, и если брать на себя смелость привязать личность автора основного массива киевских известий в Киевской летописи середины XII века к тому или иному правителю, то личность Мстислава Изяславича представляется для этого наиболее подходящей: именно он путешествовал к венгерскому королю, о чем так много говорится в уникальном тексте Ипатьевской летописи, он присутствовал при договоре между Владимиром Володаревичем и Изяславом Мстиславичем при посредстве Гезы II, приведенном в летописи поэтапно, и делал на этот счет предсказания, которые полностью сбылись, что было важно для разворачивания этого сюжета в летописи, демонстрации особой прозорливости князя. Именно он часто выполнял функцию посла к Давыдовичам, встречал вторую жену Изяслава, держал Переяславль, а как было указано выше, переяславские известия перемежаются в тексте середины XII века с киевскими. Именно Мстислав был заинтересован более других в знании деталей отношений, связывавших его отца с другими авторитетными фигурами.

В целом, говоря о приемах летописца, возвеличивающего или принижающего того или иного князя, Ф. Мушар переводит дискуссию из области истории текста в область изучения приемов древнерусской литературы, что нуждается в обосновании – действительно ли домонгольский автор изображал современных ему исторических лиц, как, скажем, главного героя, его помощника и противостоящих им антагонистов?

Такой взгляд на летописную традицию представляется необоснованным: если и считать значительный пласт киевского текста середины XII века поздней вставкой (что так и не было полностью доказано), то наиболее очевидной причиной, побудившей к такой работе, вероятнее всего, было желание сводчика дополнить летопись, сделать ее более точной и детальной. В таком случае главной проблемой становится вопрос – откуда автор мог подчерпнуть такие

сведения, был ли его второй источник столь же аутентичным событиям середины XII века, как и текст, общий для Лаврентьевской и Ипатьевской?

Говоря о «благосклонности» автора определенному князю, стоит заметить, что в Киевской летописи нередки и такие микросюжеты, в которых Изяслав с Ростиславом показаны не с самой привлекательной стороны, при этом автор не выделяет какого-либо «положительного героя», противостоящего им, в пользу которого был бы написан этот текст. Например, в рассмотренном выше описании того, как братья захватывали и сжигали ближайшие к Глеблю небольшие города, но чудесным образом «Богъ и Святая Богородица и Святая мученика избависта градъ отъ сильныя рати». Автор, очевидно, осуждает действия Мстиславичей – против них выступают Бог и святые, но трудно представить, чтобы эти строки были результатом специального заказа со стороны жителей Глебля, при этом черниговские князья в этом сообщении не упоминаются.

Говоря о взаимодействии Ростислава и Изяслава и «распределении земель» между братьями, Ф. Мушар ошибочно понял текст летописи. Стоит обратить внимание, что в этих статьях летописец сначала рассказывает о боевой тактике братьев, которые сдерживают с северо-востока силы Юрия, по центру – черниговских князей, с юго-запада – Владимира Володаревича, попутно пытаясь переманить некоторых врагов на свою сторону. Успех этого противостояния зависел, в первую очередь, от скорости реагирования, поэтому летописные «речи» братьев столь конкретны, кратки и динамичны. В Новгороде на момент начала конфликта находился Ярослав Изяславич, который, как менее опытный представитель младшего поколения, подстраивался под тактические шаги, инициируемые Ростиславом, находившимся ближе всего к нему, на что летопись прямо указывает. Затем, под конец противостояния, новгородский вопрос отходит на второй план, вся политика происходит в Киеве, идет подготовка к продолжению конфликта с Владимиром Володаревичем, именно тогда Изяслав и приглашает Ростислава к себе, предлагая оставить контроль над северными рубежами доверенным лицам. Для того, чтобы показать стратегический, а не «геополитический» характер переписки, важно привести цитаты целиком.

Как правило, братья договаривались следующим образом: первым встречает дядю Ростислав на границе смоленских и новгородских земель, в то время как Изяслав обороняется против черниговских князей: «брате, тобѣ Богъ даль верхнюю землю, а ты тамо поиди противуо Гюргеви, а тамо оу тебе Смолняне и Новгородци, и кто ротъниковъ твоихъ – ты же тамо оудержи Гюргя а я ся седе оставлю, а мнѣ како Богъ да~сь Олговичема и съ

Давыдовычева».²⁴⁶ Если же Юрий Владимирович направляется на юг, в сторону Киева, тут его встречает Изяслав Мстиславич, а Ростислав спешит на помощь брату: «се есѣ оугадала тако: аже Гюрги проминеть Черниговъ, а тобѣ поити ко мнѣ. Ныне же оуже, брате, Гюрги поминуль Черниговъ, а поиди – ать оба видивѣ оба по мѣстоу што намъ Богъ дасть».²⁴⁷

Как видно из следующего послания, возможна и обратная ситуация: Изяслав спешит к смоленскому князю, вступившему в бой с дядей: «брате, оу тебе по Бозѣ Новѣгородъ силныи и Смолнескъ, а, скупивъся, постережи же землѣ своя, оуже Гюрги поиде на тя, а язъ к тобѣ поиду, не поидеть ли к тобѣ, а поминеть твою волость – поиди же ты сѣмо ко мнѣ».²⁴⁸

Для сравнения приведем летописный пример действий противоположной стороны, чьи планы Изяслав стремился расстроить: «Иде Гюрги воевать Новгорочкой волости, и пришедь, взя Новыи Торгъ и Мѣстоу всю взя, а ко Святославоу присла Юрьи, повелѣ емоу Смоленскоую волость воевати».²⁴⁹

В приведенных цитатах упование на высшие силы: «тобѣ Богъ даль верхнюю землю», «видивѣ оба по мѣстоу, што намъ Богъ дасть», «по Бозѣ Новѣгородъ силныи и Смолнескъ» указывают именно на непосредственную подготовку к боевым действиям, именно такими фразами маркируется в летописи начало военных событий.²⁵⁰ В рассмотренном Ф. Мушаром отрывке шла не о том, что Ростислав владел Новгородом, а о том, что он был ответственным за успех военной операции на северных рубежах. Кроме того, очевидно, что при упоминании Новгорода и Смоленска в данном контексте автор имел в виду не город в современном смысле слова, а войско, которое этот город мог выставить, – значение, обычное для домонгольских летописей²⁵¹ – недаром в перечне говорится о *ротъниках* – неизвестных союзниках князя, очевидно, их соглашения подразумевали именно военную помощь.

Ну и, разумеется, нет ничего необычного в том, что в Смоленск, как в крупнейший торговый центр западной Руси, прибывали предметы торговли со всего севера, в том числе из Новгорода и из Скандинавии, видеть в этом эпизоде признак «распределение земель» преждевременно. И так, ни о каком анахронизме в данной переписке братьев речь не идет.

Киевской летописи посвящен целый ряд работ И. С. Юрьевой.²⁵² Рассмотрев частотное распределение грамматических и лексических синонимов в тексте летописи, исследовательница

---

²⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359.

²⁴⁷ Там же. Стб. 377–378.

²⁴⁸ Там же. Стб. 454.

²⁴⁹ Там же. Стб. 339.

²⁵⁰ Например: «то лѣпле с ними в рати боудучи, а како ны с ними Богъ дасть». Там же. Стб. 365.

²⁵¹ Чаще летописец подразумевает просто все население города. Например: «слышавше инии гради: Оуненѣжъ, Бѣлавежа, Бохмачъ оже Всеволожъ взять, и побѣгоша Черниговоу». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 358.

²⁵² Юрьева И.С. Из наблюдений над текстом Киевской летописи по Ипатьевскому списку // *Ruthenica*. 2011. Вип. 10. С. 92; Юрьева И.С. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые

выявила пять текстологических швов, весь массив летописи был ею разделен на шесть частей, каждая из которых обладала уникальными особенностями и следовала за другой в порядке хронологии, на рубеже же происходила очевидная «смена стратегии использования» этих синонимов. Рубежными стали статьи 1144 г. (оборот 116 листа в Ипатьевском списке), 1150 г. (оборот 146 листа), 1152 г. (163 лист), 1171 г. (195 лист) и 1183/1184 гг (222 лист).²⁵³

И.С. Юрьева не нашла принципиальных различий между уникальными киевскими летописными пластами, и частями, общими с Лаврентьевской летописью. Таким образом, Киевская летопись вновь стала рассматриваться как целое произведение, написание которого происходило поэтапно (хотя, конечно, те пласты летописи, которые, согласно гипотезам о соединении в Киевской летописи множества местных летописей) не дадут существенных изменений в предложенных исследовательницей схемах, т.к. выявленные вставки слишком малы по объему, чтобы дать серьезное расхождение в показателях такого характера. Для нашего исследования существенное значение имеют следующие выводы: во-первых, традиционно воспринимаемый исследователями как цельный пласт текста 1147 – 1154 годов, повествующий о деятельности Изяслава Мстиславича, оказывается разбит на две части: до 1152 года и после, причем последняя фаза длится до 1171 года, что противоречит представлениям об одном авторе или информанте, работавшем при Изяславе Мстиславича и покинувшем свой пост после его смерти.

Во-вторых, гипотеза о правке поздним редактором частей текста, повествующих о событиях начала 1150х годов, получает дополнительное подтверждение: некоторые из исследованных черт характерны и для этого времени, и для периода окончания летописи (например, «язь», а не «азь» в статьях 1152 года (листы 161 – 162) и 1197 года (листы 241 – 242). Но еще больше удивляет значительное отличие сразу по нескольким параметрам языковых особенностей текста окончания летописи («рука Моисея») от основного пласта, т.е. тот, кто заканчивал летопись, не может считаться автором значительных пластов центральных частей летописи (например, он использует только «да», хотя для записей середины века характерно «ать», для основного пласта летописи характерно «оже», тогда как для летописца, завершившего ее «аже»). Остается констатировать, что, даже если финальная правка свода 1200 года и проводилась, она не была насколько значительной, чтобы существенно изменить текст летописи.

грамматические и лексические данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2021. Вып. № 1. (Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка). С. 305–331.

²⁵³ Т.е. формы имперфекта с аугментом и без него, глаголы “начати” и “почати” в претеритных перифрастических конструкциях, формы аориста или имперфекта в составе плюсквамперфекта, обороты со значением “в тот же год”, “в то же время” внутри погодных статей. Там же.

Итак, проблемы происхождения и особенностей составления текста Киевской летописи по-прежнему далеки от разрешения. Наибольшую проблему представляют происхождение и особенности инкорпорирования в основной массив текста пластов, уникальных для этой летописи, то есть тех сообщений, которые не повторяются в Лаврентьевской летописи. Подводя краткий итог, можно отметить, что часть из них имеет бесспорно киевское происхождение, близкое кругу князя Изяслава Мстиславича, часть из них – черниговское. Эти пласты текста содержат значительное количество княжеских «речей», хронографические и иные греческие микрозаимствования и скрытые цитаты, что показывает автора текста или его информантов (а также, может быть, князей, чьи «речи» он приводит) как людей, принадлежавших интеллектуальной элите древнерусского общества домонгольского периода. Эти пласты летописи описывают не только киевские события, но и эпизоды истории других русских земель: Черниговской, Переяславской, Новгородской, Смоленской, Полоцкой и Галицкой, что может быть объяснено как происхождением из местных летописей, так и широтой кругозора одного летописца, его знакомством со множеством информантов, которые и привнесли в текст подробнейшие топонимические и другие детали. В дальнейших рассуждениях исследователи текстологии вынуждены вторгаться в области уже чисто исторические: возможны ли столь оживленные контакты в интересующую нас эпоху, вероятно ли существование (а затем затухание) сразу многих летописных центров, можем ли мы предположить масштабный литературный проект, фальсифицировавший события, которые произошли всего полвека назад при живых сыновьях и внуках действующих политиков? Многие из этих вопросов связаны и с более глобальной проблемой соотношения письменного и устного в летописи. Кроме того, возникает вопрос о задачах летописца: он вел записи политических прецедентов для памяти, задумывал произведение панегирического характера как человек придворный, вел семейные записи или хотел показать, насколько правители следовали христианским заповедям?²⁵⁴

Дискуссия все еще очень далека от завершения, и представляется плодотворным обратиться к одной из любопытнейших особенностей Киевской летописи – княжеским «речам». Как уже было сказано, они присутствуют, в своем большинстве, в уникальных частях Киевской летописи, не повторяющихся в Лаврентьевской, однако именно те несколько десятков «речей», сохранившихся в Лаврентьевской, а также Новгородской первой летописях, чрезвычайно важны в сравнительной перспективе. Обратимся более подробно к тому, как этот феномен рассматривался ранее исследователями.

---

²⁵⁴ Как это предположил И.Н. Данилевский. (Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004).

1.3. История изучения княжеских «речей» Киевской летописи.

Д.С. Лихачев в своей работе «Русский посольский обычай XI—XIII вв.» подробно рассматривает описание процесса отправления посольства и действий княжеских представителей в древнейших русских летописях. Исследователь выдвинул тезис, что передача дипломатических посланий князей друг другу носила устный характер, как она и показана в летописных текстах. Он пишет, что авторы, как правило, опускали детали посольских миссий, но приводили в летописи тексты самих «речей», причем без существенных изменений структуры текста.²⁵⁵

Д.С. Лихачев проанализировал многие летописные эпизоды, например, подробные описания того, как Вячеслав Владимирович передавал послание своему брату Юрию Владимировичу, Изяслав Мстиславич – Святославу Ольговичу.²⁵⁶ При этом исследователь отмечал, что точность воспроизведения текста послом адресату (и информантом летописцу) была высока: на это указывают многочисленные детали изложения посольства Василия в «Повести об ослеплении Василька Теробовльского» в составе Повести временных лет, повторные цитирования одной и той же «речи» и другие особенности.²⁵⁷ Д.С. Лихачев выделяет выражение «сослаться речьми», указывающее на устный характер передачи послания, отмечает повторы формулировок (что подтверждает тот факт, что «речи» держались в памяти), например, «оуверже в ны ножь»,²⁵⁸ «отець... волости ти не даль»²⁵⁹, двойное цитирование, в т.ч. упоминание Вячеславом Владимировичем уже приведенных в летописи слов Изяслава Мстиславича.²⁶⁰

Одно из немногих указаний на передачу послания в письменном виде – весть черниговского епископа к Святославу Всеволодичу – рассматривается Д.С. Лихачевым как следование византийской традиции епископом Антонием, греком по происхождению.²⁶¹

Исследователь отмечал, что «речи» могли сохраниться в памяти и затем попасть в летопись только при условии «если самые формулировки отдельных обстоятельств дела отличались лаконизмом, выразительностью и в известной мере традиционностью формы,

---

²⁵⁵ Например, не изменяя лицо в обращении своего князя. Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв. // Исследования по древнерусской литературе / Отв. ред. О. В. Творогов. Л. 1986. С.43–44.

²⁵⁶ Там же. С. 44–45.

²⁵⁷ В частности, Д.С. Лихачев обратил внимание на то, что летописец разделяет текст личной беседы князя (Давыда) с послом Василием и текст послания, которое он должен передать: «Он же рече: "Сего есмь не молвиль, но надѣюся на Бога..." Мнѣ же рече: "Иди к Давыдови и рци ему: 'Пришли ми Кульмѣя...'". ПСРЛ, Т. 1. Стб. 265. Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI – XIV вв. С.43–48.

²⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 236, повтор – стб. 249.

²⁵⁹ Там же. Стб. 372, повтор – стб. 367.

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 429.

²⁶¹ Там же. С. 46. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523. Аналогичным образом Д.С. Лихачев объясняет и тот факт, что Владимир Мономах пишет письмо Олегу Святославичу – греческим происхождением его матери. Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв. С. 46.

облегчавшей и их понимание, и их передачу».²⁶² Поэтому, отмечает Д.С. Лихачев, очевидно, что в летописи нашел отражение феномен высокого искусства устной речи, «воинского ораторства»²⁶³ сформированный еще в дописьменный период славянской истории, его следы свидетельствуют, в свою очередь, об «обширных дипломатических сношениях с отдельными народами и между отдельными племенами».²⁶⁴

И.П. Еремин уделил в своем труде «Киевская летопись как памятник литературы» большое внимание языковым формулам, отмечая, что их образность является частью речевой практики XII в. Он также сравнивает речи Киевской летописи с аналогами «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и пишет, что они не имеют «ничего общего с речами античных историков», хотя и последние и были «хорошо известны древнерусскому книжнику». В случае Киевской летописи, «речи – это «живой документ», в случае «Истории Иудейской войны» – литературный прием. Доказательством этому может служить совет дружины Изяславу Мстиславичу, который представляет собой «целый военный план, сформулированный в терминах той эпохи, разработанный до деталей, трудно поверить, что это – литературная фикция».²⁶⁵ При этом прямая речь в составе выделенных И.П. Ереминым «повестей» может быть литературным конструктом, как, например, в просьбе черниговцев Всеволоду Ольговичу в статье 1139 г.²⁶⁶

Образность формул, таких как «седе на столе отца своего и деда своего», «въеха в Н славою и честью великою», «с радостью великою» также относится автором к речевой практике XII в., а не к особенностям литературного произведения. Постепенно формулы превращаются в клише и переходят от одного автора к другому, так, например, «поможе Бог» употребляется летописцем и по отношению к Мстиславу Андреевичу, и по отношению к Всеволоду Ольговичу.

И.П. Еремин считал княжеские «речи» устными, и, как и Д.С. Лихачев, настаивал на их достоверности для большинства случаев: «тот факт, что летописец иногда запоминал и точно воспроизводил не только посольские речи, но и отдельные реплики, отдельные слова, сказанные в той или иной обстановке – не подлежит сомнению...»²⁶⁷ Однако автор отмечает, что для большинства «речей» характерна переработка летописцем, которую иногда можно различить в тексте.²⁶⁸

---

²⁶² Там же. С. 51.

²⁶³ Там же. С. 52.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же. С. 75.

²⁶⁶ Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы. С. 78.

²⁶⁷ Там же. С. 76.

²⁶⁸ Там же. С. 77.

К противоположному выводу пришел Б.А. Рыбаков,²⁶⁹ который утверждал, что Киевская летопись с 1146 по 1153 годы часто «цитирует подлинные грамоты князей-союзников и князей-врагов» Изяслава из его личного архива, которым пользовался его посол и боярин, Петр Бориславич, при составлении летописного текста. Всего Б.А. Рыбаков выделил 62 грамоты периода с 1147 по 1153 гг.²⁷⁰ В качестве доказательств существования протоисточников, по которым составитель вписывал их в свой труд, Б.А. Рыбаков приводит ряд наблюдений. В первую очередь, сама за себя говорит ярко выраженная «эпистолярная форма» посланий, например, когда одно из них начинается с фразы «Брате! Являю ти».²⁷¹ Исследователь утверждал, что княжеское дипломатическое письмо называлось в XII веке «речью», отсюда и путаница с современным значением, предполагающим только устную передачу информации. Если значение летописного слова «речь» при данном прочтении – «послание», то «грамотой» назывался только текст крестного целования. По словам Б.А. Рыбакова, княжеские послания содержат такие детали, которые более нигде не упоминаются, язык и орфография грамот и основной части летописи различны²⁷². Кроме того, археологические находки свинцовых печатей, которые, по мнению автора, скрепляли грамоты, должны служить доказательством их существования в прошлом²⁷³. Убедительный критический разбор концепции Б.А. Рыбакова был впоследствии осуществлен Я.Р. Дашкевичем.²⁷⁴

Продолжая линию Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук обратилась к особенностям «дипломатической переписки», сохранившейся в Киевской летописи. Всего она выделила 198 грамот в тексте с 1140 по 1196 годы²⁷⁵. Опираясь на подробное изложение Киевской летописью соглашения между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Володаревичем,

---

²⁶⁹ Рыбаков. Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. С. 316–319.

²⁷⁰ Там же. С. 316.

²⁷¹ Там же. С. 317. Остается неясным, что автор подразумевал под «эпистолярной формой».

²⁷² Этот тезис подтверждается рядом примеров: «Вячеслав (Владимирович – М.Л.) злоупотреблял буквой “ѣ”; грамоты, отправленные Изяславу Мстиславичу Гезой, написаны «удивительно *плохим* (выделение автора – М.Л.) русским языком», грамоты из Чернигова «содержат признаки местного диалекта (так называемого северско-белорусского – “ушали на рать” при киевской форме “встали”»)). Там же. Стб. 318. По словам В.Ю. Франчук, высказанным в личной беседе, комплексная работа по детальному выделению языковых особенностей грамот и их классификации только предполагалась авторами в будущем.

²⁷³ Этому предположению противоречит целый ряд практик, нашедших отражение в средневековых источниках. Часто для проверки достоверности посланнику нужно было показать особый предмет, подтверждавший личность посланного, при этом часто письменное сопровождение было не только не обязательным, но иногда даже опасным. Таким предметом была, например, половина монеты, отданная Гисли Вестейну в «Саге о Гисли». *Gísla saga Súrssonar / Finnur Jónsson gaf út. Halle/(Saale), 1903. P. 14*

²⁷⁴ Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси.

²⁷⁵ Автор отмечает, что это «тексты особого рода, не совпадающие с известными науке письменными источниками ни по содержанию, ни по форме». Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. С.154. Вопрос о том, как можно изучать искусственно выделенные «грамоты», оставался открытым все эти годы, однако можно заметить, что многие исследователи русской средневековой переписки их не рассматривали, например, С.М. Каштанов. (Каштанов С. М. Интитуляция русских княжеских актов X – XIV вв.: (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 8. С. 70).

исследовательница предлагает реконструкцию содержания такой грамоты. Ее началом служила формула «целовати крестъ к кому (на чем)», вторая же часть содержала конкретные условия, указанные в летописи, оформленные как «ряд инфинитивных предложений, следующих одно за другим».²⁷⁶ Удивительно, что три разных формулировки, содержащиеся в тексте летописи и относящиеся к одному крестному целованию, В.Ю. Франчук приводит в качестве иллюстрации сохранившегося в составе летописи *письменного документа*, копии которого, очевидно, должны содержать минимум отличий, так как летописец списывал его, по мнению исследовательницы, с имеющегося у него образца.

В.Ю. Франчук рассматривает выражение «росправивъ всѣ рѣчи»²⁷⁷ как подтверждение письменной формы «речей», однако с этим аргументом невозможно согласиться – очевидно, что здесь речь идет не о «свитке, который нужно развернуть»,²⁷⁸ а о самом процессе отправления посольства. Также нельзя принять и тезис о том, что глаголы «сослаться» («речами»), «явить» («речи») свидетельствуют об их письменном характере. Не ограничиваясь только случаями прямой речи князей в летописи – «дипломатическими грамотами», исследовательница отмечает, что фигурирующие в повествовательном тексте слова «воля», «мольба», «правда», «твердь», «любовь» тоже могли на деле быть дипломатическими документами.²⁷⁹

В.Ю. Франчук обратила внимание на то, что упоминания «крестных грамот» появляются в тех летописных статьях, для которых отмечено увеличение количества «речей», следовательно, предполагает исследовательница, именно текст «речей» в них и содержался. Вопрос о функциях и содержании крестных грамот был рассмотрен С. Франклином, который предложил другое объяснение: крестоцеловальные грамоты были необходимы, прежде всего, для возможности последующего расторжения договора, так как можно вернуть предмет (в данном случае, видимо, свиток), но нельзя «расцеловать» крест. По мнению исследователя, они не имели функции носителя информации²⁸⁰. Необходимо отметить, что исключительно в этой роли они и показаны в летописях, нет сообщений о том, что князья сверялись с грамотой, чтобы уточнить условия мирного соглашения или правомочность своих действий²⁸¹.

---

²⁷⁶ Там же. С. 117.

²⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 503.

²⁷⁸ Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. С. 124.

²⁷⁹ Там же. С. 120.

²⁸⁰ Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia. P. 1–38.

²⁸¹ Обращаясь к наиболее авторитетному в этой области исследованию Майкла Клэнчи, заметим, что устная культура передачи информации предполагала особую символическую роль предметов, содержащих строки, и вовсе не обязательно их содержание было тождественно самим речам. Если в языческую эпоху символическими предметами, помогавшими запомнить устное сообщение, были, например, нож или кусок дерна, то в христианской традиции клятва приносилась на Священном писании. Собственно, свидетель, который 'слышал и видел', видел

Изучая язык самих «речей», В. Ю. Франчук выделяет три стандартные части каждого послания:

А: излагаются обстоятельства и причины, побудившие направить послание;

Б: указание на действие, которое ожидает автор речи;

В: надежда на Бога.²⁸²

Исследовательница указывает на разницу в характере посланий Вячеслава Владимировича (многословные) и Юрия (краткие и энергичные), однако если обратиться к источнику, то можно увидеть и очень подробные послания Юрия, и краткие Вячеслава,²⁸³ кроме того, краткость или полнота, в первую очередь, зависят от происхождения текста, например, большинство черниговских вставок носят краткий характер (а именно в них содержится часть «речей» Юрия). Интересно сопоставление эволюции княжеских формуляров с хронологическими видоизменениями княжеской вислой печати, проведенное в этом исследовании.²⁸⁴

Еще с большей уверенностью говорит о письменной природе княжеских «речей» Киевской летописи А.В. Юрасовский, который также рассматривает послания центральной части летописи как копии документов из несохранившегося княжеского архива. Исследователь выделил всего 148 посланий в летописях с XI по XIV века и 62 послания в Киевской летописи периода с 1147 по 1154 годы, уделил особое внимание тем из них, которые относятся к переписке русских князей с венгерскими союзниками.²⁸⁵

именно это действие и запоминал, а предмет служил визуальным подкреплением для памяти. Широко известен случай, когда Вильгельм завоеватель проткнул руку аббата символическим кинжалом со словами «Вот так вам дается эта земля» («That's the way land ought to be given»). Благодаря сильному впечатлению, которое произвел этот жест, и сам акт передачи земли, и сопутствующие ему слова запомнились присутствующим. Clanchy M. T. *From memory to written record: England, 1066–1307*. Wiley, 1993. P. 256.

Традиционным предметом для принесения клятвы христианином в средневековой Англии было Евангелие. Например, при дарении солеварни монастырю Св. Петра в 1153 г. клятва произносилась «на тексте Св. Евангелия на алтаре Св. Петра, что слышали и видели многие люди». У Эдварда I была книга, называвшаяся 'textus', на которой присягали магнаты. Постепенно в церемонии текст Евангелия был заменен собственно хартией, что было малозаметно внешне, так как один текст был заменен другим, но значительно по своей сути: хартия и была письменным закреплением происходящего акта, в то время как Евангелие было частью торжественной церемонии. Хартия Монмутского монастыря различает «письменный акт дарения» ('written grant'), который «сообщал людям об этом акте» и «symbolic book» ('liber'), который демонстрировался им. В любом случае, заключает М. Кленчи, даже если речь идет о хартии, содержащей дарение, ее символическое значение было важнее, чем информационное содержание, которое скорее привлекает внимание в наши дни. (Ibid. P. 258).

Опираясь на этот сравнительный материал, приходится констатировать, что, за неимением информации, загадка содержания крестных грамот так и остается неразгаданной: по сути, они могли содержать как цитаты текстов Священного писания, извлечения из поучительных сочинений Отцов церкви, отрывки из Псалтыри, так и вполне конкретные условия договора, что значительно менее вероятно, опять же, из-за высокого уровня динамики процесса заключения договора: посылая человека во вражеский лагерь, князь заранее не всегда мог знать, какие конкретно условия окажутся приемлемыми для обеих сторон.

²⁸² Там же. С. 139.

²⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 380, 400.

²⁸⁴ Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. С. 157; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452–454.

²⁸⁵ Юрасовский А.В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1981 г. М., 1983. С. 189–194;

Результаты этого сравнительного анализа представляют большой интерес, так, исследователь отмечает, что, несмотря на то, что «грамоты венгерских королей, адресованные одному и тому же лицу, будь то светскому или духовному, имели примерно один и тот же протокол»²⁸⁶, обращения Гезы и Изяслава Мстиславича в «грамотах», которые сохранила Киевская летопись, значительно отличаются: киевский князь использует к венгерскому королю обращения сначала «брат», затем – «сын», а последний – только термин «отец». Обращения «отец» и «сын», согласно А.В. Юрасовскому, были придуманы самим летописцем и вложены в уста исторических лиц, чтобы повысить статус своего князя в летописном тексте²⁸⁷.

С. Франклин, обращаясь к вопросу о «речах» правителей в Киевской летописи, критикует теорию Б.А. Рыбакова о их происхождении из княжеского архива и указывает на то, что в летописи передача посланий показана как устный акт. С его точки зрения, факт написания «ложной» грамоты от галичан к Мстиславу Изяславичу²⁸⁸ только указывает на неординарный, непривычный характер этой процедуры.²⁸⁹ Кроме того он отмечает, что раз для древнерусского общества не характерно ведение правительственного архива, возможно, именно летопись и играла роль «собирателя записанных сведений о спорах, переговорах и соглашениях»,²⁹⁰ с чем трудно не согласиться.

Наиболее основательной критике подверг труды Б.А. Рыбакова, В.Ю. Франчук и А.В. Юрасовского Я.Р. Дашкевич,²⁹¹ который подчеркивал, что нет никаких оснований переводить летописное слово «речь» как «письменное послание», следовательно, выделение списков грамот из летописного корпуса следует считать неправомочным, а сам подход отрицает наиболее важную составляющую процесса переговоров – его динамику: посол получал рекомендации от князя: как и что он должен сказать, однако результат этих переговоров формировался в процессе дискуссии, послы могли что-то «предлагать или решать сразу на месте», их функция не сводилась к вручению грамоты.²⁹²

Юрасовский А.В. Грамоты XI – середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141–150.

²⁸⁶ Юрасовский А.В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи. С. 193.

²⁸⁷ Обращения Гезы и Изяслава Мстиславича подробно рассмотрены в 3 главе настоящей работы, где приводится другое объяснение асимметрии в использовании этих терминов.

²⁸⁸ В данном случае письменное подложное послание было изготовлено галичанами во время вторичной просьбы отпустить их, уже после того, как князь не поверил устному: «И посла к нему Мьстиславъ, река тако: «Мнѣ братъ Ярославъ тако молвить: донелѣже оуладишися съ братьею, дотолѣже не пуцаи полковъ моихъ от себе». Они же, съписавше грамоту ложную и послаша къ нему. И поидоша от него Галичане» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 549).

²⁸⁹ Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia. P. 22–23.

²⁹⁰ Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950 – 1300 гг.) / Пер. и отв. ред. Д. М. Буланин. СПб. 2010. С. 299. (Оригинальное издание: Franklin S. Writing, Society and Culture in early Rus, s. 950 – 1300. Cambridge. 2002.)

²⁹¹ Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси. С. 100–111.

²⁹² Там же. С. 106.

Я.Р. Дашкевич замечает в качестве примера, что запись о переговорах Изяслава Мстиславича и Гезы II имеет явно протокольный характер, но при этом никакие грамоты не упоминаются. В целом, автор не видит принципиальных различий в процедуре переговоров в Древней Руси и в Западной Европе, где грамоты, скрепленные печатями (изображения послов со свитками в Радзивилловской летописи часто приводятся в качестве свидетельства существования письменных грамот в домонгольский период), были верительными грамотами, т.е. были официальным подтверждением того, что посол выражает волю его правителя. В качестве примера Я.Р. Дашкевич приводит выдержку из описания процесса переговоров между участниками Четвертого Крестового похода и Венецией у Жоффруа Виллардуэна²⁹³. Исследователь отмечал, что такая практика была характерна и для переговоров в более поздний период, например, в XVII веке перемышльский епископ Исая Копинский дает верительную грамоту священнику Гедвону, однако суть миссии должна быть изложена устно. Я.Р. Дашкевич критикует и позицию Д.С. Лихачева, так как не видит в устных дипломатических практиках домонгольской Руси «специфического восточнославянского наследия дописьменных времен», а кроме того, подчеркивает важность динамики переговоров и отмечает, что речи не могли быть переданы летописцем буквально, что также очень существенно для понимания репрезентации княжеских «речей» в летописи.²⁹⁴

Некоторые языковые особенности Киевской летописи были рассмотрены А.А. Зализняком, который провел анализ распределения энклитик в этих текстах²⁹⁵. Он разделил текст Киевской летописи на диалоговую²⁹⁶ (значительная часть княжеских диалогов приходится именно на пласты текста, уникальные для Киевской летописи) и авторскую части. По закономерностям распределения энклитик княжеские «речи» оказались ближе всего к берестяным грамотам, т.е. к живому языку исторически достоверных посланий жителей Новгорода, в то время как авторский (повествовательный) текст дал совершенно другие показатели.²⁹⁷ Это наблюдение показывает, что упомянутые диалоги могли иметь какую-то дополнительную языковую основу, в отличие от основного, повествовательного текста, иначе показатели сливались бы с книжной манерой автора: если можно допустить имитацию посланий при помощи скрытых цитат и хронологических образцов, то подделать нерелексированную структуру речи практически невозможно.

---

²⁹³ Там же. С. 107–108.

²⁹⁴ Там же. С. 108.

²⁹⁵ Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М, 2008.

²⁹⁶ В личной беседе А.А. Зализняк подчеркивал разницу между светскими, княжескими диалогами, и переговорами духовных лиц, чья прямая речь, представленная в Киевской летописи, не показывала похожего распределения энклитик.

²⁹⁷ Там же. С. 24, С. 194–195.

Как уже было сказано, принципиально отлична от перечисленных позиция Т.Л. Вилкул, которая предположила, что стремление использовать диалоги в летописи отражает литературные предпочтения одного из авторов, знакомого с греческими источниками, в первую очередь, Александрией Хронографической.²⁹⁸

Впрочем, последние публикации исследовательницы свидетельствуют о ее сбалансированной позиции в этом вопросе. Например, в недавней работе, посвященной «жалобам» в Киевской летописи она отметила: «несмотря на некоторую литературность диалогов, в основе их, вероятно, лежит воспроизведение протокола реальных официальных встреч. Это могли быть реальные более или менее современные событиям записи или симитированный книжником протокол»²⁹⁹.

Несколько новых наблюдений о княжеских «речах» Киевской летописи сделаны в работе Т. В. Гимона³⁰⁰, где он проводит сравнительный анализ посланий, сохранившихся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Само их наличие в обеих летописях говорит о том, что они присутствовали уже в киевском источнике в переяславской обработке, который поддался сокращению в Лаврентьевской летописи. При количественном сопоставлении княжеских посланий, содержащихся в этих двух текстах, оказывается, что из 160 таких посланий Киевской летописи 25 отражены в Лаврентьевской, причем в 19 случаях их тексты практически не различаются. Из этого следует, что они не могли быть придуманы автором Киевской летописи, работавшим около 1200 г., а принадлежат перу летописцев несохранившихся текстов XII века. Хотя этот вывод не может быть распространен на все «речи» Рюриковичей в Киевской летописи, однако схема, при которой эти послания уже были в общем источнике, а не добавлены позже в Киевский свод, выглядит убедительной.³⁰¹

Исследователь сопоставляет послания, сохранившиеся в обеих летописях: в двух случаях он обнаруживает правку, которая показывает существенное вторжение в текст,³⁰² а также

---

²⁹⁸ К прямым аналогиям с текстом Александрии Хронографической Т.Л. Вилкул относит повтор изложения одних и тех же событий в тексте повествования, а затем – в прямой речи одного из действующих лиц. Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода. С. 397. Однако, в отличие от Александрии Хронографической, в Киевской летописи такой повторный пересказ событий, как правило, представляет другую версию или открывает ранее неизвестные факты, например, рассказ Вячеслава Владимировича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 429), пояснение действий Давида Ростиславича Рюриком Ростиславичем (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 693–694).

²⁹⁹ Вилкул Т.Л. «Жалобы» в Киевском летописном своде XII в. // История: Электронный научно-образовательный журнал. М., 2020. Выпуск 6 (92) Т. 11. [Электронный ресурс: <https://history.jes.su/s207987840010608-7-1/>, дата обращения: 31.05.2021].

³⁰⁰ Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, 17 – 20 апреля 2018 г.: Мат-лы конф. М., 2018. С. 64–71.

³⁰¹ Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden, Boston, 2021. P. 346; Т.В. Гимон. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.). С. 66.

³⁰² Там же. 66. Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus. (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. P. 346.

детально рассматривает, как одно и то же послание передается двумя разными способами в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях при отсутствии разницы в сути его содержания.³⁰³

Неравномерность распределения княжеских посланий в Киевской летописи Т.В. Гимон связывает с тем, что она «пополнялась в разное время разными людьми», он отмечает, что наиболее высокая концентрация посланий соотносится с тем временем, когда игуменом Киево-печерского монастыря был Феодосий II, т.е. с 1148 г. (первое упоминание) по 1156 г. Кроме того, летопись сообщает, что он сам участвовал в одном из посольств³⁰⁴, в этот период также отмечается изменение «характера и круга интересов летописца»³⁰⁵, что может указывать на то, что записи велись непосредственно под наблюдением Феодосия. Из 270 княжеских посланий только в 94 ни адресат, ни автор не являются киевскими князьями, т.е. около двух третей всех посланий непосредственно связаны с этим городом,³⁰⁶ что проливает свет на летописный центр, в котором пополнялась летопись, это мог быть Киево-Печерский монастырь. Т.В. Гимон отмечает, что, в случае живого диалога нескольких князей, его оформление в тексте не отличается от того, как показана передача послания, а подробности характеризуются детальностью и беспристрастностью³⁰⁷. Любопытно, но ранее в дискуссиях о посланиях вопрос о презентации в летописи диалогов между князьями, находившимися рядом друг с другом, не получил достаточного освещения, хотя это самый близкий по характеру сравнительный материал.

Очень важное для нашего исследования наблюдение Т.В. Гимона касается распределения в летописи упоминаний послов, которые передавали княжеские «речи»: в статьях 1146 – 1155 годов их имена, если это не Рюриковичи, практически не встречаются (всего приведены 5 имен), а в последующих статьях 1159, 1167 – 1174 годов, наоборот, летописец называет целый ряд бояр, доставивших сообщения, что может говорить о смене характера повествования – новому летописцу было проще упомянуть человека, который ехал с посланием (и был, тем самым, его свидетелем), чем излагать на пергамене его суть. Всего в Киевской летописи приведены 29 имен таких послов, и 12 из них – в статье 1159 года, а 6 имен – в статьях 1164 – 1175 годов.³⁰⁸ После 1174 года в тексте можно видеть и имена послов, и тексты княжеских посланий.³⁰⁹

Автор подчеркивает наличие схожих черт посланий одного автора, например, для

---

³⁰³ Ibid. P. 347.

³⁰⁴ Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.). С. 67.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Guimon T.V. Historical Writing of Early Rus. (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. P. 348.

³⁰⁷ Ibid. P. 348.

³⁰⁸ Ibid. P. 322.

³⁰⁹ Ibid. P. 351.

сообщений Вячеслава Владимировича характерна формула приветствия «Богъ ти (вы) помози».³¹⁰

В совместной с В.В. Тишиным работе Т.В. Гимон рассматривает другую приветственную формулу – «прашаемъ здоровья твоего» в послании от половцев к Святославу Ольговичу в статье 1147 года. Эта формула не только уникальна для летописи, но и, по-видимому, воспроизводит реальное тюркское приветствие, поэтому летописец или зафиксировал «непосредственно произнесенные в 1147 г. половецкими послами слова», или ориентировался на «дипломатическую практику своего времени».³¹¹

Княжеские «речи» Киевской летописи – одно из уникальнейших явлений средневекового историописания. Целый ряд их лингвистических и стилистических особенностей, свидетельствуют в пользу того, что они были записаны в тот же хронологический период, к которому относятся и описываемые события. Несмотря на то, что с современной точки зрения статусу княжеской переписки более соответствует письменная форма соглашений, многие доводы исследователей позволяют с доверием отнестись к сообщениям самого источника, где передача посланий однозначно показана как устный акт.

Как видно даже из нашего краткого обзора, радикальная разница в мнениях исследователей не в последнюю очередь обусловлена тем, какие из княжеских «речей» они рассматривают наиболее пристально. Действительно, при сравнении бросается в глаза большой объем и пышность именно посланий к иностранным союзникам, которые характеризуются А. В. Юрасовским как скопированные с письменного носителя, в отличие от в большинстве своем краткой (до нескольких строк) и простой «переписки» Рюриковичей между собой, на которую опирался в своих рассуждениях Д.С. Лихачев, характеризовавший княжеские «речи» как устные. Можно также отметить, что при выделении текстов посланий из летописных пластов, В.Ю. Франчук вовсе не рассматривала краткие послания, так как они плохо согласовывались с ее теорией о существовании письменных прототипов текстов.

Основной интерес ученых всегда был направлен именно на изучение посланий, передававшихся через княжеских людей или родственников, в то время как диалоги правителей, находившихся рядом, практически не рассматривались, несмотря на то, что они представлены в летописных текстах тем же способом, и не всегда можно выделить княжеское послание из общего числа диалогов. Таким образом, одни «речи» Киевской летописи рассматривались более пристально, другие – менее, а некоторые и вовсе ускользали от

---

³¹⁰ Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.), с. 67.

³¹¹ Гимон Т.В., Тишин В.В. Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы 2019. М., 2020. С. 267–296.

внимания историков.

На протяжении столетий Киевская летопись рассматривалась исследователями самых разных дисциплинарных направлений. Несмотря на сложносоставной характер и многочисленные порчи сохранившегося текста, многие ее особенности признаны бесспорными. Однако по основным вопросам – время составления свода конца XII века, авторство киевского источника и место его составления, степень историчности, литературные характеристики, аутентичность описываемых деталей, количество использованных в ней региональных летописей, их этапы составления – до научного консенсуса по-прежнему далеко. На наш взгляд, основной особенностью Киевской летописи является ее значительный объем и развернутое описание действий сторон самого грандиозного конфликта середины XII века. Фиксация некоторых военных действий, передвижений участников двух лагерей подробно, но при этом лишена пояснений, что значительно затрудняет как ее понимание, так и поиск текстологических швов и несостыковок. Например, если в летописном тексте описываются два похожих военных похода подряд, то невольно возникает вопрос – существовали ли эти два события в действительности, или автор свода использовал два источника об одном и том же событии? Ответ на него часто зависит от личных предпочтений исследователя. То же касается и необычайной широты географического кругозора летописца. Он подробно рассказывает не только о событиях в различных русских землях, даже столь отдаленных от Киева, как Новгород или Галицкое княжество, но и сообщает о политических событиях в Польше и Венгрии, о рыцарях Третьего Крестового Похода, в летописи рассказывается о Фридрихе Барбароссе, византийских императорах, о поездке Мстислава для встречи с грузинской «царевной» – невестой его отца. Эта особенность также может рассматриваться и как общерусская направленность единого текста, и как следствие широкого круга источников, привлеченных киевским сводчиком.

Неоднократно обращала на себя внимание начитанность автора – он продемонстрировал знания многих литературных и хронографических текстов, в том числе: библейских сюжетов, «Александрии», «Иудейской войны» Иосифа Флавия и других. Это обстоятельство также может быть интерпретировано двояко – и как литературная направленность самого произведения, попытка создания нового текста по известному образцу при помощи средств художественной выразительности, и как непосредственное отражение особенностей интеллектуальной среды русских князей, летописцев и их информантов. Очевидно, что дальнейший исследовательский поиск должен быть направлен, в первую очередь, на еще большую детализацию материала и на рассмотрение этого источника с максимальным привлечением сравнительного материала, что и предлагается сделать в настоящей работе.

Глава 2. Княжеские «речи» Киевской летописи. Договорные формулы

2.1. Основные особенности ведения переговоров и передачи княжеских «речей» в летописном тексте.

Княжеские «речи» распределены в Киевской летописи крайне неравномерно. Эта летопись начинается с «Продолжения» Повести временных лет, где краткие диалоги представлены в договорах Владимира Всеволодича и Святополка Изяславича, а также в «Повести об ослеплении Василько Тербовльского»,³¹² затем следует текст, наиболее близкий анналистической форме историописания: это сравнительно краткие сообщения о деятельности киевского князя Владимира Всеволодича (Мономаха), Мстислава Владимировича (Великого) и наследовавшего ему брата Ярополка. После того, как Киев занимает Всеволод Ольгович, разрастается череда конфликтов, как между Мономаховичами и Ольговичами, так и внутри этих двух родовых линий (между Всеволодом и его братьями Игорем и Святославом, и между сыновьями Мстислава Великого и его братьями). Характер повествования постепенно меняется, и в тексте все чаще встречаются многочисленные подробности, повествование становится развернутым, и в нем появляются длинные «речи» князей, фиксирующие конкретные позиции политических фигур в этом непростом и продолжительном конфликте. Одно из первых таких посланий – это знаменитый ответ Андрея Доброго Всеволоду Ольговичу, который предлагал ему добровольно отдать Переяславль и переместиться в Курск:

«и Андрѣи тако рече, съдоумавъ съ дружиною своею:

“Лѣпши ми того съмърть и съ дружиною на своеи отчинѣ и на дѣдинѣ взяти, нежели Коурьской княженѣи... Хочю на своеи отчинѣ съмърть прияти, оже ти, братъ, не досити волости всю землю Роускою държачи...”³¹³ Полная реплика Андрея занимает 8 строк в столбце издания «Полного собрания русских летописей», что превышает объем всех предшествующих княжеских реплик в Киевской летописи.

Как было показано в параграфе 1.3, при подсчете количества княжеских посланий исследователи использовали разные критерии: Б.А. Рыбаков рассматривает 62 грамоты, которые связаны с посольской деятельностью Петра Бориславича³¹⁴, В.Ю. Франчук вычислила, что в тексте с 1140 по 1196 годы содержится 198 грамот³¹⁵, Т.В. Гимон выделил во всем тексте

³¹² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231–232.

³¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 305.

³¹⁴ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. С. 319 – 334.

³¹⁵ Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. С.154.

Киевской летописи 270 посланий³¹⁶. При обращении к комплексному изучению «речей» Киевской летописи, в т.ч. и диалогов и кратких посланий, необходимо учесть ряд факторов, в т.ч.: повторы одних и тех же речей, двойные цитирования, упоминания о посланиях только в повествовательной части летописи, обрывы фраз, обращения князей к дружине и др. Отдельную проблему составляет, собственно, соотношение объема текста «речей» на статью, которое сильно зависит от характера летописного блока. Все эти особенности показывают невозможность применения полноценного статистического метода на данном этапе работы, однако можно сделать ряд необходимых для решения поставленных задач наблюдений.

Статьи 6654 (1146) – 6660 (1152) годов содержат существенно большее количество случаев использования прямой речи, чем остальной текст Киевской летописи: их число на статью за эти годы приближается к пятидесяти, в статьях 1152 – 1154 (6661 – 6662) годов – 22 случая, в то время как и до и после упомянутого хронологического отрезка среднее количество редко превышает 10 – 15 на статью. Высокий процент диалогов соответствует значительному объему самих статей: 19 – 28 столбцов³¹⁷ на каждую, что существенно больше, чем объем предыдущих и последующих статей, занимающих 2 – 3, реже 5 – 10 столбцов.

Наибольшая часть этого текстового объема 6654 (1146) – 6662 (1154) годов посвящена деятельности Изяслава Мстиславича, в нем приводится и пространная пересылка «речами» с польскими и венгерскими правителями, активное взаимодействие с которыми являлось особенностью политики именно этого князя (а частично – его союзников и потомков). Большинство «речей» этого текста относятся к уникальной части Киевской летописи, и не дублируются в Лаврентьевской летописи.

В тексте Киевской летописи, за исключением нескольких эпизодов, передача посланий показана как устный акт. Например, Изяслав Мстиславич посылает своего боярина проверить, действительно ли Изяслав и Владимир Давыдовичи собираются захватить его в плен:

«Изяславъ же рекль бяше послоу своему:

“Оже ти ся не имоуть по любви хръста цѣловати, скажи же имъ, како есме слышали”»;

В передаче послания от Изяслава Мстиславича к Святославу Ольговичу:

«...и рече ему посоль Изяславль: “Тако ти молвить Изяславъ, братъ твой...”»

Княжеские речи характеризуются отсутствием какого-либо стандартного размера и могут содержать несколько слов, например:

---

³¹⁶ Guimon T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective. P. 348.

³¹⁷ За исключением статьи 6656 (1148) года, где число диалогов равно 20, а число столбцов 12.

(1) «Она же рекоста тако: «”Аже тако братъ велѣлъ, а тако и оучинимъ”»³¹⁸,

(2) «И прибѣже моужь къ Изяславоу Мьстислаличю и рече емоу:

“Братъ ти, Изяслава побѣди, Святославъ, и дружиноу вашу”»³¹⁹.

Одно из самых длинных посланий – речь Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича Гезе II, начинающаяся словами: «Ты нама еси тако оучинилъ, яко же можетъ такъ братъ роженъи брату своему, или сынъ отцю, ако же ты нама помогль...»³²⁰ и занимающее 16 строк.

После смерти в 1154 году Изяслава Мстиславича, в статьях 1155 – 1173 (6663 – 6681) годов число приведенных в летописи посланий и диалогов Рюриковичей заметно снижается (от 3 до 5 на статью). Небольшое увеличение их количества (14 – 19 на статью) можно отметить для времени взаимодействия Рюрика Ростиславича с Романом Мстиславичем, а также Всеволодом Юрьевичем и Святославом Всеволодичами в статьях 1174х – 1196х (6682 – 6704) годов. Для этого периода также характерны и длинные и короткие реплики и послания. Например, известно длинное послание Рюрика Ростиславича к Всеволоду Юрьевичу, призывавшее его начать боевые действия: «как еси былъ оумолвилъ со мною и с братомъ моимъ Давыдомъ восѣсти на конѣ с Рождества Христова»³²¹. Оно занимает 14 строк и содержит подробное повествование о предварительных договоренностях и нынешних обстоятельствах. Несколько далее можно видеть один из самых кратких ответов Всеволода: «Ты починаи, а язъ готовъ с тобою».³²²

Отсутствие какой-либо регламентации формы и размера посланий, невозможность отличить их по внешним показателям в тексте летописи от диалогов (без обращения к пояснению в повествовании) может также свидетельствовать в пользу того, что оригиналы таких посланий были устными. Наиболее вероятной представляется такая форма передачи именно для кратких княжеских «речей». Хотя нам и известны многочисленные берестяные грамоты, содержащие всего несколько слов и имен, например, № 114: «От Богош к Оуике. Водаи гривеноу исто» («От Богши к Уйке. Дай гривну в долг») ³²³, однако статус правительственной переписки, как это можно видеть в сравнительной перспективе, подразумевал

---

³¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331.

³¹⁹ Там же. Стб. 336.

³²⁰ Там же. Стб. 420–421.

³²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 694.

³²² Там же. Стб. 695.

³²³ ДНД. С. 439.

регламентированный, пусть даже самый простой формуляр, который значительно бы расширил послание.³²⁴

Вопрос о том, как изначально выглядели эти «речи», вряд ли может быть окончательно решен. Известно несколько сот берестяных грамот XII в., Рюриковичи, разумеется, тоже могли посылать свои «речи» в письменной форме, но не обязательно всякий раз пользовались этой возможностью. Основная часть переговоров происходила при личном присутствии князей на сменах, поэтому затем можно было лишь устно сослаться на суть достигнутых договоренностей, подтверждая или отказываясь от них.

Трудно подвергнуть сомнению важность и обширные возможности устной процедуры отправления посольства. Кроме того, охарактеризованная Д.С. Лихачевым как древнейшая восточнославянская, а Я.Р. Дашкевичем как средневековая общеевропейская высокая культура устной передачи текстов имела важное юридическое значение благодаря ее публичному характеру. Бояре, знатные горожане, другие князья или их доверенные лица, присутствовавшие при отправлении посла, являлись свидетелями искренности намерений отправителя, и как следствие – гарантами их выполнения. Так, например, в обряде Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича участвовали и их бояре, которые также приносили клятву: «на томъ же и моужи ею цѣловаша хрьсть ако межи има добра хотѣти и чьсти ею стеречи, а не сваживати ею».³²⁵ Вячеслав, отправляя посла к Юрию, призывает Изяслава и Ростислава Мстиславичей в свидетелей: «...а вы, брата и сына Изяславе и Ростиславе, слушаита – передь вами и отряжю...».³²⁶

В этом смысле откомандирование посольства представляло собой образцовый средневековый ритуал, а в случае невыполнения соглашения именно от свидетелей ожидалось первые шаги к обвинению отступника. О том, насколько надежной представлялась именно устная форма передачи и хранения информации в отличие письменной для англичанина XII – начала XIII века, подробно пишет Майкл Кленчи. Автор отмечает, что в XII в. вне зависимости от того, было ли известие прочитано по памяти или воспроизведено по свитку, тот, кто должен был услышать его, был готов именно к восприятию на слух, а не прочтению. С этим связана

---

³²⁴ Конечно, ничто бы не мешало летописцу сократить послание, убрав стандартные фразы в начале и в конце послания, на что указывают сторонники теории о письменной природе прототипов княжеских диалогов, однако, в таком случае, летопись, скорее всего, сохранила бы следы этой работы, особенно если учесть количество текстов посланий, которые нужно было бы «обрезать» и инкорпорировать в текст повествования.

³²⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 399.

³²⁶ Там же. Стб. 429.

традиция зачитывания (часто публичного) документов, и совершенствования искусства прочтения, сам текст преподносился как речь.³²⁷

Обращаясь к завещаниям – наиболее юридически важным документам эпохи, Кленчи отмечает, что серьезные изменения происходят лишь в XIII в: до этого времени завещание всегда было устным по существу, свидетели же подтверждали, что присутствовали, слышали последнюю волю человека и «видели, как его губы произносят эти слова». Только к концу XIII века функция свидетелей меняется: вместо того, чтобы «слышать» волю умирающего, они видят, как он пишет завещание своей рукой и скрепляет его своей печатью. Еще в 1258 г. в Лондоне при чтении завещаний присутствовала формула, касающаяся свидетелей, которые «слышали и видели», и только в 1290 г. имена свидетелей уже не упоминаются при чтении завещания.³²⁸

Учитывая все вышесказанное, обращают на себя внимание многие ситуации, описанные летописью, где фигура посла, казалось бы, и вовсе не нужна, ведь князья не разделены расстоянием. Так, сразу после начала правления в Киеве Мстислава Изяславича, когда под подозрение в проведении враждебной политики попадает его младший (единокровный) дядя, Владимир Мстиславич («Матешич», сын мачехи), диалоги между князьями происходят в Киево-Печерском монастыре, но князья находились в разных кельях, а послания передавались через послов (речи Владимира передавал дьяк Имормыж), чья функция здесь также имела важное юридическое значение. Таким же образом происходит диалог сторон в конфликте Изяслава Мстиславича и Ростислава Юрьевича: несмотря на то, что оба князя находятся рядом, недалеко от Выдубицкого монастыря, Изяслав велит поставить княжичу шатер, куда послания Изяслава передают его мужи.³²⁹

Говоря о миссии посла, справедливо вновь обратиться к словам Я.Р. Дашкевича о том, что его функция отнюдь не сводилась к механической доставке послания – летопись подробно раскрывает действия посла во время отправления посольства, которое зачастую включало ведение переговоров, иногда превращавшееся в дискуссию³³⁰, реагирование «по ситуации». Порой посол должен был понять ситуацию на месте и даже обличить или укорить нарушителей.

---

³²⁷ Clanchy M. T. From memory to written record: England, 1066–1307. P. 265–266. Схожий вывод делает Т.Н. Джаксон о скандинавском обществе XII в.: «У Снорри норвежские правители вплоть до 1170-х годов... остаются в рамках дописьменной культуры». Джаксон Т.Н. От устной коммуникации к письменной: ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. тома Т.В. Гимон. М., 2019. С. 190.

³²⁸ Там же. P. 268–279.

³²⁹ ПСРЛ. Т.2. Стб. 372–373, 535.

³³⁰ Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси. С. 106. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346.

Особенно ярко летописец показывает такую ситуацию, когда посол Изяслава Мстиславича, посланный к нарушившим крестное целование Давыдовичам, стал требовать от них признания.

«...а ко Святославоу есте хръсть цѣловали, къ Олговичю, яко на семъ пути вамъ любо мя яти, любо оубити въ Игоря мѣсто, а есть ли то, братья, тако или не тако?» Они же ничтоже могоша отвѣщати, толико съзрѣшася и долго молчавше, и рече Володимиръ послоу Изяславлю:

“поиди вонъ, поѣди, опять взовемъ”

Долго же доумаша, зане облицени соуть, и тако възваша, они же рекоша: “брате³³¹, цѣловали есме крѣсть къ Святославоу”». ³³²

Широко известна миссия Петра Бориславича к Владимиру Володаревичу, также нарушившему крестное целование. Посол Изяслава не только укорял галицкого князя, но и предпринял попытку объяснить ему возможные последствия таких действий.

«...и рече ему Петръ: “княже, крѣсть еси къ брату своему, къ Изяславу, и къ королеви цѣловаль, яко ти все оуправити, и с нима быти – то ти оуже еси съступилъ крѣстного цѣлования!”

И рече Володимиръ: “сии ли крѣстець малъи?”

Рече Володимиру Петръ: “княже, аче крѣсть малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли, а тобѣ есть, княже, король являль того чѣстного хръста оже Богъ своею волею на томъ руци свои простерль есть... а съступиши – то не будеши живъ!” И рече ему Петръ: “а оу королева еси мужа слышаль ли о томъ чѣстномъ крѣстѣ?”

И рече Володимиръ: “Вы того до съти есте молвили, а ныне полѣзи вонъ! Поѣди же къ своему князю!”

Петръ же, положи ему грамоты крѣстныя, лѣзе вонъ. И не даша Петрови ни повоза, ни корма. Петръ же поѣха на своихъ конихъ». ³³³

Вероятно, полного текста послания во многих случаях просто не существовало, а летописец записал со слов информанта суть достигнутых соглашений, которые были не дословным пересказом требований князя, а результатом нескольких этапов переговоров. Летопись показывает, насколько опасным был путь посла – его могли задержать, могли не

---

³³¹ В словах к послу они используют обращение к Изяславу «брате».

³³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346.

³³³ Там же. Стб. 462.

пропускать через определенные земли,³³⁴ и уж тем более в таких обстоятельствах устное послание имело больше шансов на сохранность и конфиденциальность.³³⁵

Все вышесказанное демонстрирует исключительную важность самой фигуры посла.³³⁶ Это должен быть человек, который, с одной стороны, был достаточно влиятельным, чтобы его выслушал другой князь, и, возможно, даже изменил бы свои намерения после этих слов, а с другой стороны, он должен хорошо ориентироваться в политической ситуации и быстро реагировать на стремительно меняющиеся обстоятельства, поступить наиболее выгодным для своего князя способом. Поэтому неудивительно, что помимо бояр, послами назначались младшие родственники, например, от Изяслава Мстиславича ездил с посольством в Венгрию сначала его брат, потом сын,³³⁷ нередко эту функцию брали на себя авторитетные духовные лица.³³⁸

О важности самой фигуры посла в английском обществе XII века говорит и Майкл Кленчи: даже в ситуации выбора между информацией, которую содержало письмо и устная речь, справедливой была признана последняя именно благодаря фигуре посла. Такая ситуация описана у Эадмера: когда возник спор об инвеституре между Св. Ансельмом, архиепископом Кентерберийским и Генрихом I, оба они отправили послов к папе Пасхалию II. Ансельм послал двух монахов из Кентерберийского аббатства, а король – архиепископа Йорка и двух других епископов, последние пришли со словами папы, переданными устно, а монахи – с посланиями от него же, заверенными папской печатью, но свидетельствующими о ровно противоположном решении. Возник спор о том, чему стоит доверять – словам епископов или письменному посланию папы. Сторонники короля утверждали, что более следует доверять словам епископов, чем «шкурам, запачканным чернилами», а монахам и вовсе не следует верить, если их

---

³³⁴ Например: «но Ярославъ Рюриковѣ рѣчи не имашеть вѣры, творя яко же свѣчатися хотять на нь, и того дѣля не поустышеть пословъ Рюриковыхъ сквозѣ свою волость, заяли бо бяхоуть Олговичи вси поути, и тако воевашася межи собою ѣздячи все лѣто и до осени». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 696.

³³⁵ Об этом пишет и Я.Р. Дашкевич: «Из соображений осмотрительности и тогда, и в более поздние времена опасно было излагать на письме сущность «речи», (ведь послам приходилось пробираться и через очень беспокойные места). Ее нужно было запомнить и излагать устно. Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси. С. 102.

³³⁶ Это отмечал Д.С. Лихачев: Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI – XIV вв. // Исследования по древнерусской литературе. Л. 1986. С. 140–143.

³³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408, стб. 420. Более того, некоторые из подробно описанных случаев крестоцелования показывают, что ритуал происходил между одним союзником и доверенным лицом другого, так, например, Владимир и Изяслав Давыдовичи целовали крест боярам Изяслава Мстиславича, белгородскому епископу и игумену Печерского монастыря, сам же Изяслав в ритуале не присутствовал, хотя немедленно приехал сразу после на снем, где решались уже конкретные боевые действия. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366. Похожим образом Святослав Ольгович целовал крест к киевлянам за своего брата Игоря Ольговича, а они – к нему. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 321–322.

³³⁸ Там же. Стб. 366, 619.

свидетельство противоречит показаниям епископов. Разумеется, этот спор не был разрешен и спустя время, а за окончательным решением потребовалось снова обратиться к папе.³³⁹

Доводы в пользу того, что княжеские послания были устными, не исключают возможности их дополнительного письменного сопровождения, такую форму могли иметь пространные послания Изяслава Мстиславича к иностранным союзникам (что соответствовало бы венгерской традиции), и к брату Ростиславу. Стоит отметить, что в средневековой эпистолярной практике нередки случаи, когда послание передавалось и устно и письменно, так, например, в Хронике Козьмы Пражского послы от князя Вратислава к Папе Римскому сначала передают письменное послание, а затем от них требуется подтвердить устно ту информацию, которая находится в нем.³⁴⁰

Наличие письменного документа для летописца (или информанта) могло быть столь малосущественным фактом, что он просто не счел нужным упомянуть о нем. Да и сама по себе форма повествования о получении или отправлении устного послания могла настолько прочно закрепиться в летописной традиции, что продолжала использоваться уже при появлении первых писем, а наиболее существенным был сам акт прочтения текста послом перед адресатом. Для сравнения приведем берестяную грамоту № 705 от Домажира к Якову, где Домажир говорит о присланной ему ранее Яковым грамоте: «я оу тебе слышоу, цето ты моловище».³⁴¹

Но есть и обратный пример: в одном из эпизодов, при написании которого, по наблюдению Т.Л. Вилкул, автор несомненно пользовался текстом «Александрии Хронографической»,³⁴² слово «грамоты» заменено на слово «речи», что говорит о различии

---

³³⁹ Clanchy, M. From memory to written record: England, 1066–1307. С. 263–264.

³⁴⁰ Chronica Boemorum / Ed. by B.Bretholz, W.Weinberger (Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Germanicarum; Nova Series 2). Berlin, 1923. С 124: «Cuius per conductum cum venissent Romam legati, offerunt apostolico literas ducentis marcis delibutas. Que cum a notario coram omnibusresitate essent, interrogat Romanus pontifex eos, si verbis probant, quod litere sonant. Aiunt legati valde inconveniens fore, aliud literis, aliud ut promamus ore».

В переводе на русский Г. Э. Санчука: «Прибыв в сопровождении охраны графа в Рим, послы передали папе письма, подкрепив двумястами гривен. После того, как писарь зачитал перед всеми (письма князя), папа спросил послов, подтверждают ли они устно то, что содержится в письмах. Послы заявили, что было бы весьма несуразным, если бы они сообщили одно письменно, а другое – устно». Козьма Пражский. Чешская хроника / Пер. Г. Э. Санчук. М., 1962. С. 140).

³⁴¹ Перевод и интерпретация А. А. Зализняка: «Я слышу, что ты говоришь (т. е. мне прочтено твое послание)». ДНД. 2004. С. 422. Подробнее о модели коммуникации в переписке на бересте, когда автор предстает в роли «говорящего», а адресат – «слушающего» в работе А.А. Гиппиуса: Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус, Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1997 – 2000 годов, М., 2004. Т. 11. С. 207–208.

В связи с этим представляют интерес еще два внелетописных документа, на которые обратил внимание Т.В. Гимон: граффито о Бояней земле и берестяная грамота №43 из Старой Руссы, где письменно зафиксирован устный договор, причем в первом из них использован тот же оборот, что и в летописи – «рекла тако». Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М., 2012. С. 131. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966. С. 60–71 (надпись № 25); Зализняк А.А., Топорова Е.В., Янин В.Л. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2011, № 4. С. 3–20.

³⁴² Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода. С. 384.

летописцем этих двух практик и осознанном выборе в своем труде той из них, которая соответствовала реалиям, принятым в русском обществе XII века: в Александрии «послалъ бо вы есть с тацѣми грамотами не акы цѣсареви, но акы къ начялникуо разбоиникомъ» (Александр говорит послам Дария),³⁴³ в летописи: «...аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ князю но акы къ подручнику и просту челоуѣку» (Ростиславичи о Андрее Боголюбском)³⁴⁴.

Бросается в глаза и то, что все послания, письменная форма которых зафиксирована летописью, носили частный, приватный характер, как, например, письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу, а в одном из случаев широкое разглашение информации было бы просто нежелательным: это послание черниговского епископа Святославу Всеволодичу (здесь ситуация усугубляется еще и тем, что епископ целовал крест не оповещать князя).³⁴⁵ «Ложная грамота» галичан написана в тот момент, когда князь не поверил информации, переданной устно³⁴⁶. Можно предположить, что некоторые из таких приватных или тайных писем не попали в летопись именно в силу своего статуса.

Для понимания природы княжеских «речей» важен тот факт, что их язык отличен от языка основной, повествовательной части Киевской летописи. Как уже было сказано, А.А. Зализняк на основе проведенного им лингвистического анализа источников Древней Руси, продемонстрировал, что показатели распределения энклитик княжеских диалогов принципиально отличаются от таковых авторского текста Киевской летописи, причем прямая речь князей оказывается ближе всего по этим показателям к текстам берестяных грамот, т.е. к исторически достоверным посланиям новгородских бояр и других людей.³⁴⁷

На этом сходство не заканчивается, в княжеских диалогах можно увидеть адресные формулы, аналогичные тем, которые мы встречаем в берестяных грамотах, на что было указано А.А. Гиппиусом,³⁴⁸ использование греческой эпистолярной формулы «господине брате»,

---

³⁴³ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. 1-я редакция. М. 1893. С. 44.

³⁴⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 573.

³⁴⁵ Там же. Стб. 523.

³⁴⁶ Там же. Стб. 549.

³⁴⁷ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. 2008. С. 24, С. 194–195. Ранее предпринималось множество попыток выделить в княжеских посланиях индивидуальные или географические черты, а также существенные отличия прямой речи от повествовательного текста летописи в целом. (Например: Лихачев, Д.С. Русский посольский обычай XI–XIII вв. С. 50, Б.А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи, С. 318). Однако большинство из них представляются малоубедительными, так как текст Киевской летописи сам по себе разнороден и содержит множество различных языковых особенностей, поэтому единичные заметки не помогают прояснить картину в целом.

³⁴⁸ Например, использование формы «ся кланяю»: «Ростиславъ же то отвѣща брату своему Изяславоу, рече: «Брате, кланяю ти ся, ты еси мене старѣи, а како ты вгадаеши...» ПСРЛ. Т. 2. Стб. 365. (Гиппиус А.А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных писем // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. М., 2009. С. 288–289). В берестяной переписке эта формула появляется с середины XII века (Там же. С. 286), например, в берестяной грамоте №175, т.е. хронологически в тот же период, что и в тексте Ипатьевской летописи, где она начинает активно употребляться в статьях, повествующих о деятельности Изяслава Мстиславича, приходящейся на середину XII века.

«господине отче».³⁴⁹ И в тексте Киевской летописи, и среди берестяных грамот мы встречаем послания с расхождением в титульной и фактической адресации,³⁵⁰ когда письмо обращено к нескольким лицам, а указания текста относятся только к одному, что специально не оговаривается и существенно усложняет понимание послания.

Наличие характерных для бытовой речи черт княжеских «речей» свидетельствует об их исторической достоверности, так как невозможно допустить их искусственное конструирование следовавшем книжной традиции составителем, хотя он мог сократить или исказить их. Вероятнее всего, источник, по которому они были вписаны в летопись, был устным (хотя сами речи могли иметь письменное сопровождение), а их попадание в летопись осуществилось именно благодаря традиции публичного отправления посольства.

Все вышесказанное не отменяет, однако, возможности того, что концентрация большого числа диалогов в статьях Киевской летописи второй половины XII века может отражать характерный стиль одного или нескольких составителей, знакомых с греческими образцами, которые сочли допустимым и правильным их использование.

***

Следующий вопрос, неизбежно возникающий в рамках дискуссии о посланиях – насколько верно летописные «речи» могут отражать описываемые события и военные действия? В сравнительной перспективе мы можем видеть, что книжная и княжеская, военная среды не были непроницаемы. Так, например, Хроника Роджера Ховеденского содержит письмо византийского императора Мануила Комнина к английскому королю Генриху II, рассказывающее о поражении в битве при Мириокефале, с описанием мельчайших подробностей военных событий. В письме упоминаются рыцари Генриха, участвовавшие в битве, они и должны были подтвердить королю сказанное в письме и ответить на все его

---

³⁴⁹ Например, в летописи: «Ростиславъ же то слышавъ и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: “Велми радъ, господине отче...”» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 471), в берестяной грамоте №531: «От Ане покло(н) ко Климяте. Брате господине, попецалоуи о моемо орудье...» «От Анны поклон к Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Константином...» (ДНД. С. 416 – 417; Факкани Р. *Graeco-Novgorodensia. I* (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте), Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 335–336; Гиппиус А. А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот. С. 287). Это парное обращение подробнее рассмотрено в третьей главе настоящей работы.

³⁵⁰ Например, в письме Изяслава Мстиславича к Юрию и Вячеславу Владимировичам: «Изяславъ же посла моужи своя къ Вячеславоу и къ Гюргеви с жалобоу, река тако: “Се брате, на томъ есмы хрьсть целовали, комоу свое познаваючи имати, нынѣ же, брате, оже хощеши хрьстоу оуправити, то даи ны Богъ пожити, не хочеши ли оуправити, а то оузримъ”». Очевидно, обращение направлено лично к Юрию. В следующем за этим посланием тексте уже используется форма двойственного числа. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 394. Для сравнения: «поклон от Янки с Селятой Ярине... А где мне хлеб, там и тебе», грамота № 731. (ДНД. С. 392–393). Об этом явлении в берестяных грамотах. Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. С.186–187.

вопросы. Вероятно, именно они и доставили это письмо.³⁵¹

Так же и Киевская летопись нередко указывает, что именно на участников событий возлагается задача передачи послания, будь то знатные бояре или княжеские сыновья, поэтому их впечатления как очевидцев могли попасть в текст повествования. Так, в летописи приводятся слова Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича Гезе II с благодарностью за помощь в битве с Юрием Владимировичем, где говорится: «...а все ти скажут твои мужи и брать твои Мьстиславъ – како ны Богъ помогль».

В соответствии упомянутым количеством групп послов, речь Изяслава приводится в летописи дважды: в краткой и пространной формах, первый раз в послании с венгерским войском, второй раз – с Мстиславом Изяславичем.³⁵²

В историографии Киевской летописи неоднократно поднимался вопрос о достоверности княжеских «речей». Как уже говорилось в первой главе, согласно Б.А. Рыбакову, В.Ю. Франчук и А.В. Юрасовскому, все послания достоверны в том смысле, что были списаны с пергаменного оригинала в летопись. Я.Р. Дашкевич, продолжая линию И.П. Еремина и отчасти критикуя Д.С. Лихачева, настаивает на том, что нельзя понимать княжеские речи как «аутентичные – в смысле полного буквализма».³⁵³ Опыт вычленения тех грамот, которые были искусственно сконструированы, проведенный Флораном Мушаром, как было показано в параграфе 1.2., оказался не совсем удачным из-за вчитывания в них тех смыслов, которые они не содержали. Судя по контексту, именно эти послания братьев Изяслава и Ростислава друг другу отличаются высоким уровнем достоверности, так как они фиксировали этапы противостояния, детали которого представлялись летописцу важными, что видно из окружающего текста: он подробно описывает передвижения войск, погони, кто из союзников пришел к месту сбора, а кто нет. Даже спустя несколько десятилетий такие подробности уже не были бы никому интересны: с той же степенью детализации, как действия Ростислава, при сыне которого, Рюрике, произошла редакция летописи, здесь описаны действия других князей. Однако описания переговоров не всегда столь подробны, в некоторых ситуациях летописец, наоборот, объединяет несколько посланий в одну «речь», например, возвания Изяслава Мстиславича к разным иностранным союзникам он превращает в краткое: «а язъ вы реку: “братие, съ Рожьства Христова полъзите

---

³⁵¹ Chronica Magistri Rogeri de Houedene / Ed. by W. Stubbs. L., 1869. Vol. 2. С. 104. The Annals of Roger de Hoveden. Comprising the history of England and of other counties of Europe from A.D. 732 to A.D. 1201 / Transl. and illus. by T. Riley. L., 1853. P. 422–423 (перевод на английский). «Я, однако, благодарен, что случилось так: некоторые воины твоего величества присутствовали с нами, и эти же (воины) тебе обо всем, что случилось, по порядку расскажут». Перевод Р. Шляхтина. Автор выражает благодарность за возможность с ним ознакомиться.

³⁵² ПСРЛ. Т. 2., Стб. 420–421.

³⁵³ Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси. С. 108.

на кони”»³⁵⁴. Как видно, летописец вовсе не был склонен протоколировать все известные ему диалоги.

В Киевской летописи сохранилось несколько посланий, которые, без сомнения, были целиком вымышлены автором, использовавшим их как литературный прием при проведении собственной линии повествования. Едва ли не единственной из таких ясно выраженных авторских морализаторских линий является подчеркивание важности братолюбия, сохранения действующего распределения земель и осуждение нарушителей этих принципов, которым летописец приписывает речи, характерные для «темных» сил. Например, Изяслав и Владимир Давыдовичи, вместо того, чтобы вызволять плененного родственника Игоря Ольговича и помогать его брату Святославу, с которыми они еще недавно целовали крест, решили помочь их противникам, а имущество братьев Ольговичей присвоить, что и вызвало недовольство летописца: «Давыдовича же рекоста: “Се есвѣ зачала дѣло зло – а свершивѣ до конца братоубиство, поидивѣ искоренивѣ Святослава и переимевѣ волость его”».³⁵⁵ Очевидно, что братья считали свои действия вполне справедливыми. Любопытно, что еще одно изречение, имеющее черты искусственного конструирования, было выделено И.П. Ереминым, также у автора, благожелательно относившегося к линии Мономашичей (Ярополку Владимировичу) и негативно – к черниговским князьям³⁵⁶. В изобретении таких княжеских «речей», несомненно, и проявился литературный талант летописца, какими бы художественными образцами он при этом ни пользовался.

Итак, княжеские послания и диалоги, представленные в летописи как прямая речь, распределены в ее повествовании крайне неравномерно: отдельно выделяются статьи, рассказывающие о деятельности Изяслава Мстиславича 1146 – 1154 (6654 – 6662) годы, на которые приходится наибольшее количество «речей», затем можно наблюдать значительный спад их численности в статьях 1155 – 1173 (6663 – 6681) годов, а в статьях, повествующих о деятельности Рюрика Ростиславича в 1174 – 1196 (6681 – 6704) годах, их число опять возрастает, но, тем не менее, не достигает численных значений плато середины XII века. На всем протяжении летописи можно видеть и пространные, и краткие послания, словно «живые» реплики, обе группы распределены равномерно: невозможно проследить тенденции к увеличению или, наоборот, к уменьшению одной из них. При этом значительно меняются фигурирующие в них языковые обороты, что может дать дополнительную информацию о историческом и хронологическом контекстах их составления.

---

³⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385.

³⁵⁵ Там же. Стб. 330.

³⁵⁶ Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы. С. 78–79.

2.2. Дипломатические формулы

Многие исследователи отмечали яркость и образность языка Киевской летописи, лаконичную краткость содержащихся в них княжеских «речей»³⁵⁷. Д.С. Лихачев пишет об особом значении в речах «характерной антитезы», например: «оже хочещи поити на Изяслава – а поиди, а мы с тобою. Не идеши ли, а мы есмь въ хрьстьномъ цѣлованьи прави»³⁵⁸. В этом ярком и образном языке можно выделить устойчивые сочетания, которые используются многими князьями, как правило, когда речь идет о предстоящих военных действиях или сдерживании противника – то есть в тех ситуациях, ради которых и заключалось наибольшее число соглашений. Использование подобных договорных формул и оборотов относится к одной из наиболее широко распространенных в средневековой культуре мнемонических техник.³⁵⁹ Их присутствие в княжеских «речах» также свидетельствует о том, что эти «речи» передавались устно – знакомые словосочетания облегчали восприятие послания адресатом и публикой, их произнесение было важной частью ритуала отправления или принятия посла.

Выделим ряд устойчивых договорных формулировок, представляющих собой простейшие фразы, призванные выразить единство и общность интересов тех, кто их произносит: «быти за один», «быть за один брат», «с тобой быти», «быти за обиду», «не отлучатися ни в добре, ни в зле», «сложити голову», «послужити копьем», «послужити полками» и др. В данной работе в качестве таковых формул рассматриваются символические выражения, непосредственно произносившиеся при целовании креста, упоминаемые в качестве сути соглашения, скрепленного крестным целованием до или после договора, а также те выражения, которые

---

³⁵⁷ Там же. С. 76.

³⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 363; Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI–XIV вв. С. 54.

³⁵⁹ Формулы древнерусских произведений имеют длительную историю изучения. На некоторые устойчивые сочетания Киевской летописи, которые «переходили от автора к автору» обратил внимание И.П. Еремин: (Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы. С. 77–80), он считал, что в прямую речь князей они попали из авторского повествования. Устойчивые литературные воинские формулы древнерусских произведений были проанализированы О.В. Твороговым (Творогов О.В. Задачи изучения литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М.Л., 1964. №20. С. 29–40). Отдельное внимание исследователи уделяли формульному фонду «Повести временных лет»: О.В. Творогов изучил устойчивые сочетания, использовавшиеся при описании князя, хода битвы и других событий, Е.А. Мельникова проанализировала устойчивые сочетания в русско-византийских договорах в составе «Повести временных лет» (Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в Повести временных лет. С. 277–284; Мельникова Е.А. Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договора 911 г. С. 84–102) Речевые формулы стали основным объектом исследования фольклористов и историков, рассматривающих эпические формулы как своего рода «заготовки», которые помогали рассказчикам устно передавать текст, что было исследовано на материалах от библейских текстов и Гомера до исландских саг. Foley J. M. The Theory of Oral Composition. History and Methodology. Bloomington, Indianapolis. 1988. Pp. ix – 113; Gisli Sigurðsson. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. Cambridge, Massachusetts, London. 2004; Ong, W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word (2nd ed). New York: Routledge, 2002. P. 137–139. Но этот материал значительно отличается от интересующих нас формул Киевской летописи и вряд ли может быть использован в качестве сравнения.

употребляются при указании на суть союзнических отношений в тот или иной период между двумя или более политическими фигурами.

Интересующие нас выражения не являются исключительной особенностью Киевской летописи и встречаются в самых разных текстах, где с большими или меньшими подробностями описываются соглашения между несколькими политическими сторонами, однако именно в тексте интересующей нас летописи их наибольшее количество и разнообразие, не сравнимое ни с какими другими произведениями. Но упомянутые обороты не могут рассматриваться только как стилистическая особенность составителя Киевской летописи – опять же, потому что они встречаются в самых различных по характеру и времени написания древнерусских источниках.

Если обратиться к распределению договорных формул и устойчивых формулировок в летописи, то можно увидеть, что их наибольшее количество находится в посланиях Изяслава Мстиславича к союзникам и противникам.³⁶⁰ Можно различить исходно простые и однотипные формулы внутренних диалогов Рюриковичей на начальном этапе его деятельности и более сложные, витиеватые обороты переписки русских князей с иностранными правителями в разгар конфликта. Рассмотрим разнообразие встречающихся в Киевской летописи договорных формул и устойчивых оборотов.

Таблица 1. Договорные формулы и устойчивые обороты княжеских «речей» Киевской летописи

Формула (варианты)	Исторический контекст	Источник
1. Идея единства, слаженного участия в совместном военном, политическом деле		
<i>имѣмся по едино сръдце</i>	Договор князей на Любечском съезде	ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231.
<i>«намъ быти за одинъ»;</i> <i>«быти всимъ за</i>	Святослав Ольгович и братья Изяслав и Владимир Давыдовичи	ПСРЛ. Т. 2 Стб. 366, 374, 375, 465.

³⁶⁰ Благодаря обилию «речей» и высказываний Изяслава Мстиславича, приведенных в летописи, именно этот князь представляется наиболее ярким деятелем эпохи. Широко известна его «поговорка», сказанная в ответ на известие о поражении сына Мстислава: «не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова к мѣсту» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 442). Интересна она и тем, что летописец здесь проявляет самого себя (что, как мы уже подчеркивали, редкость для данного текста) – он отмечает, что уже слышал эти слова от князя. В историографии высказывались разные мнения о значении этих слов, в числе последних – заметка А.П. Толочко, о том, что это «цитата» книжного происхождения, а именно высказывания Иоанна Златоуста, позаимствованное из «Пчелы»: «Не мѣсто добродѣтели, но добродѣтель мѣсто можетъ оукрасити» (Толочко А.П. Поговорка Изяслава Мстиславича // *Ruthenica*. 2010. Вип. 9. С. 158–159). Однако, как можно видеть, князь использует в лучшем случае перифраз слов Отца церкви, смысл княжеской реплики в корне отличен, лишь употребление слова «место» и парная структура с отрицанием сближают обе фразы. Изяслав имеет в виду, что в скором будущем легко отомстит Владимиру (грубо говоря, вернет «место» «головой»: «но обы Богъ даль мнѣ здравие, и королеви, а мѣстемъ быти»), а не констатирует провал Мстислава, как считает А.П. Толочко.

<p><i>одинъ братъ»;</i> <i>«за одинъ мужь быти»...</i> Вероятный вариант окончания: <i>«...до живота»</i> ('до смерти')</p>	<p>– Изяславу Мстиславичу (2й договор). Святослав Ольгович и Изяслав Давыдович, Владимир Володаревич – Изяславу Мстиславичу.</p>	
<p><i>«С тобой (мною) быти...»</i> вариант окончания: <i>«до живота»</i> ('до смерти')</p>	<p>братья Изяслав и Владимир Давыдовичи – Изяславу Мстиславичу. Владимир Володаревич – Изяславу Мстиславичу</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367, 374, 451.</p>
<p><i>«быти по одному мѣсту»,</i> <i>«быти во всех мѣсѣхъ</i> <i>(рядом)»:</i></p>	<p>Вячеслав Владимирович, Владимир Володаревич – Изяславу Мстиславичу</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418, 451.</p>
<p><i>«Твой и мой щит не будут розно»;</i> <i>«Вот мой мужь ('воин'), а ты поставь своего мужа ('воина')».</i></p>	<p>Владимир Давыдович – Изяславу Мстиславичу Геза II – Изяславу Мстиславичу</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374, 407.</p>
<p>2. Идея единства перед лицом врага, упоминание видимой угрозы от кого-то.</p>		
<p><i>«Не отлучитися ни в добре ни в зле».</i></p>	<p>Вячеслав Владимирович, Владимир Володаревич – Изяславу Мстиславичу</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418, 452.</p>
<p><i>«N како тобѣ золь тако и нама»; «се есть ворогъ нама и вамъ»;</i> <i>«кто боудет мнѣ золь – то вамъ на того быти со мною»;</i> <i>«кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ»;</i> <i>«кто тобѣ ворогъ, тот и</i></p>	<p>братья Изяслав и Владимир Давыдовичи – Изяславу Мстиславичу, Рюрик Ростиславич – Всеволоду Юрьевичу, Святослав Всволодич – Андрею Юрьевичу, Юрий Владимирович – вятичам (о соглашении здесь не говорится)</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329, 367, 338, 572, 701.</p>

<p>намъ»; «<i>вот враг нам и вам</i>».</p>		
<p>3. Идея мести, возмездия за нанесенный ущерб.</p>		
<p>«<i>Быти за обиду</i>»; «<i>с кимъ ти обида есть аче ти ся полки иструдяють</i>», «<i>оже твоя обида – то не твоя, но моя обида, пакы ли моя обида то твоя</i>»; «<i>где твоя обида боудеть – а намъ быти с тобою</i>»; «<i>кдѣ твоя обида – а се ти полци, тамо же с ними ѿди своя дѣля обиды мщать</i>»; «<i>послужилъ своимъ копиемъ и своими полкы за его обиду</i>»; «<i>аче твоя обида где – а нама даи Богъ ту самѣмъ быти за твою обиду, или пакы братъею своею или съ сынѣми своими и полкы своими</i>»; «<i>былѣ вси не раздно, но за одинемъ быхомъ щитомъ былѣ с тобою и мстили быхомъ обиды твоя</i>».</p>	<p>братъя Изяслав и Владимир Давыдовичи – Изяславу Мстиславичу, Геза II – Ростиславу и Изяславу Мстиславичам, Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович – Гезе II, Владимир Володаревич о совместных военных действиях с отцом Гезы II, Белой II, Сыновья Казимира II – Роману Мстиславичу</p>	<p>ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367, 385, 407, 408, 409, 420, 450, 687.</p>
<p>2. Обещание присоединиться к делу, обещание совместных действий</p>		

<i>«Подле тебе ѿздити»; «ѿздити подлѣ твои стремень»</i>	Изяслав и Владимир Давыдовичи, Ростислав Юрьевич, Ярослав Владимирович – в посланиях к Изяславу Мстиславичу	ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346, 367, 465.
<i>«Быти в волѣ всегда»; «въ N волѣ быти и зрѣти на нь».</i>	Геза II – Изяславу Мстиславичу, Ростислав Мстиславич – Вячеславу Владимировичу (о Изяславе Мстиславиче), Роман Мстиславич к Рюрику.	ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407, 471, 667, 697, 699.
3. Готовность к битве		
<i>«На конѣ всѣсти»; «полѣзти на конѣ»;</i>	в диалогах Изяслава Мстиславича и Гезы II	ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385, 405, 407, 446, 498.
<i>«Хотети голову сложити за N» .</i>	Изяслав и Ростислав Мстиславичи – Вячеславу Владимировичу, галичане – Ярославу Владимировичу.	ПСРЛ. Т. 2. стб. 437, 466–467.
4. Благодарность за помощь		
<i>«Намъ еси тако помоглъ толико можетъ такъ оучинити братъ роженъи или сынъ отъцю како же ты нама еси оучинилъ».</i>	Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович – Гезе II	ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420 (дважды).
<i>«Откупити сему толико главою своею».</i>	Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович – Гезе II,	ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420– 421.

Данные формулы в княжеских речах, как правило, или предшествуют заключению союза и, в таком случае, часто затем становятся основой его соглашения (например, предложение выступить за «обиду») или же появляются в припоминаниях, когда посол князя уже перед конкретными боевыми действиями спрашивает союзника о готовности выполнять данные ранее обязательства. Сам обряд заключения соглашения появляется в летописи далеко не всегда, и

может быть включен в нее и как прямая, и как косвенная речь, и как описание событий в повествовании.

Как мы видим, одни формулы являются более употребительными, другие – менее, некоторые можно объединить в группы: фразы, применявшиеся в ситуациях, когда было важно подчеркнуть единство, выразить благодарность или готовность принять участие в мероприятии. Вероятно, минимальным элементом договорной фразы были простейшие формулы «быти за один», «быти за обиду», которые, соединяясь в двухчастные структуры и даже в пары двухчастных структур, образовывали более сложные и разнообразные сочетания и стереотипные обороты.

2.2.1. «Быти за один». Соглашения Изяслава Мстиславича с черниговскими князьями

Первое из устойчивых договорных словосочетаний можно видеть уже в Повести временных лет в рассказе о Любечском съезде 1097 года, окончательное решение которого представлено в летописи, как речь всех присутствовавших князей, обращенная «к собѣ»:

«и глаголяше к собѣ, рекуще: “Почто губимъ Рускую землю, сами на ся котору имуще, а Половци землю нашу несутъ роздно и ради суть, оже межи нами рать, до нынѣ отселѣ имѣмся по единому сѣрдце и съблюдемъ Рускую землю, каждо держитъ очьчину свою...”».³⁶¹ Несмотря на то, что далее в тексте соглашения перечисляется распределение земель между князьями, именно расплывчатость формулировок во многом послужила причиной последующих противоречий: «быти за едно сѣрдце» обозначало лишь директивное прекращение внутренних конфликтов, что было невозможно без более детальной проработки механизмов достижения компромиссных решений. Но именно в таких выражениях и мыслилась, согласно летописи, политическая стратегия наращивания горизонтальных связей и укрепления отношений между союзниками.

В дальнейшем повествовании Киевской летописи можно найти очень близкие фразы в договорах Изяслава Мстиславича, Святослава Ольговича, Изяслава и Владимира Давыдовичей. Первое из таких соглашений было заключено практически сразу после стремительного захвата Изяславом Мстиславичем Киева, когда Изяслав и Владимир Давыдовичи поддержали его против Ольговичей, за что получили земли Святослава и Игоря. В их предложении поддержки Изяславу присутствует устойчивая фраза «Игорь како тобѣ золь былъ тако и нама»³⁶², само же

---

³⁶¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 231.

³⁶² Там же. Стб. 329. По сути, все послание разделено на две парные части: ‘у нас общий враг – действуй’, первая из ее частей также делится на две части: ‘враг ваш и наш’, упоминая обе стороны соглашения. Такую структуру, в основе которой лежит формула, присутствующая и в других посланиях, очень легко воспроизвести устно, даже не заучивая специально.

крестное целование не описывается подробно, но его суть посол Изяслава упоминает ретроспективно, при возвращении им крестных грамот: «вы есте крѣсть цѣловали до живота своего».³⁶³ В этом выражении (буквально «до смерти») не было бы ничего необычного, но в княжеских договорах московских князей обращает на себя внимание устойчивый оборот «быть везде за один до (моего) живота» (см. *таблицу 9*) и, действительно, в последующих договорах именно между этими князьями в Киевской летописи мы находим ту самую вторую часть этой формулы.

Нельзя исключать, что в середине XII века оба элемента могли существовать самостоятельно – можно было заключить соглашение или (на конкретных условиях) «до живота» или «быти за один». Однако с большей вероятностью уже в этот период две части воспринимались как единое целое, но князь или посол (или же информант, сам летописец) использовали только одну из них, так как словосочетание уже было общеизвестным, и слушатель сразу схватывал смысл. В «речах» Изяслава Мстиславича и Изяслава и Владимира Давыдовичей таких большинство, как уже отмечалось, эта часть летописи характеризуется наибольшей лапидарностью.

После «измены Давыдовичей»³⁶⁴ и убийства киевлянами Игоря, Изяслав заключает с ними, а также с побежденным Святославом Ольговичем, новое – второе соглашение, конкретные фразы которого приводятся первый раз при описании самого процесса крестного целования: от Изяслава были присланы его бояре, а также белгородский епископ Феодор и игумен Печерского монастыря Феодосий, которые и стали свидетелями клятвы «оу святомъ Спасѣ», причем ее точные формулировки повторяются почти дословно в словах цитируемой клятвы и в «речи», посланной Изяславом: «Игоря не искати» и «ворождоу про Игоря отложити», «Роуския дѣля земля» (– Изяслав не вспоминает о их «измене» – М.Л.) и «Роуской земли блюсти». Такие повторы встречаются в летописи и далее, они не случайны: летописцу было важно детально передать сам процесс согласования договоренности, показать, что братья поклялись ровно на том, чего от них требовал Изяслав. Финальная фраза клятвы включала интересующую нас формулу: «и быти всимъ за одинъ братъ»,³⁶⁵ которая также будет повторена при ретроспективном упоминании именно этого договора.

---

³⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346.

³⁶⁴ Давыдовичи целовали крест Юрию Владимировичу «оубити любо яти во Игоря мѣсто» Изяслава Мстиславича. Эта фраза повторяется в летописи несколько раз (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 345, стб. 346), так что, вероятно, она отражала реальную формулировку договоренности, которая была краткой и конкретной, без образных словосочетаний. В момент расторжения отношений с Изяславом, братья выдвигают условия, при которых союз может быть продолжен, используя еще одну формулу: «а поусти брата нашего, а мы подлѣ тебе ѣздимъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346), однако в данной ситуации она так и не вошла в финальную формулировку крестного целования.

³⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366.

Пунктуальная детализация с перечнем земных свидетелей (мужи, епископ и игумен) и небесных (Спасителя)³⁶⁶, с упоминанием конкретных условий, закрывающих предыдущий конфликт, была важна для летописца, фиксировавшего обстоятельства, способствующие выполнению клятв, важнейшим из которых была максимальная огласка (в земной и в мистической сферах). Обращает на себя внимание, что сначала была принесена клятва мужам Изяслава и перечисленным духовным лицам, а уже после братья встречаются с самим киевским князем: «на осень скоупишась на снемь оу Городка»³⁶⁷, что также является частью практики максимального задействования в ритуале наибольшего количества авторитетных лиц и распределения обязательств между участниками и поручителями.

Первое ретроспективное упоминание самого Изяслава об этом договоре перед началом новых политических и военных действий в летописи повторяет фразы, перекликающиеся с первым соглашением: «а вы есте вси хръсть цѣловали на томъ, аже кто боудеть мнѣ золь, то вамъ на того быти со мною»,³⁶⁸ а затем – со вторым: «а вы есте на томъ хръсть цѣловали, ако со мною быти», на что ему отвечает Владимир Изяславич, также повторяя второй договор: «а мы вси хръсть цѣловали на томъ, ако где твоя обида боудеть, а намъ быти с тобою».³⁶⁹

После эскалации конфликта с Юрием Владимировичем, к Изяславу посылает Владимир Изяславич, упоминая описанное выше соглашение следующим образом: «а мы есме к тобѣ хръсть целовали с тобою быти, а являю ти – пристораваися». Здесь четко видна двусоставная структура, создающая особую динамику повествования: в одной части говорится о прошлом событии, во второй – о настоящем, последняя, кроме того, делится на действия автора и адресата, которые должны быть едиными: вместо «быти за один (брат)» – слова «с тобою быти».

Изяслав отвечает на это посланием, почти полностью его дублирующим: «Богъ ти помози, акоже и самъ молвишь: хръсть есмы цѣловали, яко всимъ намъ быти за одинъ. Нынѣ же, брате, се моужь мои, а ты пристави свои моужь».³⁷⁰ Здесь также можно видеть разделение

---

³⁶⁶ Обряд крестоцелования подробно рассмотрен в работе П.С. Стефановича (Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. М. 2004. Т. 5. С. 86–113). Некоторые символические аспекты древнерусских социальных практик рассмотрены в работе (Павлов-Сильванский Н.П. Символизм в древнем русском праве // Журнал министерства народного просвещения. СПб, 1905. Часть 360. С. 339–365). О двойственном характере средневековых клятв – в работе Ларса Хермансона: Hermanson L. Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, с. 1000–1200. P. 111–117.

³⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 366.

³⁶⁸ Ср. обращение Юрия Владимировича к вятичам о поимке Давыдовичей: «Се есть ворогъ нама и вамъ» ПСРЛ. Т. 2. Стб. 338.

³⁶⁹ Там же. Стб. 367.

³⁷⁰ Там же. Стб. 374. Ср. с хронологически более поздними княжескими «речами» Романа Мстиславича в Лаврентьевской летописи: «Пошли ты моужа своего ко свату своему, а я сню своего моужа ко отцю и господину великому князю Всеволоду» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 419). В этих словах формула разбита указаниями родства – обе особенности показывают ориентацию на дипломатический язык деда, Изяслава Мстиславича.

на две части, в данном формульном обороте отсутствует слово «брат», которое, однако, можно найти в выбранном князем обращении. Сама же идея единства раскрывается следующей, наполненной символикой, фразой: ‘вот муж (воин – М.Л.) от тебя, а вот – от меня’. Это еще одна двусоставная структура, подчеркивающая ответственность и искренние намерения обеих сторон.

Описание посольства к Святославу Ольговичу содержит следующий пересказ того же самого крестного целования: «и рече ему посоль Изяславль: “тако ти молвить Изяславъ братъ твои: хрьсть есмы, братъ, на томъ целовали, оже быти вамъ со мною а се, брате, стръи мои грядеть на мя, а, брате, доспѣваи, какоже Володимиръ доспѣваетъ, Изяславъ братъ его». Здесь, как и в первом случае, «быти со мною» использовано вместо «за один брат», но отсутствие родовой лексики в формуле компенсируется при помощи множества обращений «брат», следующих подряд. В этом послании упоминается прошлое (момент заключения клятвы) и настоящее («дядя идет на меня»), действия адресата и действия другого союзника – Владимира, который уже подтвердил свои действия.

От действий Святослава Ольговича на тот момент зависело многое, так как он был одним из главных противников Изяслава. Летопись повествует о том, что у него, фактически, собрались все послы тех князей, которые участвовали в крестном целовании. Боярин Изяслава закончил свою речь, поставив в качестве примера действия Владимира и Изяслава – следом говорят их послы: «мы есме хрьсть целовали яко всимъ намъ быти за одинъ, а вѣ (в Хлеб. списке – «мы»), брате, доспѣваевѣ, а ты, брате, тако же доспѣваи»³⁷¹. Святослав отвечает на это требование лишь спустя время, обещая «с тобою быти» на определенных условиях.

Итак, все посольские «речи», связанные с указанной клятвой, содержат строки, символизирующие единение: «быти за один брат», однако конкретные формулировки различны: «быти за один», «быти со мною» (от Изяслава) или «быти с тобою» (от его союзников). При этом слово «брат», упомянутое в самой клятве в качестве метафоры, часто соседствует с устойчивыми формулировками как обращение, которое усиливает идею родства и воинского братства. Обязательно упоминание момента целования креста (прошлое) и грозящей опасности (настоящее), предстоящих действий адресата и автора (или третьего союзника), которые могут быть выражены как буквально: «а вѣ, брате, доспѣваевѣ, а ты, брате, тако же доспѣваи» (очевидно, с ошибкой, частично исправленной в Хлебниковском: ‘мы спешим, и ты спешим’), так и с помощью символики: «се моужь мои, а ты пристави свои моужь».

---

³⁷¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374–375.

Эти слова, на первый взгляд, не выглядят непосредственно связанными с упомянутой выше клятвой, однако обратим внимание на еще один случай крестного целования, который произошел уже после смерти Изяслава Мстиславича и Владимира Давыдовича – при воссоединении указанных выше князей, целовавших крест к киевскому князю: Изяслава Давыдовича и Святослава Ольговича. Процесс заключения этого соглашения не раскрывается в летописи так подробно, однако в повествовании говорится, о чем именно они приняли соглашение: «Святославъ Олговичъ скупяся съ Изяславомъ Давыдовичемъ оу Хоробря и оутвердися якоже за одинъ мужь быти, и цѣловавше межи собою крѣсть».³⁷² Сочетание «быти за один муж», очевидно, было тождественно выражениям «быти за один», «быти за один брат», автор, передававший «речь» в статье 6657 (1149), зная об этом, раскрыл один из вариантов формулы более развернутой фразой, символизирующей участие двух лиц.

Подводя некоторый итог анализа описания в летописи этих исторически тесно связанных между собою клятв, важно подчеркнуть, что в тексте не найти жестких трафаретных формулировок, даже когда говорится об одном соглашении. При этом каждая речь посла, апеллирующая к нему, выстроена по единому принципу (суть клятвы, что было тогда – что сейчас, действия адресата – действия автора). Говоря о сущности соглашения, посол использует *один из вариантов* формулы, при этом имеется возможность дополнить его обращениями «брат» или символическим упоминанием «мужей» разных сторон, что отсылает к другим вариантам той же формулы. Рассматривая, как меняется формулировка от одного упоминания к другому, можно только констатировать, насколько сложным и одновременно красивым был устный язык договорных соглашений и насколько виртуозно владели им как правители, так и их послы: ни одно упоминание клятвы из перечисленных не повторяет другое дословно, при этом содержание остается неизменным, а различные элементы ее довольно жесткой структуры перекликаются между собой.

Насколько мы можем судить по имеющимся в Киевской летописи данным, выражение «быть за один брат» и близкие использовались только в клятвах между Изяславом Мстиславичем, Изяславом и Владимиром Давыдовичами и Святославом Ольговичем (после смерти Изяслава только единожды можно найти соглашение с его использованием между двумя последними князьями). Все эти обороты приведены в текстах 1146 – 1149 (6654 – 6657) годов, за исключением упомянутого случая в статье 1152 (6660) года.

Выражение «с тобой быти» активно использовалось князьями и в дальнейшем, чаще всего – для сокращения развернутой формулы. Упомянутый ее вариант «где твоя обида – нам быть с

---

³⁷² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465.

тобой» также активно применялся в последующих диалогах, входя в состав и более пространных формулировок. Были ли соглашения Изяслава с братьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами первой пробой пера, частью масштабной политики Изяслава по консолидации союзников, усилению горизонтальных связей между ними и формированию политического языка – нельзя сказать наверняка, так как в нашем распоряжении всего один источник, но с большой вероятностью так оно и было – при описании Любечского съезда мы видим совсем другую формулу.

Вернемся к дискуссии о происхождении текста, уникального для Киевской летописи и содержащего приведенные выше речи князей и перемещения послов. Были бы они актуальны в конце XII века или даже на последующих этапах развития конфликта, когда братья Давыдовичи разошлись по разные стороны конфликта? Разумеется, нет. Служит ли эта информация, занимающая несколько десятков столбцов, возвеличиванию того или иного князя или его принижению, может ли иллюстрировать замысел летописца, сочиняющего литературный сюжет? Ответы также отрицательные. Бесконечные повторы одного и того же крестного целования, подробные речи, часто повторяющие текст, уже приведенный несколькими строками ранее, были актуальны только в момент, когда эти события происходили, так как детально фиксировали действия каждого участника – был ли он осведомлен о политических изменениях, откликнулся ли он на призыв, выполнил ли свое обещание? Все эти моменты помогали ориентироваться в том, как будет выстроена социальная стратегия каждого политического игрока далее, то есть с уверенностью можно говорить о исторической актуальности этого текста исключительно в те два года, когда события происходили.

Если формула «быти за один (брат)» по завершении данного эпизода надолго исчезает из повествования, то выражение «быти за обиду» становится все более употребительным и используется во множестве вариаций. Расширяя число своих сторонников за счет европейских правителей и бывших противников, Изяслав Мстиславич использует все более пространные и разнообразные формы. Так, в письме Гезы II к киевскому князю: «и то рече ему король: «се ти пушаю полкы своя... а ты ся прави: с кимъ ти обида – есть аче ти ся полки иструдять, а я силнѣиши поушю другъя, пакы ли я самъ всяду на конѣ». Здесь мы видим сразу две формулы: «с кимъ ти обида – есть аче ти ся полки иструдять» и «всѣсти на конѣ», причем с все большим использованием актуальной воинской символики – слово «полки» перекликается и с началом основного текста послания, и с призывом Изяслава, на который откликнулся венгерский король. В последнем присутствует и призывание сесть на коня: «а быша всѣли на кони сами с полкы своими поити къ Киеву». Летопись не сообщает о крестном целовании между Гезой II и Изяславом, но вероятно, что оно не было обязательно в союзе двух близких родственников

(сестра Изяслава Мстиславича, Евфросиния, была замужем за Гезой, а его единокровный брат Владимир затем женился на дочери бана Белуша, дяди, близкого друга и советника Гезы³⁷³), нельзя исключать, что устойчивые формулы их диалогов перекликаются с обещаниями, сказанными во время свадьбы, чем и объясняется их многообразие и пышность.

2.2.2. «Быти за обиду». Диалоги Изяслава Мстиславича и Гезы II.

Формула ‘мстить за обиду’ повторяется и в послании Гезы II к Изяславу с Владимиром: «... а тогда своя обиды помъстивѣ, а како намъ Богъ дастъ». Здесь также присутствует оборот «всѣсти на конь к тобѣ» в сочетании с уникальной для Киевской летописи формулировкой: ‘мой и твой щит не будут порознь’:³⁷⁴ «...на конь к тобѣ всѣсти, но обаче, отъце, твои щитъ и мои не розно еста».³⁷⁵

Что касается устойчивых оборотов княжеских «речей», которыми обменивались Геза II и Изяслав Мстиславич, то описанная выше схема их построения здесь соблюдалась не всегда, в посланиях появляются хронологические маркировки,³⁷⁶ но основу структуры по-прежнему составляют формулы. Здесь же появляется устойчивое сочетание «в воле быти», которое обычно рассматривается как показатель иерархического статуса. Но как можно заметить, в послании венгерского короля киевскому правителю указание на него было бы вряд ли уместно: как видно в сравнительной перспективе, этот оборот часто используется именно как часть хронологического уточнения (ср. современное выражение «до/после определенного события я в твоём распоряжении»): «а оже Богъ дастъ лѣтъ, то я въ твоєи воли есмь».³⁷⁷

Новый вариант использования формулы «быти в обиду» можно видеть уже в следующем послании Изяслава Мстиславича к Гезе II, которое было также передано через его брата Владимира Мстиславича: «оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида, пакы ли моя обида – то твоя»³⁷⁸. Ее двухсоставная форма прослеживается дважды (два раза упоминаются оба лица: и автор и адресат, что усиливает идею единства союзников). Владимир спешит с венгерской военной помощью на Русь, прибывая сначала в лагерь Ростислава Мстиславича, говорит ему: «зять нашъ король пустилъ ти десять тысячъ, и тако ти молвить: “кдѣ твоя обида – а се ти

³⁷³ Имя супруги Владимира, к сожалению, не известно. Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968. С. 171. Киевская летопись рассматривается как один из ключевых источников для истории венгерских правителей этого периода и в венгерской историографии. Font, Marta. Magyarok a Kijevi Évkönyben. Szeged. 1996.

³⁷⁴ Как можно заметить, оно, по сути, повторяет рассмотренное выше выражение «вот мой муж (воин), а ты приставь своего мужа (воина)», но воинская атрибутика другая.

³⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407.

³⁷⁶ Таким хронологическим уточнением начинается первое послание Изяслава к иностранным союзникам: «съ Рожьства Христова полѣзите на кони» (ПСРЛ.Т. 2.Стб. 385). Для «речей» к Давыдовычам хронологические указания не характерны.

³⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385.

³⁷⁸ Там же. Стб. 408.

полци, тамо же с ними ѣди своая дѣля обиды мщати, а ты, братъ, доспѣвь, сѣди».³⁷⁹ Очевидно, что перед нами переделка той самой формулы, которая содержалась в просьбе Изяслава королю, в которой нашли отражение триумфальные настроения после успеха миссии – у союзников вновь появляются венгерские войска.

Любопытно, что отношения Владимира Володаревича с отцом Гезы III, Белой II, также были им охарактеризованы с помощью формулы, очень близкой перечисленным выше, с упоминанием *полков* и *мщения обиды*: «а язъ отьцю твоему досыти послужилъ своимъ копиемъ и своими полкы за его обиду».³⁸⁰

Самое длинное послание, зафиксированное в Киевской летописи, содержит благодарность Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича за военную помощь венгерскому королю. Здесь, благодаря детальному описанию летописцем действий правителей и послов, можно видеть, что сначала с миссией отправляются те самые венгерские воины, о которых речь шла выше, а затем сын Изяслава Мстиславича, Мстислав. Каждой группе послов передается одно и то же сообщение, одно – в сравнительно краткой, другое – в пространной форме. На венгерских воинов возлагается обязанность подробно рассказать королю о произошедших на Руси событиях. Примечательно, что в обоих посланиях присутствует не только формула «мщати за обиду», но и длинный оборот, усиливающий идею родства (ср. «быти за один брат»): ‘ты нам сделал только то, что может сделать родной брат брату или сын отцу’:

(1) «Богъ ти помози, брате, оже намъ еси тако помогль, толико можетъ такъ оучинити братъ роженъи, или сынъ отьцю, како же ты нама еси оучинилъ. Вѣ же пакы тобѣ, брате, молвивѣ, отослевѣ к тобѣ сына своего Мъстислава с рѣчьми...»

(2) а королеви тако рекоста: ты нама еси тако оучинилъ, яко же можетъ такъ братъ роженъи брату своему, или сынъ отьцю, ако же ты нама помогль, вѣ же пакы, брате собѣ молвивѣ: нама даи Богъ нероздѣлно с тобою быти ничимже, но аче твоя обида кде – а нама даи Богъ ту самѣмъ быти за твою обиду, или пакы братьею своею или съ сынъми своими и полкы своими, а нама ся тобѣ нѣчимъ откупити сему, толико главою своею – ако же ты нама еси створилъ.³⁸¹

Во втором послании идейное содержание этого выражения благодарности поддержано еще и развернутой второй частью формулы «быти за обиду» – не только *самим*, но и с *сынами* и *братьями*, а также *полками* – последнее слово становится отсылкой к более ранним, уже рассмотренным нами сочетаниям. Ну и продолжает слова благодарности фраза «нам нечем

³⁷⁹ Там же. Стб. 409.

³⁸⁰ Там же. Стб. 450.

³⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420.

откупить, только своей головой». Этот оборот также характерен для переписки Гезы II и Изяслава: позже, обещая помощь в случае, если Владимир, за которого Геза II поручается, не выполнит обещание, венгерский король использует его же: «ся тобѣ отъце по то иму любо голову сложду, любо налѣзу Галичьскую землю»³⁸².

Итак, особо подчеркнем три основных момента: наибольшее разнообразие формул используется в диалогах Изяслава Мстиславича с европейскими правителями, в первую очередь – с венгерским королем Гезой II. Часть формул употребляются только в них, в том числе такие уникальные для Киевской летописи сочетания как ‘твой и мой щит не будут порознь’ и ‘ты так с нами поступил, как родной брат с братом или сын с отцом’. Последняя формула – вероятное развитие характерного для предыдущего этапа этого конфликта устойчивого оборота «быти за один брат», оно присутствует и в кратком и в пространном посланиях.

Особую роль в переписке с европейскими правителями играют формульные сочетания с упоминанием мести *за обиду*. Их разнообразие наиболее богато, причем можно проследить определенные этапы изменения их вариаций: в послании Гезы II через Владимира Изяславу начинает фигурировать слово «полки», затем боевая атрибутика становится все более богатой, неоднократно упоминаются «щит», «копье», добавляются обещание прийти с братьями и сыновьями. Важно подчеркнуть, что очень схожие формулировки с упоминанием перечисленных выше атрибутов характеризуют в прямой речи Киевской летописи три политических альянса русских правителей с иностранными: союз Бела II и галицкого князя Владимира Володаревича, Гезы II и Изяслава Мстиславича, сыновей Казимира II и Романа Мстиславича.

В Галицко-Волинской летописи выражение «стоять за обиду» вновь появляется в послании польского князя Конрада II Черского к волинскому правителю Владимиру Васильковичу, просившего, чтобы последний перед смертью передал свои политические обязательства по отношению к Конраду своему двоюродному брату Мстиславу Данииловичу: «абы мя, господине, со твоею милостью прияль братъ твои подъ свою роукоу и стояль бы за мя во мою обиду, коко ты, господинъ мой, стояль за мною во мою обиду».³⁸³

Учитывая политические обстоятельства, двусоставная структура формулы включает обязательства старого союзника – Владимира, и нового – Мстислава, подчеркивается идея преемственности. По просьбе Конрада, к его послам присоединяются послы Владимира, они пересказывают практически тот же текст: «братъ мой, самъ вѣдаешъ како есмь имѣль брата своего Кондрата и чьстиль и дариль, а в обиду его стояль есмь за нимъ, како и за собою, абы

---

³⁸² Там же. Стб. 452.

³⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 912.

ты тако же мене дѣля приялы и с любовью подѣ свою роукоу и стоялъ за нимъ во его зло», на что Мстислав отвечает, используя те же формулировки: «братъ мои, радѣ тебе дѣля приимаю с любовью подѣ свою роукоу, а в обидоу его даи ми Богъ головуу свою сложити за нь»³⁸⁴. Если в первых двух вариантах соглашения можно было видеть две формулы: «стоять за обиду», известное по Киевской летописи, и сочетание, характерное для отношений старшего и младшего князя «принять под руку», то в третьем можно видеть и еще одно выражение, характерное для отношений Гезы II и Изяслава Мстиславича: «сложити голову», причем и в середине XII века эти два выражения использовались в паре.

Формула «быти за обиду» продолжает использоваться далее и появляется в договорах Великого Пскова и Новгорода с князьями, например, в грамоте Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи 1296 – 1301 годов: «Кдѣ будетъ обида Новугороду, тобѣ потянути за Новѣгородъ съ братом своимъ съ Даниломъ, съ мужи съ новѣгородѣци».³⁸⁵

В целом, выражения с упоминанием мести за обиду, имеющие двусоставные или более сложные конструкции являются наиболее универсальными из всех рассмотренных – они появляются еще в диалогах Изяслава Мстиславича и черниговских князей Изяслава и Владимира Давыдовичей и присутствуют в большинстве его соглашений статьей 1149 – 1152 (6657 – 6660) годов и далее – в различных по характеру источниках вплоть до XV века.

2.2.3. «Не отлучитися ни в добре ни в зле». Соглашения Изяслава Мстиславича с новыми союзниками и побежденными противниками.

Возвращаясь к событиям середины XII века, отметим, что и в договоре Изяслава Мстиславича и его давнего противника, Владимира Володаревича Галицкого, заключенном после поражения последнего, и в соглашении Изяслава Мстиславича и его дяди Вячеслава Владимировича, добровольно примкнувшего к лагерю Изяслава и оставившего коалицию его главного противника, Юрия Владимировича, используется одна формула «не отлучитися ни в добре, ни в зле», которую можно рассмотреть как художественное расширение оборотов «быти вместе», «быти за один», а особенно устойчивой фразы «аже кто боудетъ мнѣ золь, то вамъ на того быти со мною», которые мы встречали в тексте ранее³⁸⁶. В Киевской летописи можно видеть ее употребление в совершенно разных с политической точки зрения ситуациях: Вячеслав был старше и по возрасту и по родовому счету, он назывался и летописцем, и самим

---

³⁸⁴ Там же. Стб. 907.

³⁸⁵ ГВНП. С.14.

³⁸⁶ Эта формулировка отражает идею жребия судьбы, божьего промысла: «видѣвъ оба по мѣсту что нам Богъ дастъ: любо добро, любо зло». (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385).

князем «отцом» Изяслава, а Владимир – побежденным противником, его «братом». Эта особенность указывает на универсальный характер использования данного оборота.

Тексты обоих крестоцелований: между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем, и между Изяславом Мстиславичем и Владимиром Галицким приведены в Киевской летописи многократно.³⁸⁷

В первом случае можно предположить, что причиной удвоения стало соединение близких по содержанию текстов киевского и переяславского источников, согласно построениям А.Н. Насонова. О нарушении хронологии в этих частях текста, что также может указывать на дублирование информации, пишет Т.Л. Вилкул³⁸⁸. При этом нельзя полностью исключить и то, что князья заключали договор два раза, так как детали его описания отличаются, а, как было продемонстрировано ранее, летописец скрупулёзно фиксировал все этапы заключения многих соглашений. Особенности ритуальных практик крестоцелования домонгольского времени не исключают возможности его заключения в несколько этапов:

(1) «...и тако цѣловаста хрьсть оу святою моученику на гробѣ, на томъ – Изяславу имѣти отьцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава. На томъ же и моужи ею цѣловаша хрьсть, ако межи има добра хотѣти и чьсти ею стеречи, а не сваживати ею»³⁸⁹

(2) Вячеславъ же рече: “сыну, Богъ ти помози, оже на мене еси чьсть възложилъ, то аще бы ты и давно тако оучинилъ, то ци мене еси почьстилъ – Бога еси почьстилъ, аже дѣеши “ты мои еси отць” – а ты мои и сынъ! Оу тебе отьца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мои сынъ, ты же мои братъ!”. И на томъ хрьсть чьстьныи целоваста, яко не разлучитися има ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти».³⁹⁰

Можно видеть, что во время первого крестного целования князья клянутся только в том, чтобы быть друг другу «отцом» и «сыном», летописец передает суть соглашения кратко, без прямой речи, с чем, вероятно, связано и то, что риторические формулы здесь не присутствуют вовсе. Второе описание соглашения подробно раскрывает, что именно говорили дядя и племянник друг другу, договариваясь быть «отцом» и «сыном», при этом однозначно указывается, что князья целовали крест не на том, что они становятся родственниками, а на том, чтобы не разлучаться, быть вместе, что обозначало, как мы видели ранее, военный союз. Таким образом, вполне вероятно, что в действительности князья проводили два разных ритуала: в результате первого они стали «отцом» и «сыном», а затем заключили военный союз с

---

³⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 399, стб. 417–418 и стб. 451–452, стб. 453–454 соответственно.

³⁸⁸ См. расширенную аргументацию каждого из этих исследователей в первой главе.

³⁸⁹ Там же. Стб. 399.

³⁹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418.

использованием устойчивого оборота «быть вместе», однако различия в описании могут быть связаны и с работой летописца, в то время как в реальности ритуал проводился один раз.

Рассматривая договор Изяслава Мстиславича с Владимиром Володаревичем, становится очевидно, что в летописи приводится текст одного крестного целования, сначала во время предварительного, а затем – окончательного соглашения. Как и при описании договора между киевским князем Изяславом Мстиславичем и Изяславом и Владимиром Давыдовичами, летописец подробно излагает события каждого политического акта, причем ключевую роль в соглашении двух русских князей играет венгерский король Геза II.

(1) Владимир посылает к Изяславу:

«Володимеръ же приславъся ко Изяславу и рече: “Брате, кланяю ти ся и каюся своєю вины... а мнѣ даи Богъ с тобою быти”».³⁹¹

(2) Геза II предлагает Владимиру «черновой вариант» крестного целования:

«Рече король к Володимеру: “На томъ ти цѣловати хръсть, яко что Рускихъ городовъ – то ти все въворотити, и съ Изяславомъ быти, и его ся не отлучити не (в до)брѣ, ни въ лисѣ, но всегда с нимъ быти».³⁹²

(3) Геза II и Изяслав посылают к Владимиру своих послов с перечнем требований:

«...но на томъ цѣловати хръсть, што Руской земли волости, то ти въворотити все, и Изяслава ти (ся) не отлучити, но на всихъ мѣстѣхъ с нимъ быти»³⁹³

(4) повторное послание от них же к Владимиру:

«...но на томъ цѣлуи хръсть чьстьныи, что за тобою городовъ Рускихъ, то ти все въворотити и Изяслава ти ся не отлучати до живота своего, доколѣ же еси живъ, но с нимъ бити на всихъ мѣстѣхъ».³⁹⁴

(5) После того, как Владимир не выполнил обещание, боярин Изяслава Мстиславича, присутствовавший при целовании креста, припоминает слова договора только в той части, где говорится о конкретных деталях:

«Кръсть еси к нама с королемъ цѣловаль на томъ, яко что Руской волости – то ти все воротити, и того еси всего не оуправиль».³⁹⁵

Очевидно что продолжение интересующей нас фразы во втором тексте договора с Владимиром Галицким: «и съ Изяславомъ быти, и его ся не отлучити ни в добрѣ ни въ лисѣ, но всегда с нимъ быти» практически повторено и расширено в третьем и в четвертом, однако уже

---

³⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 451

³⁹² Там же. Стб. 452.

³⁹³ Там же. Стб. 452–453.

³⁹⁴ Там же. Стб. 453–454.

³⁹⁵ Там же. Стб. 462.

без упоминания о добре и зле: «с нимъ быти на всихъ мѣстѣхъ». Кроме того, в четвертом соглашении присутствует выражение «до живота», которое мы видели в договоре Изяслава Мстиславича с братьями Изяславом и Владимиром Давыдовичами, оно дополнительно поясняется: «доколѣ же еси живъ». По сути, каждый вариант крестного целования, представленный в летописи, состоит из двух частей: конкретные условия (возвращение «Русских городов», т.е. Бужска, Шумска, Тихомля и других) и обещание действовать совместно с Изяславом (до конца жизни – (4)), участвовать в любых политических и военных событиях на его стороне, и это обещание не нарушать. Как можно видеть, в каждом из представленных текстов крестного целования вторая часть содержит свой вариант формы, хотя ни суть, ни структура от этого не меняется, то есть наблюдается ровно такая же картина, как и с передачей посланий между Изяславом и Владимиром Давыдовичами и Изяславом Мстиславичем.

Как можно видеть, эти формулы договоров Изяслава с Вячеславом Владимировичем и (отдельно) с Владимиром Володаревичем 1150 – 1152 (6658 – 6660) годов чрезвычайно близки. Отличающиеся от основных версий дубли подтверждают, что информация могла быть передана не точно, но близко по смыслу, с заменой изначальной устойчивой формулы на один из ее вариантов, или вовсе без нее. Данные устойчивые словосочетания не могли быть привнесены составителем позже, так как уже к третьей четверти XII в. подобные фразы не приводятся в составе княжеских договоров, а на новом пике использования в XIV в. форма этих устойчивых оборотов заметно отличается.

2.2.4. «ѣздити подле», «всѣсти на конь». Готовность к боевым действиям

Скорая смерть Владимира Володаревича поставила его сына Ярослава в сложное положение: к продолжению конфликта с киевским князем он был не готов, поэтому его дружественное послание к Изяславу Мстиславичу содержит сложную многосоставную формулу, которая приравнивает позицию самого Ярослава к позиции родного сына Изяслава, Мстислава Изяславича:

«Ныне, отъче, кланяю ти ся, прими мя яко сына своего Мъстислава, такоже и мене, ать ездить Мъстиславъ подлѣ твои стремянь, по однойи сторонѣ тебе, а я по другои сторонѣ подлѣ твои стремянь ѣждю всими съ всѣми своими полкъы».³⁹⁶ В основе этого обещания – устойчивая формулировка с использованием терминов родства,³⁹⁷ отметим, что Ярослав не просто сравнивает себя с Мстиславом, но и использует образное выражение «ѣздити у стремени»,

---

³⁹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465.

³⁹⁷ См. таблицу 5 третьей главы.

очевидно, являющееся перифразом рассмотренной нами ранее формулы «с тобой ѣздити», к которому прибавляется стандартное упоминание о «полках».

Еще одна устойчивая фраза, семантически близкая двум последним и активно применяемая в речах Изяслава Мстиславича и Гезы II – «всести на конь». На мой взгляд, это словосочетание определяет состояние готовности князя к военным действиям, а не описывает отношения между двумя политическими союзниками, как большинство рассмотренных ранее, хотя также принадлежит к договорным формулам.³⁹⁸

***

Итак, подробно показанное в летописи взаимодействие Изяслава Мстиславича со своими союзниками и побежденными противниками раскрывает целый ряд особенностей употребления договорных формул. Для каждой группы союзников характерен свой набор и своя символика, хотя смысловая основа (единение в битве) остается неизменной, также как и структура «речей», а сокращенные формы и части многосоставных структур пересекаются. Так, для взаимодействия Изяслава Мстиславича с Изяславом и Владимиром Давыдовичами характерны формулы «быти за один», «быти за один брат», для взаимодействия с европейскими правителями – «быти за обиду», «всѣсти на конь», с Вячеславом Владимировичем и Владимиром Володаревичем – «не разлучитися ни въ добрѣ ни въ злѣ», «быти по одному мѣсту», «быти на всихъ мѣстѣхъ». Несмотря на то, что функция всех перечисленных устойчивых оборотов одна, различная символика и сложность структуры определяют индивидуальные особенности каждого конкретного договора. Интересны схемы распределения этих формул на указанном тексте летописи: формулы «быти за один», «быти за один брат» характерны для начальной ((1146 – 1149 (6654 – 6657) годов) и финальной части (1152 (6660) года)) интересующего нас временного интервала (вторая – уже после смерти Изяслава Мстиславича), хотя активное взаимодействие с Владимиром Давыдовичем происходило на протяжении всего этого отрезка. «Быти за обиду» – формула, входящая в наибольшее число комбинаций, «не разлучитися ни въ добрѣ ни въ злѣ» используется в двух совершенно различных с политической точки зрения договорах. В большинстве «речей», предлагавших соглашение или апеллирующих к союзам, заключенным ранее, формулы определяют самую

---

³⁹⁸ Это наблюдение поддерживается рядом примеров, где способность воина сесть на коня используется как показатель физического здоровья. Например: «и тоу преставися добръи старечь Петръ Ильичь... оуже бо от старости не можаше ни на конь всѣсти...» ПСРЛ. Т. 2. Стб. 340; «Олець же бѣ в то верема несдравуя велми, яко не мощи ему ни на конь всѣсти» (Там же. Стб. 526), а также: стб. 730, стб. 914. О символизме этого действия говорит сажание на коня во время постригов. (Там же. Стб. 674. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 409). См. также момент окончания военного противостояния: «...онъ (Всеволод Юрьевич – М.Л.) же има имь вѣры и сѣде с коня». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689.

суть крестного целования, но в определенных ситуациях появляются и во второстепенных частях речи, показывая намерения каждого из участников: «где твоя обида – вот тебе мои полки».

Интересно, что, рассматривая данные формулы, можно отметить определенные этапы их развития. Так, «быти за один...», порой дополненная «... до живота» в диалогах Изяслава Мстиславича и черниговских князей явно первична по отношению к «быти во всех местах», «не разлучитися ни въ добрѣ ни въ злѣ», договоров Изяслава Мстиславича и галицкого князя Владимира Володаревича, где в одном из четырех представленных в летописи вариантов текста вновь появляется дополнение «не отлучати до живота своего, доколѣ же еси живъ», только вынесенное перед основной частью. Таким образом, можно предположить, что первоначально формула выглядела как «быти за один до живота», но, поскольку переговоры показаны в летописи лаконично и в динамике, вторая часть проявляется редко. «Быти за один брат» – вариант формулы «быти за один», которая активно использовалась Изяславом Мстиславичем и Изяславом и Владимиром Давыдовичами, употреблявшими при этом обращение «брат». Она была расширена в переписке киевского князя с венгерским королем которые использовали обращения «отец», «брат», «сын» друг к другу следующим образом: «ты намъ еси тако помогль, толико можетъ такъ оучинити брать роженьи, или сынъ отьцю».

Наиболее развернутые и образные договорные формулы встречаются в переписке с западными правителями – польскими и чешскими правителями³⁹⁹, а прежде всего – с венгерским королем Гезой II⁴⁰⁰ в статьях 6654 (1146) – 6660 (1152) годов, пропадая после сообщения о смерти Изяслава Мстиславича в 1154 году. В этот момент вновь появляются краткие формы, характерные для начала деятельности Изяслава Мстиславича (например, «быти за один муж» в статье 6661 (1153) года).

Употребление перечисленных договорных формул после распада коалиции Изяслава Мстиславича носит эпизодический характер, а расширение их арсенала связано именно с взаимодействием этого князя с венгерскими и польскими правителями, в диалогах с которыми и проявляется наибольшая изобретательность их использования.

---

³⁹⁹ Польского короля Болеслава IV связывали с Изяславом Мстиславичем родственные отношения его жены, ею была Верхуслава Всеволодовна, племянница киевского князя. Balzer O. *Genealogia Piastów*. Kraków, 1895. С. 158–159. Под «чешским князем» в летописи подразумевается Владислав II. В разное время историки делали предположения о том, какие родственные отношения связывали чешского и русского правителей, например, выдвигалась гипотеза о том, что сын Изяслава женился на дочери Владислава (Baumgarten.N. *Généalogie et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle*. Roma. 1927. P. 26).

⁴⁰⁰ Геза II был не просто надежным союзником Изяслава Мстиславича, но и близким родственником: его супруга Евфросиния Мстиславна была сестрой Изяслава, брак был заключен уже после смерти отца Евфросинии, поэтому можно предположить, что роль Изяслава в планировании этой свадьбы была существенной. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 384. Пашуто В.Т. *Внешняя политика Древней Руси*. М.1968. С. 169–174.

2.3. Уникальная формулировка, подчеркивающая христианское единство

Взаимодействие с европейскими правителями середины века оставило и еще один след в текстологии Киевской летописи. Среди однотипных риторических формул середины XII века, рассмотренных выше, выделяется фраза послания союзников Изяслава Мстиславича Юрию и Вячеславу Владимировичам с предложением мира:

«Вы намъ еста въ отьца мѣсто, а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы есмь по Бозѣ все кръстьяне – одна братья собѣ, а намъ подобаеть всимъ быти съ себе, а мы межи вами того хочемъ, а бы Богъ далъ вы быста оуладилася съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а быста вы сѣдѣла в Киевѣ сама ся вѣдаюча, кому вама приходити, а Изяславу осе его Володимиръ готовъ, а се его Лоуческъ, а што его городовъ – ать сѣдѣть в томъ, ать онамо к Новугороду Великому – ать взворотитъ Гюрги дани ихъ вси».⁴⁰¹

Идея христианского братства нередко прослеживается в древнейших русских летописях, и подобная риторика, как правило, подразумевает единство Рюриковичей: тот, кто поднимает руку на князя, с которым связан кровными узами, порицается и сравнивается с Каином или Святополком.⁴⁰² Здесь же и сама ситуация, и структура фразы принципиально отлична, в ней указывается на общность иностранных правителей – христиан, объединенных верой в одного Бога и названных «братьями» друг другу. Затем следует предложение Юрию и Вячеславу Владимировичам последовать их примеру и примириться с Изяславом.

Для европейских государств в период, о котором ведется повествование, знаковым событием был Второй Крестовый Поход, в подготовке которого принимали участие и некоторые из упомянутых союзников Изяслава Мстиславича: крестоносное войско шло через земли Гезы II,⁴⁰³ а Владислав II Чешский сопровождал его до остановки в Византии, после чего вернулся домой через Русь.⁴⁰⁴

Сборы, организация и начало Похода вызвали новый этап развития эпистолярного искусства в Европе, и здесь идея единения ранее конфликтовавших правителей в общем деле служения Христу стала доминантной. Самая влиятельная речь эпохи – выступление папы Урбана II в Клермоне в 1095 году – содержит строки, созвучные упомянутой фразе о преодолении местных территориальных конфликтов ради общего дела:

---

⁴⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387.

⁴⁰² Там же. Стб. 122, ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440.

⁴⁰³ Венгерские исследователи характеризуют Гезу II как чрезвычайно деятельного политика, в период правления которого Венгрия оказалась активно вовлечена в европейскую политику, однако проход крестоносного войска по венгерским землям стал разорительным. Font M. Dinasztia, hatalom, egyház. Régiók formálódása Európa közepén 900 – 1453. Pécs. 2009. P. 38.

⁴⁰⁴ Каким целям служило это путешествие – не вполне ясно. Подробно об этом: Назаренко А.В. комментарий к «Анналам» Винцентия Пражского / Пер. и комм. А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2010. Т.4.: Западноевропейские источники. С. 264.

«Procedant, inquit, contra infideles as pugnam jam incipi dignam, et tropheo explemdam, qui abusive privatum certamen contra fideles etiam consuesebant distendere quondam... Nunc jure contra barbaros purgent, qui olim adversus fratres et consanguineos dimicabant» («Пусть выступят против неверных, – сказал папа, – пусть двинутся на бой, давно уже достойный того, чтобы быть начатым, те, кто злонамеренно привык вести частную войну даже против единоверцев и расточать обильную добычу... Пусть справедливо бьются теперь против варваров те, кто в былые времена сражался против братьев и сородичей»)⁴⁰⁵.

Таким образом, уникальная для летописного текста фраза, отсылающая к нехарактерной для дискурса Киевской летописи идее, вполне укладывается в общеевропейский контекст подготовки ко Второму крестовому походу, в которую напрямую или косвенно были вовлечены западные союзники Изяслава Мстиславича,⁴⁰⁶ они и могли использовать популярную в европейской переписке идею в примирении двух Рюриковичей.

2.4. Договорные формулы 1170–1190-х годов

Описание событий, следующих за конфликтом Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича, характеризуется спадом количества диалогов, уменьшается размер погодных статей, а затем новый пик количества княжеских «речей» приходится на тексты, описывающие деятельность Рюрика Ростиславича, Всеволода Юрьевича, Святослава Всеволодича и Романа Мстиславича в статьях 1182 (6690) – 1196 (6704) годов.

В диалогах этих князей рассмотренные нами договорные формулы сменяются на указания конкретных условий соглашения, сроки его действия, перечни конкретных городов, переходящих от одного князя к другому, упоминания обстоятельств военной поддержки,

---

⁴⁰⁵ Gesta Francorum // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. Paris, 1866. Vol. 3 С. 324. Перевод: Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 49–50.

⁴⁰⁶ Предложение мира от союзников Изяслава Мстиславича, среди которых были братья – князя Болеслав IV, Мешко III и Генрих Сандомирский выглядит неожиданным поворотом событий. Однако есть основания предполагать, что вариант окончания конфликта мирным соглашением был предусмотрен заранее. Отчасти этому располагали два брака русских княжон на польских княжичах – Верхуслavy Всеволодовны, дочери Всеволода Мстиславича (родного брата Изяслава Мстиславича), и Болеслава IV, а также брак племянника (сына единокровного брата) последнего, Болеслава I Высокого на Звениславе Всеволодовне, дочери Всеволода Ольговича. (Подробнее об этих браках и их репрезентации в летописях: Dąbrowski D.W sprawie polsko-ruskich relacji w pierwszej połowie XII w. Wokół małżeństwa Bolesława Wysokiego ze Zwienisławą Wsiewłodówną // Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka». 2013. № 3 (68) С. 3–21). Таким образом, представители двух враждующих на Руси ветвей Рюриковичей были связаны брачными узами с двумя представителями конкурирующих линий Пястов в польских землях, что открывало возможности для быстрого заключения мирного соглашения, когда конфликт зашел слишком далеко и невыгоден для обеих сторон. Свойственники, не имевшие личного интереса в конфликте, но обладавшие высоким княжеским статусом и связанные родственными узами с каждой из сторон, были в такой ситуации наилучшими кандидатами на роль третьей стороны, разрешающего вражду, с чем так виртуозно справились братья Болеслав IV, Мешко III и Генрих Сандомирский. Ранее в летописи упоминается, что Игорь Ольгович также участвовал в заключении мира между этими польскими княжичами и их противником, Владиславом II, выступая на стороне последнего (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 318).

иногда с сохранением прежней двухчастной структуры⁴⁰⁷. Наиболее очевидное новшество – это появление в «речах» хронологических маркеров, например, предложения целовать крест до момента пока «любо ся оуладимъ, любо ся не оуладимъ», то есть до следующего крестного целования, когда часть политических разногласий прояснится. Это нововведение особенно ярко проявляется на фоне исчезновения формулы «быти за один... до живота», и маркирует потерю актуальности практики целования креста навечно, навсегда, что обозначало неопределенный срок, а расторжение требовало весьма сложной процедуры возвращения крестных грамот, т.е. аннулирования, признания недействительным изначального ритуала, а не просто завершение срока его действия.

Именно на исправление этого наиболее проблематичного (но часто неизбежного) последствия клятвенного характера первоначальной формы ритуала и было направлено изобретение по сути нового устойчивого договорного выражения, учитывавшего временные сроки. Мы встречаем его в послании от Ярослава и Святослава Всеволодичей (и других Ольговичей) к Рюрику и Давыду Ростиславичам и Всеволоду Юрьевичу:

«а целоуи с нами кръсть, како ти ся с нами не воевати, доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ любо ся оуладимъ, любо ся не оуладимъ».⁴⁰⁸

Та же формула присутствует в словах Рюрика, передающего суть послания от Ольговичей (Ярослава Всеволодича) к Всеволоду Юрьевичу:

«а со Ярославомъ с Черниговьскымъ целоваль есмь кръсть на томъ, како же не воеватися доколѣ любо оуладимся вси, или не оуладимся», далее следует пояснение обстоятельств плачевного положения Мстислава и предложение действовать, в котором также присутствуют формулы, характерные для середины XII века, но уже в кратких вариантах: «нынѣ же, брате, и моему сынови, и твоему Мъстиславоу тако ся потъкло ажъ вязить оу Волговичъ, абы не стряпа всѣль на коня, а быхомъ снемьшеса гдѣ любо, помъстилѣ обиду и сорома своего, и сыновця своего быхомъ выстояли, и правдоу свою налѣзлѣ».⁴⁰⁹

Этот исторический эпизод показан в летописи столь же подробно, как и события середины XII века, поэтому здесь можно обратить внимание и на то, как изменился политический язык, в котором появилось больше конкретики, территориальных и хронологических деталей, и на то, как изменилось использование риторических договорных

⁴⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689, стб. 683, стб. 694–695, стб. 700 и др.

⁴⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689. Глагол *оуладитися* используется летописцем на протяжении всей летописи, как в прямой речи, так и в повествовании, но только в текстах последней трети XII века он употребляется в составе таких конструкций. Обратив внимание на их двухсоставную структуру, можно вспомнить формулы, рассмотренные ранее, например, слова Гезы II к Изяславу: «ся тобѣ, отъце, по то иму (подимоу – Х.Л.) любо голову сложаю, любо налѣзу Галичьскую землю» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452).

⁴⁰⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 695.

формулы: длинные двух- и четырехчастные структуры исчезли, однако отдельные элементы сохранились в усеченном виде, более того, с ними произошли небольшие изменения. Так, в этот период описания событий середины 1170 – 1190х продолжает употребляться призыв «всѣти на конь»; выражение «быти за обиду» сменяется на «мьстити обиду» и в приведенной выше «речи» добавляется «и сорома»,⁴¹⁰ а также оборот «правдоу свою налѣзлѣ», однако неизвестно, насколько последние фразы были устойчивыми или присутствовали только в данном послании (или крестном целовании).

Условие времени появляется и во многих других более кратких посланиях, например, в рассмотренном выше диалоге Мстислава с галичанами, которые затем написали «ложную грамоту». Здесь князь ссылается на условие крестного целования между ним и Ярославом: «мнѣ братъ Ярославъ тако молвить: донелѣже оуладишися съ братьею, дотолѣже не пуцаи полковъ моихъ от себе»⁴¹¹.

Детальные указания, в том числе списки городов и земель встречались в крестных целованиях и ранее, так, например, по взаимному соглашению Владимир Володаревич должен был вернуть «русские города» (летописец перечисляет их уже в повествовании) Изяславу, Юрий – «новгородские дани», однако это были, как правило, указания на детали в условиях, выдвинутых для закрытия предыдущего конфликта, и очень редко касались разработки стратегии на будущее.

В последней трети XII века в летописных речах появляется больше конкретных указаний на поэтапные политические шаги, сохранение выбранного решения по распределению земель и городов, например, «а Кыева подъ Рюрикомъ не искати, а подъ Давыдомъ Смоленска не искати»,⁴¹² «и води я ко кръстоу на своемь сестричичѣ Галича не искати николи же под нимь»,⁴¹³ «Всеволодъ бо просяше оу него Торцького, Треполя Корьсоуня, Богоуславля, Канева, еже бѣ даль зяти своемуу Романови, и кръсть к немуу целоваль, ажъ емоу под нимъ не отдати никомоу же».⁴¹⁴

Из известных нам по хронологически более ранним текстам договорных фраз в этих статьях упоминается и мечь за «обиду», но уже без характерной двухсоставной договорной

---

⁴¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667. Так же – в Галицко-Волынской летописи.

⁴¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 549. Одна из наиболее известных княжеских «речей», в которой активно использовался хронологический маркер – это обвинение со стороны Рюрика и его братьев Святослава Всеволодича: «Ты, брате, к намъ кръсть целоваль, на Романовѣ рядоу, тако же нашъ братъ Романъ сѣдѣль в Кыевѣ. Дажъ стоиши в томъ рядоу – то ты намъ братъ, пакы ли поминаешъ давнѣя тѣжа, которыи былѣ при Ростиславѣ, то стоупиль еси рядоу». Там же. Стб. 670, также стб. 676 и др.

⁴¹² В двух посланиях. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 700, 701.

⁴¹³ Там же. Стб. 667.

⁴¹⁴ Там же. Стб. 683.

формулы.⁴¹⁵ В обещании Романа Мстиславича Рюрику Ростиславичу можно видеть ранее употреблявшееся сочетание «быти в воле»,⁴¹⁶ в том числе в составе формулы «въ его волѣ быти и зрѣти на нь»,⁴¹⁷ несколько раз используется выражение «всѣсти на конь».⁴¹⁸ Этим разнообразие уже известных нам договорных формул и ограничивается. В переписке князей 1170 – 1190-х гг. появляется новая двухчастная формула «кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ»,⁴¹⁹ не встречающаяся в статьях середины XII века, но близкая устойчивому сочетанию этого периода «N како тобѣ золь тако и нама».⁴²⁰ Она схожа с еще одним выражением статей 1146 – 1149 (6654 – 6657) годов, содержащемся в словах Юрия Владимировича, обращенных к вятичам: «се есть ворогъ нама и вамъ»,⁴²¹ а также в словах киевлян – Владимиру Мстиславичу в тексте Лаврентьевской летописи: «а здѣ ворогъ князя нашего и нашъ»⁴²². Показательно, что в этих примерах указанные слова, скорее всего, еще не были составной частью договорной формулировки, а в обращении Рюрика Всеволоду уже стали ею, то есть мы можем проследить живой процесс поиска и формирования политического языка.

Рюрик Ростиславич использует этот новый вариант формулы в послании к Всеволоду Юрьевичу, призывая его присоединиться к военной компании против Романа Мстиславича, и в нем содержится не только сам устойчивый оборот, но и призыв к действиям, перекликавшийся с ним, что также отражает устный характер передачи текста: его значительно проще запомнить и восстановить по памяти из готовых элементов: «и посла моужь свои ко Всеволоду, река емоу: “Сватуо, кръсть еси ко мнѣ целоваль на томъ, кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ, и в Роуской землѣ части просиль еси оу мене, язъ же тобѣ есмь далъ волость лѣпшыю не от обилья, но отоима оу братьи своя, и оу зятя своего, Романа, тебе дѣля. Онъ же нынѣ ворогъ ми ся оучиниль, ни про кого же яко же про тя, ты же како ми ся еси обѣчалъ всѣсти на коня».⁴²³

Среди сравнительно небольшого числа договорных оборотов в статьях конца XII века в Киевской летописи можно встретить единственное заверение в дружбе, столь же пространное и образное, как и фразы из переписки Изяслава Мстиславича с венгерским королем, с упоминанием мщения за обиду и выступления за ‘единым щитом’ – в послании союзников,

---

⁴¹⁵ Там же. Стб. 615, 701, 695.

⁴¹⁶ А также: «и на всеи волѣ твои (быти)». Там же. Стб. 699.

⁴¹⁷ Там же. Стб. 697.

⁴¹⁸ Там же. Стб. 694, 697, 701. В тексте Лаврентьевской летописи, повествующей о тех же событиях, можно видеть пример, где помимо уже упомянутого указания на готовность, появляется значение единения двух союзников – сесть на коня за кого-то: «на лѣто всѣде на конь про свата своего» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413), что также отражает произошедшие изменения в формульном арсенале княжеских договоров.

⁴¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 701, а также – ст. 572.

⁴²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329.

⁴²¹ Там же. Стб. 338

⁴²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 317.

⁴²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 701.

польских князей, к Роману Мстиславичу в статье 1195 (6703) года: «...а бѣхомъ былѣ вси Ляхове не раздно, но за одиномъ бѣхомъ щитомъ былѣ с тобою и мѣстили бѣхомъ обиды твоя»⁴²⁴. Не удивительно, что оно также относится к сфере взаимодействия Рюриковичей с европейскими правителями, что и вызывает к жизни его яркость и образность, близкую к формулам «речей» Изяслава Мстиславича и его венгерских и польских союзников. Как было рассмотрено ранее, Геза использовал в «речи» к Изяславу схожее выражение: «Твой и мой щит не будут розно»⁴²⁵.

Обращаясь к тексту Лаврентьевской летописи, повествующему о том же периоде, можно видеть, что некоторые «речи» князей, в том числе имеющие в своем составе интересующие нас формулы, появляются в ней именно в период начиная со второй половины 1170-х годов, прежде всего, в описании деятельности Всеволода Юрьевича. В ее тексте можно найти несколько ярких дополнений к наблюдениям над посланиями Ипатьевской летописи. Т.В. Гимон отметил, что Лаврентьевская летопись фиксирует то же послание от Рюрика Ростиславича Всеволоду Юрьевичу, что и Киевская летопись: при индентичности сути содержания, его форма несколько отличается, что, опять же, свидетельствует в пользу того, что реально существовавшие послания были устными.⁴²⁶ Добавим, что вариант этого послания в Лаврентьевской летописи содержит формулу «всѣсти на конь»⁴²⁷, которая, как мы видели, характерна для княжеских «речей» Рюрика и Всеволода, сохранившихся в Киевской летописи, кроме того, именно здесь эта формула повторена затем и в повествовательном тексте (в Ипатьевской летописи далее следует рассказ о действиях Романа Мстиславича):

«...то слышавъ великѣи князь Всеволодъ, оже Давыдъ полкъ побѣженъ и свать ему ятъ, и от Рюрика рѣчь слышавъ, ту зиму перестряпъ на лѣто всѣде на конь про свата своего, и подъ Рюрикомъ твердя Къievъ».⁴²⁸

И Киевская и Суздальская (Лаврентьевская) летописи сохранили лишь часть посланий Романа Мстиславича, однако учитывая его активную политическую жизнь, мы можем предположить, что их число было значительно более велико, а арсенал включал как опыт взаимодействия с Рюриковичами, так и с Пястами. Даже исходя из небольшого числа «речей», которые содержатся в летописях, можно заключить, что в Роман Мстиславич активно использовал те формулы, которые в его период были уже забыты и не использовались в переписке других князей, что было продемонстрировано выше. Среди этих фраз выделяется его

⁴²⁴ Там же. Стб. 687.

⁴²⁵ Там же. Стб. 407.

⁴²⁶ Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.). С. 66.

⁴²⁷ «Брате и свате, Романко отъ насъ отступилъ и кръсть цѣловаль къ Олговичемъ, а, брате и свате, пошли грамоты хръстьныѣ поверзи имъ, а самъ пойди на конь». ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413.

⁴²⁸ Там же.

послание Рюрику Ростиславичу в статье 1203 (6711) года: «и рече Романъ к Рюрикови: «То оуже еси кръсть целоваль? Пошли ты мужа своего ко свату своему, а я слю своего мужа ко отцю и господину великому князю Всеволоду»⁴²⁹. Приведенный фрагмент наглядно демонстрирует, что, как было уже отмечено исследователями, в этих пластах Лаврентьевская летопись приближается по характеру к Киевской летописи: мы видим пространную речь с двухсоставной структурой, практически повторяющей формулировку из договора Изяслава Мстиславича с Владимиром Давыдовичем: «се мужъ мой, а ты пристави свои мужъ»⁴³⁰. С очень большой вероятностью Роман Мстиславич в действительности использовал в качестве образца договорные устойчивые выражения своего деда, и летописец, очевидно, верно процитировал его, так как подобного рода риторика совершенно не характерна даже для ближайших статей Лаврентьевской летописи, но естественна для языка центральной части Киевской летописи.⁴³¹

Из сохранившихся в Лаврентьевской летописи княжеских посланий обращает на себя внимание «речь» рязанских князей к Всеволоду Юрьевичу, содержащая формулы «быть за обиду» и «сложить голову»:

«Ты отць, ты господинъ, ты братъ, гдѣ твоя обида будетъ – мы переже тебе главы своѣ сложимъ за тя, а нонѣ не имѣи на насъ гнѣва, аще есмы воевали на своего брата, оже насъ не слушаеть, а тобѣ ся кланяемъ, а мужѣ твои пушаемъ».⁴³²

Как уже было отмечено, формулы «быти за обиду» и «сложить голову» часто использовались в паре, такие сочетания можно видеть в княжеских «речах» Ипатьевской летописи как до, так и после этого эпизода: это диалоги Изяслава Мстиславича и Гезы II (в Киевской летописи), Мстислава Даниловича и Конрада Черского (в Галицко-Волынской летописи), что подтверждает достоверность цитирования этой речи в Лаврентьевской летописи и историчность существования подобных формул в XII веке. Совсем краткое упоминание о княжеском соглашении приводится в рассказе о Липицкой битве, где Юрий Всеволодич говорит о единстве с Ярославом Всеволодичем их брату Константину: «отвѣщавъ же князь Юрьи: “одины есмя, братъ, съ Ярославомъ”», однако было ли между ними заключено крестное целование «быти за один» или какое-либо другое, и нужно ли оно было в соглашении между двумя родными братьями⁴³³, остается только гадать.

***

---

⁴²⁹ ПСРЛ. Т.1. Стб. 419.

⁴³⁰ Там же. Стб. 374.

⁴³¹ Подробнее о этом особом участке Лаврентьевской летописи рассказывается в первой главе.

⁴³² Там же. Стб. 402.

⁴³³ Например, нет никаких следов подобного рода соглашений между Изяславом и Ростиславом Мстиславичами, которые были очень близкими союзниками.

Итак, текст Киевской летописи, описывающий события середины XII века (статьи 1146 – 1154 (6654 – 6662 годов), фиксирует один из этапов развития эпистолярной традиции (по существу еще устной), когда князь Изяслав Мстиславич, а следом – его союзники и противники активно взаимодействуют с европейскими правителями на протяжении военного конфликта. Это сотрудничество отразилось на существовавших на тот момент договорных практиках двояко. Необходимость составления посланий к европейским правителям, приведенных в статьях 1149 – 1152 (6660 – 6657) годов вызывает к жизни новые, более пышные конфигурации договорных формул (которые ранее в статьях 1146 – 1149 (6654 – 6657) годов можно было охарактеризовать как краткие и лаконичные), причем через некоторое время эти конструкции начинают использоваться и в договорах между двумя Рюриковичами. После окончания наиболее масштабного конфликта между двумя коалициями русских князей завершается и период активного взаимодействия с западными правителями, а после смерти Изяслава Мстиславича в 1154 году (это статья 6662 года), основные политические действия происходят между отдельными ветвями княжеского дома, одновременно заканчивается активный период оформления договорных отношений – устойчивые сочетания вытесняются более краткими формами, а также указаниями на конкретные условия действия договора. Между тем, некоторые из риторических формул продолжают использоваться и в 1170 – 1190-е годы (в статьях 6682 – 6704 годов), хотя и значительно реже, их богатство и разнообразие стремительно падает. Любопытно, что на этом этапе некоторые из них были зафиксированы и Лаврентьевской летописью, что указывает и на историчность, и на широкую универсальность рассмотренных формулировок.

Особенности княжеских «речей» Киевской летописи говорят о том, что они не только записывались по горячим следам, но и были актуальны для участников политических событий. О первом свидетельствует их краткость, лаконичность, приводящая подчас к сложности восприятия описываемых событий читателем, о втором – изложение нескольких версий событий,⁴³⁴ и что более важно – подробные описания этапов формирования текста договора, с упоминанием присутствовавших лиц и даже имен послов – все это могло иметь значение именно в период, когда происходили указанные события,⁴³⁵ причем необходимость

---

⁴³⁴ Там же. Стб. 429, стб. 693–694.

⁴³⁵ На то, что участники описываемых в хронике политических действий или их потомки прочтут или даже будут использовать данные текста, увидят в нем альтернативный взгляд на события, рассчитывали и другие хронисты этой эпохи в ближайших средневековых государствах, например, Галл Аноним. Dalewski, Z. *Ritual and Politics: Writing the History of a Dynastic Conflict*. (Seria: East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450). Leiden. 2008. Vol. 3. P. 135–188.

внесения «речей» в летопись как раз могла быть вызвана отсутствием фиксации данных текстов на или пергаменном носителе.⁴³⁶

2.5. Устойчивые формулы соглашений между городом и князем

Древнейшие русские летописи, уделявшие большое внимание политическим перипетиям, не забывали показывать позиции жителей крупнейших городов, хотя информации о них не так много, как о взаимодействии самих Рюриковичей. При такой политической системе, в которой не существовало жестких правил наследования, а князья часто переходили с одного стола на другой, мнения горожан зачастую играли решающую роль, особенно это касалось княжеских конфликтов. Выше мы разобрали речевые формулы, которые использовали Рюриковичи в самом длительном внутреннем противостоянии XII века между Изяславом Мстиславичем и Юрием Владимировичем. В этих же статьях представлены и фрагменты формул, с помощью которых князь мог заключить соглашение с городом. Их схожесть с теми устойчивыми сочетаниями, которыми обменивались князья в своих диалогах, усиливается тем, что и те, и другие конструкции были краткими, имели двусоставную структуру, упоминавшую обе стороны соглашения, они могли компоноваться в зависимости от ситуации. Как и в княжеских диалогах, произнесение такой формулы показывало открытость к диалогу, готовность к миру и совместных действиям. Наиболее часто встречается первая часть такой формулы: «ты наш князь».⁴³⁷ Она фигурирует во многих переговорах середины XII века. Прежде всего, именно так звучало обещание киевлян принять Игоря Ольговича после смерти Всеволода: «они же вси цѣловаша к немуо кръсть, рекоуче: “ты намь⁴³⁸ князь” и яшась по нь лъстью».⁴³⁹ Когда же киевляне меняют свое решение и принимают в качестве князя Изяслава Мстиславича, та же формула звучит в и их обращениях к нему, то же говорят князю послы от других городов и от Черных клобуков:

«...и тоу прислашася к немуо Чернии Клобоуци и все Поросье и рекоша емоу: “Ты наш князь, а Олговичь не хотимъ, а поѣди вборзѣ, а мы с тобою”...

...Томъ же мѣстѣ прислашась к немуо Бѣлогородьчи и Василевци тако же рекоуче:

---

⁴³⁶ Franklin S. Literacy and Documentation in Early Medieval Russia. С. 22.

⁴³⁷ Эта фраза была рассмотрена К.С. Гвозденко как составная часть реконструируемого ею обряда интронизации. Гвозденко, К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 17–35. Однако, как видно из изложенных ниже примеров, горожане обращаются так к князьям только в случаях, когда существует несколько претендентов на один стол, и далеко не всегда это жители именно того города, где будет осуществляться его правление (например, новгородцы – к Изяславу Мстиславичу). Иногда это и вовсе не часть приветственной встречи, а обещание на будущее (как слова киевлян Изяславу Мстиславичу перед его отъездом).

⁴³⁸ Вероятно, «намь» – более ранняя форма этого устойчивого оборота.

⁴³⁹ А также: «на томъ целова хръсть к нимъ оу вѣчи. Кияне же вси съсѣдше с конь и начаша молвити: “братъ твои князь и ты”». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 320–321.

“Поиди – ты нашъ кнѣзь, а Олговичъ не хотимъ”...

...томъ мѣстѣ приѣхаша отъ Киянѣ моужи, нарекоуче: “Ты нашъ кнѣзь – поѣди, Олговичъ не хотимъ быти акы в задничи. Кде оузримъ стягъ твой – тоу и мы с тобою готови есмь”». ⁴⁴⁰

Несмотря на то, что части текста с приведенными выше обращениями к Игорю и Изяславу расположены близко, они, как было показано в первой главе, чаще всего рассматриваются исследователями как принадлежащие к разным источникам: в первом случае – к черниговскому, благосклонному Ольговичам, во втором – к киевскому, лояльному Мстиславичам. Тот факт, что интересующая нас фраза присутствует в обоих пластах, является подтверждением того, что лексика диалогов отражает в определенной степени реальность, которую описывали оба летописных текста. Вторая часть варьируется («Олговичъ не хотимъ» и «Олговичъ не хотимъ быти акы в задничи») и носит казуальный характер – в данный момент киевляне выбирают между Мстиславичами и Ольговичами. Добавление «Кде оузримъ стягъ твой – тоу и мы с тобою готови есмь» напоминает по характеру рассмотренные выше военные устойчивые формулы Рюриковичей с упоминанием полков, копья, щита, но более всего – обещания «с тобою быти» и «не отлучатися ни в добре ни в зле» Владимира Володаревича Изяславу Мстиславичу. Она повторяет завершающую фразу, сказанную ранее Черными клобуками: «...а мы с тобою». Как можно видеть, одна устойчивая формула могла иметь более простую и более пышную реализации.

Далее в повествовании Киевской летописи описывается развитие конфликта, в котором на Киев претендуют два князя из линии Мономашичей: Изяслав Мстиславич и Юрий Владимирович, и разные города используют словосочетание «ты нашъ кнѣзь» по отношению к каждому из претендентов в зависимости от собственных предпочтений.

Неоднократно Изяслав Мстиславич слышит эту фразу от киевлян: «кияне же рекоша Изяславоу: «Ты нашъ кнѣзь – поѣди же къ Святой Софьи – сяди на столѣ отца своего и дѣда своего». ⁴⁴¹ Новгородцы в своем обращении к нему расширяют первую часть формулы, упоминая деда и отца Изяслава: «Ты нашъ кнѣзь, ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мьстиславъ, ради с тобою идемъ своихъ дѣля обидъ» ⁴⁴².

Когда киевляне понимают, что не в силах оказать в данный момент ему поддержку, они договариваются с любимым князем на будущее: «не погуби нас, ни самъ не погыни, но ты нашъ кнѣзь, коли си(ле)нь будеши – а мы с тобою, а ныне не твое веремѣ – поѣди прочь». ⁴⁴³

---

⁴⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323.

⁴⁴¹ Там же. Стб. 397.

⁴⁴² Там же. Стб. 370–371.

⁴⁴³ Там же. Стб. 401.

В один из напряженных моментов противостояния, жители Переяславля, поддерживавшие Юрия, оказались в большинстве, и город оказал ему поддержку: «и первое побѣгоша Поршане, и потом Изяславъ Давыдовичъ, и по сихъ Кияне, и бысть лествъ въ Переяславцехъ, рекоуче: “Гюрги намъ кнѣзь свои” того было намъ искати и далече». Позднее суздальский князь обращается к белгородцам, стоя у стен города, но они отказывают ему в содействии:

«Гюргии же приде к Бѣлугороду и рече Бѣлогородьцемъ: «Вы есте людие мои, а отворите ми градъ. Бѣлогородьци же рекоша: “а Киев ти ся кое отвориль, а кнѣзь нашъ Вячславъ, Изяславъ, и Ростиславъ”»⁴⁴⁴. Т.Л. Вилкул обратила внимание на то, что здесь неверно употреблено единственное число, причиной чему могло служить позднее добавление двух других князей: Вячеслава и Ростислава. Однако вероятнее, причина ошибки именно в том, что словосочетание «N нашъ кнѣзь» было устойчивой формулой – в примере, приведенном выше, автор также избегает множественного числа: «братъ твои кнѣзь и ты» (киевляне о Игоре и Святославе Ольговичах).⁴⁴⁵

На первый взгляд, начало ответа Юрия: «вы есте людие мои...» ничем не отличается от множества других речевых оборотов, однако можно предположить, что это и есть вторая часть формулы, комплементарная «...ты нашъ кнѣзь». Здесь она (также как и в послании киевлян к Изяславу «ты нашъ кнѣзь – поѣди») приводится с казуальным окончанием, характеризующим именно эту ситуацию: «...а отворите ми градъ».

В подтверждение нашей догадки обе части этой формулы можно увидеть в едином контексте в повествовании о конфликте Ростислава Глебовича и Рогволода Борисовича в Полоцке:

«И тако съступиша еже рекше и послашасъ в таинѣ к Рогъволоду Борисовичю Дрюютьску рекуче ему: «кнѣже нашъ, сѣгрѣшили есмь к Богу и к тобѣ... и хрѣсть к намъ цѣлуеши, то мы людие твое (твое), а ты еси нашъ кнѣзь, а Ростислава ти емше, в дамы в ручѣ, а еже хоцещи то створиши ему».⁴⁴⁶ Это предложение имеет особенности, близкие договорным формулам Рюриковичей: обращение «кнѣзь нашъ» созвучно основной части соглашения «а ты еси нашъ кнѣзь», упомянуты обе стороны соглашения, перечислены выдвинутые условия, видна двусоставная структура.

Итак, полноценная формула «мы людие твое, а ты еси нашъ кнѣзь», вероятно, была частью риторики в таких соглашениях, она содержала две части, одна из них упоминала князя,

---

⁴⁴⁴ Там же. Стб. 433.

⁴⁴⁵ Там же. Стб. 320–321.

⁴⁴⁶ ПСРЛ Т. 2. Стб. 494.

другая – город. При ретроспективном упоминании о договоре или при предложении заключить такой договор участники чаще использовали только одну часть, дополняя ее конкретными деталями.

Если в поиске подобных словосочетаний мы обратимся к Новгородской Первой летописи, то увидим, что, несмотря на особую любовь ее авторов к подробному освещению соглашений русских князей и Великого Новгорода, формула «мы людие твое, а ты еси нашъ кнѣзь» или ее фрагменты здесь не присутствуют. В целом, вплоть до начала XIII века текст Новгородской Первой летописи чрезвычайно скуп на прямую речь, что, вероятнее всего, и является причиной отсутствия необходимой информации.

Лишь в начале XIII века в летописном повествовании появляются относительно пространственные прямые речи, близкие по риторике тем, которые мы рассмотрели выше, например, известное обещание новгородцев Мстиславу Мстиславичу: «камо, княже, очима позриши ты, тамо мы главами своими вържемъ»⁴⁴⁷ и речь посадника Твердислава: «яко братие, страдали деди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидимъ по своему князи» в статье 6722 года.⁴⁴⁸ Они также имеют двухчастную структуру, упоминающую обе стороны, в речи Твердислава основной акцент сделан на идее преемственности – как было рассмотрено, это важный аспект и для многих княжеских диалогов.

А.А. Гиппиус, рассматривая эти формулы, выдвинул предположение, что они были созданы под влиянием текста Киевской летописи, который попал в Новгород с Мстиславом Мстиславичем Удатным. Исследователь сравнивает их с выражениями, которые характерны для диалогов киевлян и Изяслава Мстиславича, например: «где оузрим стягъ твои, тоу и мы с тобою готови есмь» напоминает обещание новгородцев Мстиславу, а слова Ростислава Юрьевича Изяславу Мстиславичу в статье 1148 (6656) года Киевской летописи «пришель есмь нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣи нас Володимирихъ вноуцѣхъ, а за Рускою землею хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити» – речи Твердислава. Однако, вполне вероятно, и что приведенные выше слова Новгородской первой летописи переданы близко к реальности – как мы видели, арсенал устойчивых выражений русских князей и новгородцев был очень близок. Возможно, предполагаемое А.А. Гиппиусом наличие текста Киевской летописи у автора лишь натолкнуло его на метод использования прямой речи для передачи диалогов.⁴⁴⁹

---

⁴⁴⁷ НПЛ. С. 53.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Гиппиус А.А. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14 – 17 апреля 2009 г.: Мат-лы конф. М., 2009. С. 70–77.

Сам Мстислав целует крест новгородцам «яко с нимъ в животъ и въ смерть»: «любо изищу мужи новгородьстии и волости, паки ли а головою повалю за Новъгородъ». И в крестоцеловании новгородцев Мстиславу и в ответе князя Великому Новгороду можно встретить выражение, также хорошо известное по договорам Изяслава Мстиславича и Гезы II – обещание «сложити голову». Эти два примера важны потому, что при их сравнении становится очевидным равенство участников соглашения, произносящих эти устойчивые словосочетания – обе стороны принесли обещание по очереди. Схожую особенность мы отмечали и в договорах киевского князя и венгерского короля. Выражение «в живот и в смерть» т.е. «навсегда», ‘и в жизни, и в смерти’, находит прямые аналогии в крестоцелованиях Владимира и Изяслава Давыдовичей, а затем – и Владимира Володаревича Изяславу Мстиславичу «быть за один... до живота».

Конец XIII века дает несколько свидетельств использования формул, известных по текстам Киевской летописи, в грамотах, сохранившихся уже на пергамене, хотя случаи их использования редки. Как правило, тексты соглашений Великого Новгорода и Пскова содержат детальную информацию без излишней риторики, однако достаточно часто в них упоминается возможная «обида» (материальный и моральный урон) со стороны противников, что, как мы видели, характерно и для летописных договоров Рюриковичей. В единичных ситуациях здесь также используется характерная для Киевской летописи двухчастная структура. Например, в договорной грамоте Новгорода с тверским князем Михаилом Ярославичем о взаимной помощи 1296 – 1301 годов:

«Кдѣ будетъ обида Новугороду, тобѣ потянути за Новъгородъ съ братомъ своимъ съ Даниломъ съ мужи съ новъгородьци» (грамота новгородская)⁴⁵⁰.

В тверской части грамоты есть также упоминание о согласованности действий Михаила Ярославича и Даниила Александровича, использующее формулировку, близкую устойчивому сочетанию «быти за один»: «съ братомъ своимъ съ старѣшимъ съ Даниломъ одинъ есмь и съ Иваномъ», «а не отступити вы ся мене ни въ которое же веремя» (грамота тверская).⁴⁵¹

Несмотря на скудость материала в плане использования риторических формул, новгородские грамоты XIII века показывают, что договорные устойчивые сочетания все еще не были забыты, хотя и употреблялись исключительно редко, так как деловой характер этих источников не допускал расплывчатых формулировок, лишенных детализации. Схожая тенденция была нами отмечена и для летописных статей 1170х – 1190х годов Киевской

---

⁴⁵⁰ ГВПН. 1949. С.14.

⁴⁵¹ Там же.

летописи, события которых не так сильно отдалены хронологически от времени создания этих грамот.

2.6. Использование формулы «быти за один» в соглашениях жителей Великого Новгорода и Пскова.

Говоря о политической жизни Новгородской Республики XIII – XIV веков, нужно отметить, что именно формула «быти за один» («быти за один брат»), выражающая идею братства союзников, оказалась здесь наиболее употребительной, хотя речь идет уже не о княжеском общении, а о взаимодействии отдельных групп новгородцев или их соглашениях с Псковом.

Единство городской общины средневекового Новгорода часто называется авторами Новгородской Первой летописи «братством», например: «Нъ богомъ диаволь погранъ бысть и святою Софию, крестъ възвеличанъ бысть; и съидошася братья въкупѣ однодушно, и крестъ цѣловаша».⁴⁵² Предполагается, что основой этого братства была христианская община города, олицетворением и символом которой являлся Собор Святой Софии, под которым понимался не только кафедральный храм Новгорода, но и обладавшая влиянием на все сферы человеческой жизни Вселенская Церковь.⁴⁵³ Моменты «единодушия» новгородцев чрезвычайно непродолжительны – затяжные конфликты влиятельных групп отмечают каждый исторический период развития средневекового Новгорода, и порой принадлежность горожанина к улице, концу или стороне верней определяла его политическую самоидентификацию.

Объединение горожан – соседей, жителей одного конца или одной улицы носит, наравне с кровным родством, «данный», а не «сконструированный» характер в противоположность таким формам социального единства как брак, гильдия, отношения вассала и сюзерена,⁴⁵⁴ что сближает этот тип отношений с взаимодействием Рюриковичей между собой, их «братством». Именование «братьями» соседей по одной улице или месту проживания: «Того же лѣта посадникъ Богданъ Абакуновичъ съ своею братьею съ уличаны поставиша церковь камену

---

⁴⁵² НПЛ. С. 59.

⁴⁵³ Хорошев А.С. Софийский патронат по Новгородской первой летописи // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 1997. Вып. 11. С. 212; Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб. 2010. С. 6; Lukin P. Urban Community and Consensus Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod // Imagined Communities on the Baltic Rim from the 11th to 15th Centuries. Amsterdam, 2016. P. 294 – 295, 300. Социальное устройство Новгорода и формирование его политики подробно рассмотрено в работе П.В. Лукина. Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014.

⁴⁵⁴ Charles-Edwards T. Anglo-Saxon kinship revised // The Anglo-Saxons from the migration period to the eight century: An ethnographic perspective. San Marino, 1997. P. 173.

святого Семіона»⁴⁵⁵ (в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода: «съ своею братьею и с улицаны») ⁴⁵⁶ послужило основанием для предположения М.Х. Алешковского об исходном родстве уличан. В.А. Буров, не соглашаясь с таким буквальным прочтением, определяет данное использование слов «брат», «братья» как обозначения «членов конкретных общинных структур: улицы, конца, города, погоста». ⁴⁵⁷ Например: «а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князѣхъ» в упомянутом выше обращении 1219 года посадника Твердислава к новгородцам на вече ⁴⁵⁸ а также: «нашь еси братъ княжьостровецъ», ⁴⁵⁹ «а братью свою, новгородцовъ, посадиша... въ Орѣховомъ», ⁴⁶⁰ «а за то нашу братью избиша на озѣрѣ» (псковитяне о своих земляках). ⁴⁶¹ Еще один пример: «тѣгда же новгородци рѣша... “а мы ихъ не гонили, нѣ братью свою есме казнили”» (речь идет о столкновениях между сторонниками черниговских князей и приверженцами Ярослава Всеволодича в Новгороде 1226 – 1228 гг.) ⁴⁶² показывает, что данное «братство» не равнозначно союзу или другим формам искусственного единения. В перечисленных эпизодах оно указывает на принадлежность к актуальной на данной момент территориальной локации.

Однако совершенно иной характер носит упоминание о «братстве» новгородцев, фигурирующее при описании примирения нескольких группировок бояр (и, очевидно, сочувствующих им других горожан). Порядок такого примирения и употребляемые при этом формулировки близки тем, которые мы видим при заключении мирных договоров между Рюриковичами: «быти за один», «быти за один брат» – соглашениям, которые *конструируют* дополнительные связи между правителями и помогают выделить отдельную группу союзников из общей системы социальных связей.

Например: «тѣгда же новгородци рѣша... и цѣловаша святую Богородицу, яко быти всемъ одинакымъ» ⁴⁶³ «а новгородци человаша крестъ за одинъ братъ» ⁴⁶⁴, практически идентичны уже рассмотренным формулам соглашений между Изяславом Мстиславичем и Изяславом и Владимиром Давыдовичами в 6657 статье Киевской летописи: «брате, Богъ ти помози...

---

⁴⁵⁵ ПСРЛ. Т.4. Ч. 1. С. 99.

⁴⁵⁶ НПЛ. С. 38. Алешковский М.Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории // Реставрация и исследование памятников культуры, М., 1975. Вып. 1. С. 23, 30.

⁴⁵⁷ Буров В. А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. М., 1994. С. 34–35.

⁴⁵⁸ НПЛ. С. 59

⁴⁵⁹ ГВНП (№ 92). С. 149.

⁴⁶⁰ НПЛ. С. 361; Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. С. 34–35.

⁴⁶¹ Там же. С. 66.

⁴⁶² Там же. С. 67.

⁴⁶³ Там же. С. 67.

⁴⁶⁴ Там же. С. 414.

хрьсть есмы цѣловали яко всимъ намъ быти за одинъ»⁴⁶⁵ «такo на томъ цѣловаша хрьсть оу святомъ Спасѣ... и быти всимъ за одинъ братъ».⁴⁶⁶

В именовании псковитян «братьями» новгородцам: «мы бе-своя братья бес пльсковиць не имаемся на Ригу»)⁴⁶⁷ также подразумевается политический союз горожан. Также в благословлении владыкой новгородцев в деле примирения с псковитянами: «занеже, дѣти... былѣ бы есте за одинъ братъ въ крестиянствѣ».⁴⁶⁸

Отказ от участия в союзе (или подразумевающая его угроза) между русскими князьями и между горожанами оформляется схожим образом, например: «оуже не братъ еси братоу своему, но ратьныи еси емоу» (Константин – Василию Романовичу в Галицко-Волынской летописи),⁴⁶⁹ «ты, брате... дажь стоиши в томъ рядоу – то ты намъ братъ, пакы ли поминаешь давныя тяжа... то стоупиль еси рядоу» (Рюрик Ростиславич – Святославу Всеволодичу в Киевской летописи)⁴⁷⁰ и «...или вы собѣ, а мы себе», «пойдите по князи своемъ, намъ есте не братья» (псковитяне в обращении к новгородцам – сторонникам Ярослава.⁴⁷¹ Как и князья, новгородцы во время заключения перемирия целуют крест (а также икону Богородицы), при описании этого события присутствует обращение к божественной силе и призыв ее в свидетели.

Идея единства новгородцев, нашедшая воплощение в представлении об их «братстве» имеет два пласта. Первый из них подразумевает объединение, заданное исходно соседством по городской улице, концу, для Новгородской земли в широком смысле – по городу, месту жительства, второй проистекает из обязательств, наложенных при заключении соглашения, мира и сформулированных набором устойчивых словосочетаний, использующих метафору братства, идентичных тем, которые произносятся при заключении княжеских договоров. Упомянутые аспекты «братства» новгородцев могут совпадать или, наоборот, оказываются противопоставлены друг другу; благодаря исходной широте использования этого слова, именование горожан «братьями» может приобретать преимущественно духовное или военное значение.

Таким образом, при заключении соглашений горожане пользуются тем же набором формул и выражений, включающим заверения в единстве и братстве, что и русские князья. Можно отметить, что хронологически такие выражения появляются несколько позже – если

---

⁴⁶⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374.

⁴⁶⁶ Там же. Стб. 366.

⁴⁶⁷ НПЛ. С. 66.

⁴⁶⁸ Там же. С. 388.

⁴⁶⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 852.

⁴⁷⁰ Там же. Стб. 670.

⁴⁷¹ НПЛ. С. 72. С. 66.

договоры русских князей «быти за один» впервые встречаются в тексте Киевской летописи, повествующем о событиях конца 1140-х гг. XII века, то Новгородская летопись содержит схожие договорные формулы в записях XII – начале XIII веков, а более широкое применение они находят в XIII – XIV веках, что может быть связано как с более поздним их распространением в новгородской среде, так и с изменением характера летописного текста в эти периоды.

2.7. Использование формул, известных по Киевской летописи, в более поздних источниках

В поиске следов дальнейшего развития формульного арсенала, рассмотренного по материалам Киевской летописи, обращают на себя внимание грамоты конца XIV – начала XV веков, которые дошли до современного исследователя как отдельные документы, причем с менее значительными утратами, чем все рассмотренные в этой главе источники, однако фиксируют они уже значительно более поздний этап формирования договорного этикета⁴⁷².

При рассмотрении языкового инструментария этих грамот оказывается, что они воспроизводят лишь некоторые из тех устойчивых словосочетаний, которые можно встретить в тексте Киевской летописи, такие как: «быть за один... до живота», «не отлучатися ни в добре, ни в зле», «кто мнѣ золь, тот и тебе» (с существенными изменениями), «всѣсть на конь за N».

Формула «быти за обиду» и ее вариации не вошли в постоянный репертуар этих грамот.

Самым значительным изменением формул в этой группе источников стало то, что интересующие нас конструкции становятся существенно более пространными, а двусоставная структура многократно дублируется. Если ранее один князь говорил другому: «как N намъ золь, так и тобѣ» или «кто ми ворогъ, то и тобѣ ворогъ», то в договорных грамотах московского периода эти фразы трансформируются в формулировку, без которой не обходится почти ни один договор: «а кто будеть мнѣ, брату твоему старѣишему, другъ, то и тобѣ другъ. А кто будеть мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ».⁴⁷³ Связь формул «быти за один...», «...до живота», которую мы только подозревали, рассматривая текст, повествующий о событиях конца 1140х годов Киевской летописи, в этих документах очевидна.

---

⁴⁷² Политические особенности взаимодействия правителей этого периода были детально изучены в работах Л.В. Черепнина, В.А. Кучкина, Н.В. Борисова, А.В. Лаврентьева (Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М. 1960; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984; Борисов Н.С. Политика Московских князей: Конец XIII — первая половина XIV вв. М. 1999; Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско – Донского региона в последней четверти XIV- первой четверти XVI вв. М., 2011.)

⁴⁷³ ДДГ. С.20.

Любопытно, что устойчивое сочетание «не отлучити ся ни в добре ни в зле», продолжившее свое существование в договорах XIV – XV вв., еще в тексте, описывающем события XII века, показывало очень высокий уровень универсальности, что, очевидно, и предопределило его долгую жизнь в последующие эпохи. Завершающая часть содержащего его крестоцелования «быти в одном месте», «не отлучитися» в договорах XIV века расширяется и занимает первое место: «вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было», а общее значение меняется с призыва совместно выдерживать различные по характеру ситуации на обещание своевременно оповещать о их потенциальной возможности.

Выражение «быти за один» в этот период обладает такой же пластичностью, что и в конце XII века, появляется выражение «N есть с нами один человек», что, конечно, очень близко выражению «быти за один муж» Киевской летописи середины XII века.

Таблица 2. Устойчивые формулы древнейших русских летописей и договорных грамот XIV – XV вв.

Киевская летопись, Лаврентьевская летопись	Договорные грамоты XIV – XV вв.
<p>«На томъ кръсть чьстьныи целоваста, яко не разлоучитися има ни въ добрѣ, ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 418);</p> <p>«На томъ ти цѣловати кръсть... съ Изяславомъ быти и его ся не отлучити ни въ добрѣ ни въ лисѣ, но всегда с нимъ быти» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 452).</p>	<p>«А добра ти намъ хотѣти вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было. А что ты слышовъ о нашемъ добрѣ или о лисѣ от кого бы ни было, то ти намъ повѣдати въ правду, безъ примышленія.</p> <p>А намъ тако же тобѣ добра хотѣти вездѣ, во всем, гдѣ бы ни было. А что ны слышевъ о твоёмъ добрѣ или о лисѣ отъ кого бы ни было, и намъ тобѣ то повѣдати въ правду безъ примышленія» (ДДГ. С. 63 – 64).</p>
<p>Кръсть цѣловали до живота своего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 346)</p> <p>«Кръсть есмь цѣловали яко всимъ намъ быти за одинъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374);</p> <p>«Тако на томъ цѣловаша кръсть оу святомъ Съпасѣ... быти всимъ за одинъ братъ» (ПСРЛ. Т.</p>	<p>«А быти ми, господине, и моимъ дѣтемъ с тобою и с твоими дѣтми вездѣ заодинъ» (ДДГ. С. 44);</p> <p>«Быти намъ заодинъ до своег(о) живот(а)» (ДДГ. С. 40);</p> <p>«А тобѣ, брат(е), тако ж явити Витовту, что есте с нами одинъ ч(е)л(о)в(ѣ)къ» (ДДГ. С. 41);</p> <p>«Быти вы со мною вездѣ заодинъ, и до своего живота. А мнѣ так же быти с вами вездѣ заодинъ, и до своего живота» (ДДГ. С. 65).</p>

<p>2. Стб. 366); «Оутвердися, якоже <u>за одинь мужь быти</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465).</p>	
<p>«На лѣто <u>всѣде на конь</u> про свата своего» (ПСРЛ Т. 1. Стб. 413, повествование); «И посла къ Изяславу и рече ему: «<u>яз ти на конѣ оуже всѣдаю</u> же и сына Мьстислава съ собою поимаю, а <u>ты полѣзи оуже на конѣ</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 446).</p>	<p>«А коли, г(о)с(поди)не, будет с(ы)нѣ твои въ твое мѣсто, и <u>всядет с(ы)нѣ твои на конь</u>, ино и мнѣ с ним <u>всѣсти на конь</u>. А коли, г(о)с(поди)не, с(ы)нѣ твои <u>не всядет на конь</u>, ино и мнѣ <u>не всѣсти на конь</u>. А куды, г(о)с(поди)не, с(ы)нѣ твои пошлет моих детей, и имѣ <u>всѣсти на конь</u> без ослушанья». (ДДГ. С. 44); «А коли ми будет <u>всѣсти на конь</u> на своего недруга, и тобѣ послати со мною свои дѣти съ своими бояры и съ слугами» (ДДГ. С. 64).</p>
<p>«Игорь <u>како тобѣ золь былъ тако и нама</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329); «Кръсть еси ко мнѣ целоваль на томъ, <u>кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ</u>» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 701).</p>	<p>«Хто будет <u>друг тобѣ</u>, кн(я)зю великому, то, г(о)с(поди)не, и <u>нам друг</u>. А хто будет, г(о)с(поди)не, <u>тобѣ недруг</u>, то и <u>нам недруг</u>». (ДДГ. С. 51).</p>

При рассмотрении наиболее значимых изменений в составе и структуре договорных формул, произошедших с ними в XIV веке, прежде всего, бросается в глаза их существенно возросший объем. Наиболее вероятным объяснением этой трансформации является смена самой формы передачи послания – ранее хранить в памяти сложные по структуре и витиеватые формулы было неудобно, и послы ограничивались запоминанием легко воспроизводимых и конструируемых в уме кратких элементов. Краткие устные формулировки, служившие символами мирного намерения и единения, на широком листе бумаги или пергамента трансформировались в изоощренные пассажи, которые уже, однако, перестали играть ту важную роль, которая отводилась им в обществе, где социальные стратегии строились на ритуальных практиках и доверии устным клятвам. Теперь договорные формулы стали пышным декором, орнаментом, оформлявшим конкретные условия завещания или договора, их значимость ограничивалась архаичным обликом, они стали служить воплощением преемственности, в определенном смысле демонстрировали следование домонгольским традициям.

Одна из ключевых характеристик договорных формул Киевской летописи (и речей в целом) – их двухсоставная структура, которая предполагала упоминание обеих сторон соглашения, а также двух временных рубежей: заключения договора и наступления момента выполнения обещания. Она не только не исчезает в договорах XIV – XV веков, но и проявляется здесь со значительно большей силой: обязательно упоминание не только двух сторон соглашения, но их детей, не только потенциально возможное обострение политической ситуации, но и перечисление самых различных вариантов: злой замысел кого-либо, ухудшение отношений с Ордой, возможные сценарии развития политических отношений с Великим княжеством Литовским.

Договорные практики русских правителей прошли через несколько этапов формирования: разнообразие этикетных формул в статьях Киевской летописи середины XII века (в период интенсивного взаимодействия с западными правителями и наиболее значительного и затяжного конфликта Рюриковичей) сменилось устойчивым использованием всего нескольких из них в статьях 1170 – 1190-х годов. Уже в это время данные формулы претерпевают незначительные изменения, что свидетельствует о поступательном характере составления основного источника Киевской летописи, зафиксировавшего их. К концу XII века упомянутые устойчивые сочетания в летописном тексте в значительной мере уступают место указаниям на конкретные территориальные и временные условия. Изредка в крайне урезанном виде они присутствуют в Лаврентьевской и Новгородской летописях, в договорных грамотах Великого Новгорода и Пскова, где формируется несколько отличный этикет взаимодействия правителя и города как политической единицы. В договорных грамотах XIV – XVI вв. возрождаются к жизни те из риторических формул домонгольской Руси, которые в прошлом характеризовались наибольшей универсальностью, а объем каждой из них в тексте договора стремительно увеличивается благодаря тому, что уже длительное время подобные договоры фиксируются на бумаге или пергамене, вмещающим как конкретные фактографические перечни, так и многоступенчатые двусоставные конструкции.

Эти наблюдения проясняют ряд особенностей работы летописца XII века. Учитывая характер распространения выявленных в данной работе формул в различных по времени составления текстах, трудно предположить, что автор основного источника Киевской летописи искусственно сконструировал их. С большей вероятностью их внесение в текст стало следствием его осведомленности о дипломатических практиках своего времени и желания зафиксировать наиболее существенные «речи» с высокой долей детализации, что, очевидно, отвечало представлениям автора о задачах собственного труда и послужило тому, что этот источник приобрел ряд специфических, отличных от других летописей, черт.

Глава 3. Родовая лексика «речей» Киевской летописи

3.1. Основные особенности использования русскими князьями терминов родства в этикетном значении и в составе устойчивых оборотов

Термины родства в княжеских посланиях Киевской летописи тесно связаны с рассмотренными нами в предыдущей главе договорными формулами: заключая соглашение «быти за один брат» с Изяславом и Владимиром Давыдовичами, Изяслав Мстиславич называл каждого из них «братом». Венгерскому королю Гезе II Изяслав дважды передавал через своих послов, что он ему сделал то, что «толико может такъ оучинити братья роженьи, или сынъ отьцу», при этом сам Изяслав постоянно называл Гезу II «братом», реже используя обращение «сын», а венгерский король именовал киевского князя не иначе как «отец», то есть все перечисленные в благодарственной формулировке термины родства использовались ими в качестве обращений. Кроме того, многие термины родства появляются в летописи только в составе таких же формульных оборотов, например: «...ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць»⁴⁷⁴, в этом смысле данная глава логически продолжает предшествующую, где были рассмотрены выражения, ориентированные скорее на воинскую символику.

Как уже было отмечено, сама структура устного княжеского послания предполагала умелую компоновку обоих элементов: терминов родства, использованных в роли обращений и риторических формул. Например, в указанной выше ситуации Изяслав и Владимир Давыдовичи (а также Святослав Ольгович) клялись «быти за один брат», а припоминание этого соглашения в послании Изяслава Мстиславича и к Владимиру Давыдовичу, и к Святославу Ольговичу содержит усеченную конструкцию «быти за один», но при этом в нем неоднократно повторяется обращение «брат». Таким образом, полностью реализуется первоначальный замысел соглашения, но в иной форме:

«...хрьсть есмь цѣловали, яко всимъ намъ быти за одинъ, нынѣ же, брате, се мужь мой, а ты пристави свои мужь»⁴⁷⁵.

В отличие от риторических формул, которым посвящена предыдущая глава, и которые появляются только в конце Лаврентьевской летописи, термины родства в этикетном значении в княжеских диалогах можно часто встретить в ее тексте уже в повествовании, описывающем события середины XII века. Это наблюдение, вероятно, объясняется характером работы редактора, не заинтересованного в сохранении малозначительных деталей: однотипная

⁴⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2, Стб. 395

⁴⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374.

риторика соглашений для него выглядела излишней, поэтому он сокращал многократные повторы одних и тех же формул, а с ними убирал и основную массу содержащих их диалогов, но выбор обращения в княжеском послании представлялся ему важной чертой, благодаря чему сохранился в тексте.

Например, как уже отмечалось, черниговские князья Изяслав и Владимир Давыдовичи и киевский князь Изяслав Мстиславич, которые по прямому родовому счету приходились друг другу троюродными дядьями и племянником, согласно Киевской летописи часто использовали друг к другу обращение «брат». Этот же термин мы можем видеть в тех же «речах» князей, сохранившихся в составе Лаврентьевской летописи:

«В то же лѣто присла Володимеръ [и] Изяслава Давыдовича ис Чернигова слы ко Изяславу князю Киевскому, река:

«Брате, се заяль волость мою Святославъ Олговичъ – Вятичѣ, поидевѣ на нь, оже и проженевѣ и, поидевѣ на Гюрга, а любо с нимъ миръ створимъ, али с нимъ бьемся»⁴⁷⁶. Хотя, конечно, случаев применения терминов родства в этикетном значении в Лаврентьевской летописи значительно меньше, чем в Киевской, так как далеко не все речи были сохранены редактором, однако принципы использования терминов родства в ней, как и в Новгородской Первой летописи, содержащей всего несколько уникальных эпизодов с использованием родовой лексики, полностью соответствуют тем, которые мы можем обнаружить, обобщая тот значительный объем примеров, который содержится в Киевской летописи.

Рассуждая о историчности практики использования терминов родства «отец», «брат», «сын» в обращениях между русскими князьями домонгольской эпохи, стоит обратить внимание на то, что сразу в нескольких европейских источниках, изображающих события на Руси (хотя и относящиеся к более ранней истории, чем события, описываемые в Киевской летописи), авторы часто делают ошибки в указании на степень родства, показывая более близкую связь между правителями, чем она была на самом деле.

Так, автор Пряди об Эймунде Хрингссоне⁴⁷⁷ называет полоцкого князя Брячислава Изяславича одним из сыновей Владимира Святославича: «Я слышал о смерти Вальдимара конунга с востока из Гардарики, и эти владения держат теперь трое сыновей его... И зовется Бурицлав тот, который получил большую долю отцовского наследия, и он – старший из них.

---

⁴⁷⁶ ПСРЛ. Т.1. Стб. 315. Это послание в Ипатьевской летописи: «того же лѣта посла Володимеръ Изяслава Давыдовича и Чернигова къ Изяславоу князю Киевскому, река: Брате, се заяль Олговичъ Святославъ волость мою Вятичѣ, поидивѣ на нь, аже и проженевѣ то поидевѣ на Дюрдевь Соуждалъ, любо с нимъ миръ створимъ, любо ся с нимъ бьемъ» ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343.

⁴⁷⁷ Текст саги дошел до нас в составе «Саги об Олаве Святом» в «Книге с Плоского острова» («Flateyjarbók»), датированной 1387–1394 гг. События, которые описаны в саге, относятся к началу XI века и происходят на Руси.

Другого зовут Ярицлейв, а третьего Вартилав»⁴⁷⁸.

Похожую ошибку совершает и польский историограф XV века, Ян Длугош, называя Владимира Всеволодича Мономаха родным братом Святополка Изяславича: «Шестнадцатого апреля в Киеве умирает киевский князь Святополк, тесть польского князя Болеслава... После его смерти киевляне направили послов к Владимиру, родному брату Святополка, чтобы тот пришел и занял Киевский стол – отцовский и дедовский»⁴⁷⁹. Конечно, ошибки в степени родства встречаются во многих средневековых произведениях, повествующих о событиях в далеком и чужом государстве, но все же в упомянутых случаях авторы имели возможность получить достаточно полную информацию – автор саги полагался на свидетельства соотечественников, побывавших на Руси и принявших участие в конфликте русских князей, а Ян Длугош располагал несколькими русскими летописями, в том числе – южнорусским источником, в основе которого был Киевский свод редакции, несколько отличной от сохранившегося Ипатьевского списка⁴⁸⁰, многие его указания соответствуют летописным характеристикам. Вероятно, причиной ошибки Яна Длугоша стали многочисленные диалоги Святополка и Владимира в так называемом «Продолжении Повести временных лет», где они постоянно называют друг друга «братом»:

И рече Святополкъ: «Брате, се азъ готовъ оуже».

Въста Святополкъ, и рече ему Володимеръ: «То ти, брате, велико добро створиши Русьской земли».⁴⁸¹

Наличие таких ошибок в текстах достаточно осведомленных авторов, знакомых с событиями, происходившими на Руси, показывает, что мы имеем дело с историческим феноменом. Но сразу нужно оговориться, что приведенные выше примеры касаются более частой практики именованя дальнего родственника «братом», в то время как случаи употребления терминов «отец», «сын» среди Рюриковичей в русских летописях более редки.

Обращаясь к западноевропейским средневековым источникам, мы можем увидеть, что летописные обращения русских князей друг к другу практически не находят типологически

---

⁴⁷⁸ Перевод с древнеисландского Е. А. Рыдзевской. В древнеисландском оригинале: «Ek hefui frett andlat Ualldamars konungs austan ór Gardariki ok hafa nu þat riki synir hans þrir hinir agætazstu menn. en hann skipti med þeim rikinu ualla at iafnnade þuiat nu hefir æinn mæira riki en hinir. ij. Ok hæitir æinn Burizlafr er mest hefir af fœdurleifdinne ok er hann þeirra ellzstr. annarr hæitir Jarizleifr. hinn þride Uartilaf». Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий М., 2012. С. 295, 308.

⁴⁷⁹ Перевод на русский Н.И. Щавелевой. Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. М., 2004. С.299. В первоисточнике: «Cuius morte secuta missi sunt a Kyowiensibus nuncii ad Wladimirum germanum Swantopelkonis, qui monerent, ut veniret et sedem Kyowiensem paternam et avitam susciperet». Там же. с. 147. Особенно показательно, что автор использует именно термин *germanum*, применяемый для обозначения кровного родства, а не любой другой формы братства, кроме того, сама переводчица обращает особое внимание на эту ошибку, но никак не интерпретирует ее.

⁴⁸⁰ Клосс Б.М. Русские источники I – IV книг Анналов Яна Длугоша. С. 40–47.

⁴⁸¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 252–253.

близких соответствий. Например, сохранившаяся переписка венгерского двора в середине XII века показывает предпочтение терминам, обозначающим скорее дружбу, чем родство, а также термину родства с наиболее широким кругом значений «брат», в обращениях присутствуют пышные эпитеты. Например, в письме Гезы II Людовику VII – «amico suo dilectissimo» («любимому другу»)⁴⁸², Генриха II Беле III – «carissimo fratri Belae» («дражайшему брату Беле»), Бела III Генриху II – «amico suo, et fratri carissimo H (Henrico)» («другу и дорогому брату Г (Генриху)»)⁴⁸³, в письме Мануила Комнина Генрих II именуется «carissimo amico suo» («дражайшим другом»)⁴⁸⁴. В диалогах древнейших летописей слова «друг», «союзник» практически не встречаются.

Говоря о русских источниках, мы встречаем очевидные примеры вторичного использования терминов родства только в летописном материале и в духовных произведениях, что связано с тем, что эти тексты пространны и содержат достаточную детализацию. Из-за краткости, берестяные грамоты и эпиграфический материал просто не могут дать достаточного количества информации, хотя очевидно, что далеко не во всех ситуациях лицо, называемое в них «братом», обязательно являлось кровным братом (например, в берестяных грамотах №68, №724).⁴⁸⁵ При этом в перечнях должников, дарителей и других списках, в которых чаще всего используются термины родства, указание на брата или сына уточняет идентификацию его личности⁴⁸⁶, поэтому здесь нет смысла подозревать переносный характер употребления родовой лексики.

Как показывают работы лингвистов, для ранних этапов формирования древнерусского общества, вероятно, было характерно более широкое использование термина «брат». Так О.Н. Трубачев пишет, что «признавая за суффиксами определенную модифицирующую роль, следует отметить, что на двоюродных, троюродных братьев, в сущности, распространялось обозначение *брат*, что отражает состояние, видимо, характерное для древности».⁴⁸⁷ Он объясняет это явление тем, что изначально индоевропейское слово **bhrātēr* «могло иметь характер более общего термина, ср. греч. *φράτωρ* 'член фратрии', которое, возможно, отражает древнее значение индоевропейского слова 'член мужского союза, фратрии'». С точки зрения

---

⁴⁸² Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. By G. Fejér. Budaë, 1829. P.163.

⁴⁸³ Idem. P. 245– 247.

⁴⁸⁴ Chronica Magistri Rogeri de Houedene / Ed. by W. Stubbs. L., 1869. Vol. 2. P. 104.

⁴⁸⁵ ДНД. С. 484, 350. Подробный обзор терминов родства, встречающихся в берестяных грамотах можно увидеть в работе Е.А. Рыбиной, Э. Шаре (Рыбина Е. А., Шаре Э. Термины родства в берестяных грамотах. // Новгород и Новгородская земля. 2008. Т.22. С. 143–151).

⁴⁸⁶ Такие случаи, когда термин родства используется для уточнения личности, есть и в летописях, например: «Туки, Чюдине братъ» ПСРЛ. Т. 2. Стб.160.

⁴⁸⁷ Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М. 1959. С. 62.

автора, неустойчивость значений, проявляющаяся в многозначности слов, обозначающих родство, объясняется «переходом индоевропейской терминологии от классификаторской системы (где термины обозначают «классы родственников» – М.Л.) к описательной (где каждый термин обозначает одну родственную связь)». Именно неполнотой этого перехода объясняется использование одной и той же основы *bratr-* для обозначения как родных братьев, так и двоюродных⁴⁸⁸.

Феномен использования Рюриковичами терминов родства получил широкое освещение в научной литературе. Ученые рассматривали его в рамках «родовой теории»⁴⁸⁹, как проявление политической иерархии⁴⁹⁰ и как следствие договорных отношений⁴⁹¹. А.В. Назаренко показал при проведении сравнительного исторического анализа, что на начальном этапе владение Рюриковичами землей представляло *corpus fratrum* – неразделенное семейное совладение⁴⁹². В данной работе использование русскими князьями домонгольского периода родовой лексики во

---

⁴⁸⁸ Там же. С. 59. Обращаясь к семантике индоевропейской родовой терминологии, нужно отметить, что, согласно большинству исследований, социальное, а не биологическое значение терминов родства было первоначально. К такому выводу приходят и исследователи родства в средневековой Западной Европе. Jussen B. *Spiritual Kinship as Social Practice. Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages.* / Trans. by Pamela Selwyn. London. 2000. P.19; Jussen B. *Introduction // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations.* Philadelphia, 2001. P.1 – 15.

Понимание родства в средневековых обществах – важный вопрос многих медиевистических направлений. В Германии истоки современного подхода к этой проблематике разрабатывались в конце 1950х исследователем самоидентификации средневековых групп Карлом Шмитом, разграничившим реальность социальных отношений и паттерны их самоинтерпретации, след которых можно увидеть в исторических источниках. При таком взгляде восприятие родства переходит от построения биологических схем в область воображаемого и символического. (Schmid K. *Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel. Vorfagen zum Thema "Adel und Herrschaft im Mittelalter" // Gebetsgedenken und adliges Selbstverständnis im Mittelalter* / Ed. by T. Zotz. Sigmaringen. 1983. S. 2–4).

Английский исследователь Дж. Гуди, один из отцов-основателей школы исследования средневековой семьи, впервые обрисовал те значительные изменения, которые произошли с приходом христианства в европейских государствах: усиление патрилинейного принципа, потеря значимости родственников по матери, которые ранее играли едва ли не доминирующую роль. Goody J. *The development of the family and marriage in Europe.* Cambridge university press. 1983. P. 223–267. Bremmer J. *Avunculate and fosterage // Journal of Indo-European Studies.* 1976. №4. P. 65–78, и др.

В целом, исследователи разных научных школ: и социальные историки, и приверженцы антропологического подхода отмечают чрезвычайную пластичность понятий «родство», «семья», «родственные отношения» и недопустимость отсутствия жесткого хронологического подхода в этой области. Sabeau D.W. *Teuscher, S. Introduction // Blood and Kinship: Matter for Metaphor from Ancient Rome to the Present* / Ed. by C. H. Johnson, B. Jussen, and others. New York: Berghahn Books. 2013. P. 1–18.

⁴⁸⁹ Соловьев С.М. *История отношений между русскими князьями Рюрика дома.* М., 2003. С.12–18; Соловьев С.М. *История России с древнейших времен.* Т.2. М., 1993.

⁴⁹⁰ Пашуто В. Т. *Черты политического строя Древней Руси.* С. 57. Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси.* Л., 1986. С. 55.

⁴⁹¹ Голяшкин Я.А. *Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси.* С. 211–246; Пресняков А.Е. *Княжеское право в Древней Руси. Лекции по русской истории.* Киевская Русь. С. 97–100.

⁴⁹² Назаренко А.В. *Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1985 год.* М., 1986. С.149–157; Назаренко А.В. *Порядок престолонаследия на Руси X – XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь.* М., 2000. Том 1. С. 500–519; Назаренко А.В. *Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении // Древнейшие государства Восточной Европы: 2007 год. Древняя Русь и славяне.* М., 2009. С. 47–89;

вторичном значении рассматривается как явление семейного этикета, причем не только при описании отношений между собственно Рюриковичами, но их взаимодействия с иностранными правителями, с которыми они были связаны узами свойства.

3.2.1. Родовая лексика в обращениях

Термины родства часто использовались Рюриковичами в позиции обращения, причем никакие другие слова в этом качестве кроме «отец», «брат», «сын», «сват» и «господин» не применяются (последние два – чаще в паре с термином родства).⁴⁹³ Как было показано выше, диалоговая часть Киевской летописи имеет ряд специфических особенностей, которые отсутствуют в повествовательной части: это и распределение энклитик, близкое берестяным грамотам, и насыщенность устойчивыми речевыми оборотами. Обращает на себя внимание и еще одна черта – терминам родства «отец», «брат», «сын» в обращениях соответствуют слова, обозначающие их реальные родственные связи в повествовании, например:

1. Изяславъ отряди брата своего Володимера къ королеви зяти своему, река тако... Оже, брате, твоя обида, то не твоя, но моя обида⁴⁹⁴.

2. Юрги же посла посла по сыновця своего, по Ростислава, Смоленську, река ему: «Сыну, мнѣ с кимъ Рускую землю оудержати»⁴⁹⁵.

3. Тоѣ же зимы Святославъ сославъся с Рюрикомъ, сватомъ своимъ и сдоумаства ити на Половцѣ. Рюрикъ же оулюби (сѣвѣт) Святославль и рече емоу: «Ты, брате, ѣди в Черьниговъ...»⁴⁹⁶.

4. Изяславъ же пришедъ во Володимиръ, поча ся слати въ Оугры, къ зятю своему королеве, и в Ляхы къ свату своему Болеславу, и Межцѣ, и Индриховѣ, и къ Ческому князю сватоу своему...

Далее он обращается к ним:

Язь вы реку: «Братя, съ Рожьства Христова полѣзите на кони...»⁴⁹⁷

5. Святославъ же не хотяше отступити от оуя своего, Изяслава, но неволею ѣха... поча ся оу него просити река: «отце, поусти мя Черниговоу».⁴⁹⁸

Как можно видеть из приведенных примеров, когда мы говорим об использовании терминов родства во вторичном значении в обращениях, эта практика относится к этикету, а не

⁴⁹³ Исключения единичны, например, обращения по имени. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 618.

⁴⁹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 408.

⁴⁹⁵ Там же. Стб. 479.

⁴⁹⁶ Там же. Стб. 653.

⁴⁹⁷ Там же. Стб. 385.

⁴⁹⁸ Там же. Стб. 684, Стб. 408, Стб. 343.

конструированию родства: один князь не становится другому «отцом», а лишь использует соответствующую вежливую форму. Случаев использования родовой лексики в роли обращений в Киевской летописи по отношению к общему числу использования терминов родства в переносном значении подавляющее большинство (более 65%). Так как фигурирующие в тексте исторические лица: Рюриковичи, западные правители, половецкие князья выстраивали свое политическое взаимодействие в кругу собственной семьи, а заключение династического брака составляло важнейшую часть политической жизни, то использование обращений «отец» к тестю, «сын» к зятю, «брат» к мужу сестры трудно рассматривать вне рамок семейного этикета⁴⁹⁹.

Во многих славянских культурах, в том числе в домонгольской Руси, для указания на двоюродных и троюродных братьев, и в качестве обращений к ним использовалось слово «брат»⁵⁰⁰, а специальный термин для обозначения двоюродного и более дальнего по счету брата в древнерусских летописях просто отсутствует. Очевидно, слова «отец» и «сын» еще в домонгольский период также имели более обширный спектр значений и выступали в роли этикетных обращений по отношению к дяде и племяннику, при этом могли не нести никаких дополнительных коннотаций. Это замечательно подтверждается тем, что при описании взаимодействия между дядьями и племянниками в любой другой позиции, кроме обращения, используются слова «стрый», «уй» ('дядя') или «сестричич», «сыновец» ('племянник')⁵⁰¹.

Использование слов «отец» и «сын» в диалогах между дядей и племянником А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский связывают со следующей традицией Рюриковичей: братья заключают договор и обещают заботиться о детях в случае смерти одного из его участников.⁵⁰² В качестве примера авторы приводят летописное обращение Юрия Владимировича к

---

⁴⁹⁹ Обращаясь здесь со всей осторожностью к поздним сравнительным материалам, важно отметить, что термины прямого кровного родства используются в роли обращений к дальним родственникам, свойственникам и в бытовой переписке вплоть до конца допетровского времени, а во многих современных славянских традициях, например, у болгар, и до сегодняшнего дня. (Кречмер А.Г. Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. (по материалам частной переписки) // Категория родства в языке и культуре / Отв. Ред. С.М. Толстая. М., 2009. С. 40; Трефилова О.В. Терминология родства у болгар Румынии // Исследования по славянской диалектологии. М. 2016. №18. Актуальные проблемы изучения лексики славянских диалектов С. 133–134).

⁵⁰⁰ Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси. с. 226; Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 98; Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя, С. 62. С тем, что Рюриковичи являлись друг другу кровными родственниками, а при расхождении отдельных ветвей рода активно вступали в браки (один из первых и самых известных – женитьба Всеволода Ольговича на дочери Мстислава Великого), т.е. связывались узами свойства, приравнивавшимся в средневековом каноническом праве к кровным, связано и то, что среди русских князей не были приняты обряды побратимства и схожие ритуалы, характерные для византийского общества (Rapp C. Brotherhood in Byzantium. // *Traditio*. 1997. Vol. 52. P. 285–326; eadem: *Brother-Making in Late Antiquity and Byzantium, Monks, Laymen and Christian Ritual*. New York, 2016), а отношения с крестными и крестниками, по всей видимости, имели скорее личное, чем политическое значение.

⁵⁰¹ Там же. Стб. 327, 392, 479.

⁵⁰² Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 75–77.

племяннику Владимиру Андреевичу: «язь... хрьсть цѣловаль на томъ, яко кто ся наю останеть, то тыи будеть обоимъ дѣтемъ отьць».⁵⁰³ В этом же эпизоде Владимир называется «сыном» в речи Юрия.⁵⁰⁴ Однако число обращений «отец» и «сын» в диалогах между дядей и племянником в летописях значительно больше, чем соглашений, а характер отношений значительно варьирует – не все относились к племянникам с той же заботой, что и Юрий Владимирович.

Исследователи предполагают, что по похожему образцу строился договор, заключенный между Вячеславом Владимировичем и его взрослым племянником – Изяславом Мстиславичем⁵⁰⁵. Однако, как уже отмечалось, из-за составного характера Киевской летописи, характер повествования чрезвычайно неравномерен, а события описаны отрывочно, поэтому окончательно решить вопрос о том, как именно происходило формирование практики заключения подобного рода договоров в исторической перспективе не представляется возможным. Вполне вероятно, что случай Изяслава и Вячеслава был единичным из-за специфики политической ситуации.

В остальных случаях использование обращений «отец» и «сын» между дядей и племянником в летописи дополнительно летописцем никак не комментируются, их большинство относится к центральной части повествования Киевской летописи, а именно, к взаимодействию братьев Вячеслава и Юрия Владимировичей и их племянников, Изяслава и Ростислава Мстиславичей в статьях 1146 – 1152 (6654 – 6662) годов. Эти ситуации несколько отличаются, так как Юрий Владимирович был единокровным, но не родным братом отца Изяслава и Ростислава Мстиславичей – Мстислава Владимировича. Также обращение «отец» к дяде по отцу можно видеть и в речи представителя другой линии Рюриковичей – Ольговичей, Олега Святославича, к Ярославу Всеволодичу.

Таблица 3. Термины «отец», «сын» в обращениях между дядей и племянником в Киевской летописи

Исторические лица	Реальная родственная связь	Обращения
Святослав Всеволодич и Изяслав Мстиславич	Дядя по матери и племянник	«Отец», «сын» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 343).
Вячеслав Владимирович и	Дядя и племянник	«Отец», «сын», «брат», «брат и сын» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397,

⁵⁰³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 487–488.

⁵⁰⁴ Там же. Стб. 487; Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики, с. 77.

⁵⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417–418; Литвина, А. Ф., Успенский, Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. С. 78.

Изяслав Мстиславич		399, 400, 402, 417 – 418, 420, 428, 459, 469).
Юрий Владимирович и Изяслав Мстиславич	Дядя и племянник (дядя – единокровный брат отца)	«Брат и сын», «брат» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 380, 394).
Вячеслав Владимирович и Ростислав Мстиславич	Дядя и племянник	«Господин отец», «отец»; «сын», «брат и сын» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 422, 428, 470–471 и далее).
Юрий Владимирович и Ростислав Мстиславич	Дядя и племянник (дядя – единокровный брат отца)	«Сын», «отец» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477, 479).
Юрий Владимирович и Владимир Андреевич	Дядя и племянник	«Сын» (Владимир) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 487–488).
Всеволод Юрьевич и Владимир Ярославич	Дядя и племянник (сын сестры)	«Отец господин» (Всеволод) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 667).
Олег Святославич – Ярославу Всеволодичу	Племянник дяде	«Отец» (Ярослав) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 692–693).

Как можно заключить из информации в приведенной выше таблице, «отец» – не единственное обращение к дяде (или «сын» – к племяннику) в Киевской летописи, также используется термин «брат», например, в речах Изяслава Мстиславича Юрию Владимировичу и Мстислава Изяславича – Владимиру Мстиславичу⁵⁰⁶ обе ситуации объединяет неполное родство дяди и отца племянника (отец племянника – единокровный брат дяди), враждебные отношения на момент диалога и близкий возраст.

Термины «стрый» ('дядя, брат отца'), «уй» ('дядя, брат матери'), «сыновец» ('сын брата'), «сестричич» ('сын сестры') не встречаются в Киевской летописи в роли обращений, однако некоторые из них появляются в этом качестве в Галицко-Волынской летописи, продолжающей ее в Ипатьевском списке⁵⁰⁷. Обращение «отец» к родному отцу встречается в тексте Киевской летописи три раза, два из них – слова Андрея Юрьевича к Юрию Владимировичу (один раз в сочетании с термином «господин»: «отьце, господине, помяни слово писаное»)⁵⁰⁸, а также в обращении Игоря Святославича к Святославу Всеволодичу.⁵⁰⁹

⁵⁰⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 394, 535.

⁵⁰⁷ Там же. Стб. 883, 911.

⁵⁰⁸ Там же. Стб. 391–392, 444.

⁵⁰⁹ Там же. Стб. 616.

Обращения «отец», «сын» характерны и для диалогов зятя и тестя (а также для тех случаев, когда тесть приходится зятю еще и дядей), а также для других родственников супругов, причем эта особенность справедлива не только для Киевской летописи, но также для Новгородской первой и Галицко-Волынской летописей. Никаких дополнительных указаний на причину, по которой в диалогах были выбраны именно обращения «отец», «сын», например, рассказ о заключении соглашения, связанного с использованием этих терминов, или другие подробности, в тексте повествования не приводится, по всей видимости, они и не были нужны.

Как видно из диалогов Изяслава Мстиславича и Гезы II, «отцом» мужа сестры может называться не только родной отец жены (т.е. тесть), но и ее старший брат, и в этом случае к нему возможно еще и обращение «брат». Первым высказал предположение что термин «отец» в летописях использовался Рюриковичами к старшему брату жены С. М. Соловьев⁵¹⁰, однако он объяснял его употребление тем, что тем, что муж «переходил» в род жены, что совершенно невозможно принять для отношений венгерского короля Гезы II и русского князя Изяслава Мстиславича. Как и слова, обозначающие дядю и племянника, термины «зять» и «тесть» никогда не используются в качестве обращений в Киевской летописи.

Таблица 4. Термины «отец», «сын» в обращениях между родственниками супругов в Киевской, Лаврентьевской и Галицко-Волынской летописях

Исторические лица	Реальная родственная связь	Обращение
Изяслав Мстиславич и Геза II	Старший брат жены и муж младшей сестры	«Отец» (старший брат жены), «брат»; «сын» (супруг младшей сестры) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407, 408, 450, 444, 446, 448, 450–451, 452)
Рюрик Ростиславич и Роман Мстиславич	Зять и тесть (а также двоюродный дядя и племянник)	«Отец» и «сын» (ПСРЛ. Т. 2 Стб. 684)
Мстислав Мстиславич и Ярослав Всеволодич (НПЛ)	Зять и тесть	«Сын» (зять – Ярослав) (НПЛ. с. 54)

⁵¹⁰ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. С. 14.

Мстислав Мстиславич и Даниил Романович (ГВЛ)	Зять и тесть	«Сын» (зять – Даниил) (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 752)
Котян и Даниил Романович (ГВЛ)	Дед жены	«Отец» (Котян) (ПСРЛ. Т. 2, стб. 753).
Роман Михайлович и Владимир Василькович (ГВЛ)	Тесть и зять	«Господин отец» (Роман) и «сын» (Владимир) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 874).
Владимир Глебович (сын Глеба Юрьевича) – Святославу Всеволодичу (Лаврентьевская летопись)	Дядя жены и муж племянницы	«Отец» (ПСРЛ. Т.1. Стб. 395)

Обращаясь к приведенным выше таблицам, можно видеть, что принципы использования терминов «отец», «сын» между дядей и племянником, а также между зятем и тестем в трех древнейших русских летописях: Ипатьевской, Лаврентьевской и Новгородской Первой одинаковы, однако именно на центральную часть Ипатьевской летописи – Киевскую приходится наибольшее число примеров.

Существенной разницей между рассмотренными двумя группами случаев использования обращений в диалогах является то, что в прямой речи дяди и племянника столь же часто, как и слова «отец» и «сын», употребляется термин «брат»: по-видимому, его применение уместно в ситуациях, когда возраст князей был примерно одинаков. Для зятя и тестя таких обращений летопись не зафиксировала, однако слово «брат» использовал в своих посланиях старший брат жены, т.е. в этикетке обращений возможна и асимметрия (см. первый пример в таблице №4).

Типичную ситуацию, когда племянник называет дядю «братом», можно видеть сразу после начала правления в Киеве Мстислава Изяславича, когда под подозрение в проведении враждебной политики попадает его младший (единокровный) дядя, Владимир Мстиславич («Матешич», сын мачехи). Диалог между князьями происходит в Печерском монастыре, причем князья находились в разных кельях, а послания передавались через послов (речи Владимира передавал дьяк Имормыж, чья функция имела важное юридическое значение: помимо носителя информации, он выступал свидетелем достоверности посланий и гарантом выполнения обязательств⁵¹¹. Выбор обращения представлялся логичным, так как возраст князей был приблизительно одинаков и оба они в течение длительного времени тесно взаимодействовали фактически на равных в политической коалиции отца Мстислава, Изяслава.

⁵¹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 535.

Как мы упоминали во второй главе, это обращение постоянно использовалось в диалогах Изяслава Мстиславича и его троюродных дядьев Изяслава и Владимира Давыдовичей, чем достигался эффект усиления идеи равных позиций участников в переговорах.

Термин «брат» широко использовался не только в обращениях между дядей и племянником, но и между двоюродными и троюродными братьями, просто дальними родственниками, которые могли быть как союзниками, так и противниками, но чаще всего так называли друг друга братья разных степеней родства и правители, связанные узами свойства.⁵¹²

Например, Изяслав Мстиславич, обвиняя в предательстве своего двоюродного брата, Ростислава Юрьевича, называет его «братом», подчеркивая сухой, деловой характер диалога.⁵¹³ Как и в предыдущем случае, находясь рядом (недалеко от Выдубицкого монастыря), Изяслав велит поставить княжичу шатер, куда послания Изяслава передают его мужи, что, очевидно, имело важное юридическое значение в процедуре обвинения – одновременно они являлись свидетелями малейших деталей переговоров.

3.2.1.1. Двойной термин в позиции обращения

Довольно часто в Киевской летописи встречается двойное использование терминов родства, среди этих случаев больше всего именно обращений. В такой паре, как правило, именно к слову «брат» добавлялся дополнительный элемент, например, «отец», «сын», «сват» или «господин».

Яркий пример можно увидеть, если вернуться к упомянутому выше диалогу Изяслава Мстиславича и Ростислава Юрьевича, который в своей оправдательной речи называет киевского князя «братом и отцом», акцентируя идею родства, что должно было подтвердить искренность его слов и намерений – Изяслав выделил Ростиславу города, как это должен был сделать отец, включил его в активную структуру своего военного альянса, как, опять же, поступил бы родитель, Ростислав подчеркивал, что и в самом деле воспринимает киевского князя как отца.

Хотя сын Юрия был, очевидно, младше Изяслава Мстиславича, он не мог назвать Изяслава просто «отцом», так как его родной отец был в добром здравии⁵¹⁴, но употребление

---

⁵¹² В этой работе я не рассматриваю особенности употребления в Киевской летописи термина «братья», который использовался в интересующих нас текстах еще более широко. Его изучение выходит далеко за пределы отношений Рюриковичей и политических элит в целом.

⁵¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 372.

⁵¹⁴ Это можно заключить из описания обряда Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича, разобранный ниже. Вячеслав специально упоминает о том, что отец Изяслава уже умер, и его положение может занять он сам. В летописи нет другого случая, кроме двойного обращения Ростислава Юрьевича к Изяславу, в котором другой князь назывался бы «отцом» при живом родном отце.

этого слова в паре с термином «брат», очевидно, представлялось в такой ситуации допустимым. Не удовлетворившись ответом Ростислава, Изяслав отправляет его в лодке с ближайшими людьми к отцу, а дружину и имущество оставляет в Киеве, что служит причиной развития нового витка конфликта⁵¹⁵.

Еще один интересный случай использования пары терминов: «брат и сын» можно видеть в посланиях Святослава Всеволодича Всеволоду Юрьевичу, который приходился Святославу четвероюродным братом, а также двоюродным дядей через Мстиславну – его мать. Первый раз это обращение приводится в речи князя во время конфликта, когда у Всеволода в заложниках находится сын Святослава, Глеб: «Святослав же посла попа своя ко Всеволодоу, река: «Брате и сыноу, много ти есмь добра твориль и не чаяль есмь сякого возмедья от тебе».⁵¹⁶ Послание остается без ответа, и князья разъезжаются.

После последовавшего примирения, а также заключения брака между Мстиславом Святославичем (братом Глеба) и сестрой жены Всеволода, князья организуют совместный поход на Волжскую Булгарию, инициированный Всеволодом Юрьевичем, в своей согласии на участие Святослав Всеволодич снова называет его «братом и сыном»: «...и поусти к нему сына своего Володимѣра, рекъ емоу: ‘Даи Богъ, брате и сыноу, во дъни нашѣмъ намъ створити брань на поганья’».⁵¹⁷

Для нашего исследования важно, что использование термина «брат» в Киевской летописи характеризуется не только широтой употребления, но и отсутствием устойчивых эпитетов: выражение «старший брат» встречается лишь единожды и в исключительной ситуации.⁵¹⁸

Благодаря тому, что в летописи встречается большое разнообразие обращений, мы можем выделить группы, характерные для конкретных исторических ситуаций и персонажей. Так, Изяслав Мстиславич, Изяслав и Владимир Давыдовичи и Святослав Ольгович используют в диалогах между собой краткое «брат», что, как уже говорилось, соответствует еще и договорной формуле, использованной ими при совершении крестоцелования: «быти за один брат».

В переговорах последующих лет в том же конфликте все чаще используется парные термины: Юрий Владимирович называет Изяслава «братом и сыном»⁵¹⁹, а его сын Ростислав –

---

⁵¹⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 373. Нельзя исключать, что и сам приезд Ростислава Юрьевича к Изяславу в Киев, показанный в летописи как эмоциональное решение, был задуман как попытка примирения двух Мономашичей. Как следует из дальнейших диалогов, Юрий был готов смириться с тем, что Изяслав правит в Киеве, если бы его сын также владел «частью Русских земель» (Переславлем). Там же. Стб. 366, 374, 380.

⁵¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 619.

⁵¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 625.

⁵¹⁸ Там же. Стб. 323

⁵¹⁹ Там же. Стб. 380.

«братом и отцом»⁵²⁰. При описании событий третьей четверти XII века в диалогах Рюрика Ростиславича, Святослава и Ярослава Всеволодовичей и Всеволода Юрьевича используются термины «брат сват», а также «брат сын». Таким образом, можно констатировать, что летописью зафиксирован определенный виток развития дипломатического этикета, который стремительно расширялся в середине XII века – в статьях 1146 – 1152 (6654 – 6660) годов Киевской летописи, значительно видоизменился в описании событий в статьях 1174 – 1196 (6682 – 6704) годов, а авторы летописных текстов XIII века уже не приводят такие устойчивые сочетания в диалогах.

Как было рассмотрено в параграфе 1.2, при интерпретации отдельных пластов Киевской летописи исследователи часто предполагали, что целью составления того или иного эпизода являлось «выдвижение» своего князя и одновременно «принижение» его союзника или конкурента, для чего автор и использует родовую лексику, которая должна наглядно продемонстрировать неравенство двух исторических лиц⁵²¹. Однако летописные примеры скорее опровергают любые предположения такого рода: «братом» в летописях домонгольского периода может называться и младший, и равный, и занимающий более высокую (или несоизмеримую позицию) правитель, причем не всегда находящийся тем, кто использует такое обращение, в мирных отношениях, как это предполагал Я.А. Голяшкин, считавший что «братом» мог называться «просто союзник»⁵²². Например, «братом» именуется Изяслав Мстиславич венгерского короля Гезу II, а к самому киевскому князю использует обращение «брат» галицкий князь Владимир Володаревич, бросая ему вызов и начиная новый виток конфронтации.

При помощи использования слова «брат», одиночно или в паре с другим термином родства, летописец показывал индивидуальные, персонифицированные черты договорного языка Рюриковичей, делал усиленный акцент на родстве или подчеркивал деловой, отстраненный характер отношений в данный момент, что, как можно судить, соответствовало в той или иной мере реальному отражению действительности. Конечно, частое использование термина «брат» в диалогах исторических лиц, стоявших на пороге конфликта, проводило авторскую линию восхваления братолюбия и порицания княжеских распрь, однако ею нельзя объяснить рассмотренное нами разнообразие. Индивидуальные черты переписки разных

---

⁵²⁰ «Брате и отце, ако ни в оумѣ своемъ, ни на сѣрдци ми того не было». ПСРЛ. Т. 2. стб. 373. В свою очередь Изяслав называет его просто «братом» (Там же. Стб. 372), что характерно для обращений между двоюродными братьями в равной степени, как и между родными.

⁵²¹ Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век. С. 70;

Юрасовский А.В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи. С. 193–194.

⁵²² Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси. С. 246.

князей, которые очевидны при сравнении различных хронологических пластов летописи, могут служить релевантным критерием для анализа отдельных частей текста Киевской летописи и ее отличий от других текстов.

3.2.1.2. Асимметрия использования родовой лексики

Стратегия каждого политического лидера в реалиях XII века, как она представлена в летописи, показывает постоянное поддержание очень тонкого баланса между собственными властными амбициями и необходимостью мирного взаимодействия, что и нашло отражение в виртуозном применении родовой лексики в качестве обращений. Этикетные рамки их употребления среди членов одной семьи (тестю или дяде следует говорить «отец», двоюродному или троюродному брату – «брат») не ограничивали полностью их применение, оставляя свободу индивидуальному стилю.

Отсутствие жестких «механических» правил применения этих терминов нашло проявление в том, что они порой использовались князьями асимметрично, а характер употребления обращений менялся со временем. Например, Геза II называл Изяслава Мстиславича «отцом», на что киевский князь в течение длительного времени отвечал «брат», но затем начал использовать термин «сын». Юрий Владимирович часто обращался к Изяславу «брат и сын», на что Изяслав отвечал ему одинарным термином «брат».

В первом случае, ситуация, как ее представляет летописец, такова: на начальном этапе взаимодействия правителей, Геза II поддерживает Изяслава военными силами, не участвуя самостоятельно в боевых действиях – в послании венгерскому королю Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович говорят, что получили такую помощь, которую могут только «откупить главою своею».⁵²³ Асимметрия в использовании родовой лексики здесь является отражением именно этой ситуации: венгерский король вкладывает в обращение «отец» часть экспрессии своего щедрого жеста (он поддерживает киевского князя словно родного отца), в то время как Изяслав, для которого эта помощь, вероятно, имела действительно очень большое значение,⁵²⁴ использует более универсальный и распространенный термин «брат», подчеркивая деловой характер взаимодействия, что довольно элегантно контрастирует с беспрецедентной широтой и разнообразием риторических формул⁵²⁵ в его посланиях к Гезе. Эта манера использования риторического договорного языка похожа на ту, которая прослеживается при его

---

⁵²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 420–421.

⁵²⁴ Стремясь удержать Киев, Изяслав Мстиславич посылает к целому ряду иностранных правителей: к Пястам, Арпадам и Пржемысловичам, однако, как ситуацию показывает Киевская летопись, реальная военная помощь приходит лишь со стороны Гезы II.

⁵²⁵ Они были подробно рассмотрены во второй главе.

взаимодействии с Изяславом и Владимиром Давыдовичами несколько ранее: он также использует обращение «брат» и множество устойчивых оборотов, но теперь уже с преимущественно военной риторикой.

Если бы, приглашая в русские земли венгерское войско для борьбы за Киев, Изяслав еще и назвал короля «сыном», то это могло сместить в сторону короля баланс сил – зависимость киевского князя от помощи стала бы слишком очевидна после этого личного обращения, которое, как было сказано выше, слышали и горожане, и другие князья, и их послы. В отличие от «брата», позиция «сына» более ассоциировалась с передачей наследства (вступая в Киев после Всеволода Ольговича и вопреки воле последнего Изяслав говорил дружине, что Всеволод был ему «в отца место») и совместным правлением (достаточно вспомнить договор «быти отцом и сыном» правивших вместе в Киеве Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича), чего Изяславу, конечно, хотелось избежать.

Именно поэтому он подчеркнуто именуется не только венгерского короля, но и всех европейских правителей, к которым посылал за помощью, «братьями», что даже позволило летописцу объединить их в записи.⁵²⁶ Приглашая иностранные войска в Киев, он подчеркивал дистанцию между собой и представителями других правящих династий, чтобы показать (не только союзникам, но и свидетелям переговоров), что он контролирует ситуацию и приглашенные союзники не вправе претендовать на что-то большее в русских землях, кроме военной помощи в ответ.⁵²⁷

Затем, во время совместного похода на Владимира Володаревича, ситуация меняется сразу по нескольким пунктам. Во-первых, на этом этапе их объединяет общий неприятель: если Юрий был личным врагом Изяслава, то галицкий князь был противником и для Гезы II и для Изяслава Мстиславича. Во-вторых, взаимодействие союзников становится близким, так как теперь уже король сам принимает участие в походе (хотя княжеские «речи» по-прежнему передают через послов, венгерский король и киевский князь находятся в непосредственной близости), Изяслав – больше не один из претендентов на Киев, а его законный правитель, победивший всех конкурентов.

В этой ситуации киевский князь несколько раз называет своего иностранного союзника «сыном», и обращения становятся комплементарны друг другу, что подчеркивает и более тесный характер взаимодействия, отвечающий интересам сторон. Так формируется союз

---

⁵²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 385.

⁵²⁷ Летописец сообщает о том, что киевляне были обеспокоены приходом венгров. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 386. В конце XII – начале XIII веков венгерские короли претендовали на Галич, а королевичи Коломан и Андрей Венгерский правили в нем.

равноправных на основании общих интересов: теперь и сам Изяслав отчасти помогает Гезе II, и ни о каком присутствии венгерских войск в Киеве нет речи.

Как уже упоминалось, перед нами одна из уникальных ситуаций, в которой все перечисленные термины, использованные в качестве обращений, находят объяснение и в речи самого Изяслава (с дядей и союзником Вячеславом), где он говорит, что венгерский король сделал ему только то, что может сделать отец сыну или брат отцу – эта фраза знаменует рубеж между первым и вторым этапами взаимодействия.

Благодаря подробному описанию этих событий в Киевской летописи можно увидеть, насколько пластично используются термины родства, и как сильно их употребление меняется в зависимости от характера ситуации даже между одними и теми же лицами за небольшой хронологический отрезок. Важно отметить и то, что, хотя семейный этикет предполагал следование определенным правилам в использовании обращений, князья имели достаточно возможностей для того, чтобы вложить определенную направленность в свой выбор, они могли использовать и парные термины, и асимметрию в использовании. Летописец, зафиксировавший этот этап развития переговоров правителей в его динамике, был склонен к детализации, но избегал тенденциозности.

Схожую схему использования родовой терминологии можно увидеть в другом летописном эпизоде. Юрий Владимирович называет своего племянника Изяслава Мстиславича «сыном и братом» в посланиях с мирными предложениями: двойной термин усиливает здесь идею родства, подчеркивает, что автор надеется на взаимодействие, которое присуще членам одной семьи. Но при этом акцент на собственном великодушии здесь ощущается столь же явственно, однако это экспрессия уже другого характера, чем в посланиях венгерского короля – Юрий Владимирович скорее стремился показать собственный вес и значимость, «разрешая» Изяславу занять Киев и «отказываясь» от борьбы за столицу. Изяслав и в этой ситуации и в дальнейшем употребляет в посланиях к суздальскому князю только слово «брат», подчеркивая, в свою очередь, деловой и отчужденный характер взаимодействия и не поддерживая линию, начинаемую дядей: «братом и сыном» он не становится.

3.2.1.3. Обращения в Галицко-Волынской летописи (сравнительный аспект)

При сравнении лексики Киевской и Галицко-Волынской летописей, обращает на себя внимание резкое увеличение в последней разнообразия терминологии, связанной с родством и властью, причем можно отметить, что для каждой части летописи характерен свой арсенал терминов родства, что является прямым следствием ее составного характера. Многие слова и устойчивые словосочетания появляются здесь впервые в истории русского летописания, другие,

хотя и использовались ранее, но исключительно редко: «братучадие», «братучадо», «оужика», «кум», «своаяк», «свесть»⁵²⁸.

Термины родства в Галицко-Волынской летописи столь же активно используются в диалогах между свойственниками (чаще всего между зятем и тестем) в позиции обращения, причем в равной степени и в галицкой, и в волынской ее частях. Так, например, Даниил Романович обращается к деду своей жены – Котяну, называя его «отцом»:

«...а Павла своего посла ко Котяневи, река: “Отъче, измяти воиноу сю, приими мя в любовь собѣ”»⁵²⁹.

Тесть Даниила Романовича, Мстислав Мстиславич называет его «сыном»:

«Даниль же посла Дъмьяна ко тести своемуу, река емоу: “Не подобаетъ Пиняномъ держати Черторьиска, яко не могуу имъ терпѣти. Дъмьянови же повѣстящоу с нимъ: “Сыноу, сгрѣшихъ не давь тобѣ Галича, но давь иноплемьникоу”»⁵³⁰.

В волынской части Галицко-Волынской летописи в статье 6782 (1274) года рассказывается о том, как Владимир Василькович, приглашая отца своей жены, своего тестя, Романа Михайловича, обращается к нему «господин отец» и слышит в ответ «сын»:

«Приѣха Олегъ въ Володимеръ ко своей сестрѣ. Володимеръ бо зовяше тогда тестя своего по великоу, тако река: “Господине отъче, поедь побоудешъ во своемъ домоу и дщери своей здорвье видишь”. Романъ же отопрѣся емоу, тако река: “Сыноу мои Володимероу, не могуу от рати своей ѣхати, се хожю в земли ратной, а кто ми доправитъ рать мою домовъ а се в мое мѣсто сынъ мои Олегъ ать ѣдѣтъ с тобою”. И цѣловавшася, и тако поѣхаша во свояси»⁵³¹.

Эти диалоги дают существенный для анализа «речей» Киевской летописи сравнительный материал. Во-первых, приглашение Владимира Васильковича не является политическим жестом, а носит приватный, семейный характер (что показывает и иную, более ориентированную на описание личной жизни правителей позицию самого летописца), поэтому здесь принцип использования этикетных обращений «отец», «сын» в диалогах зятя и тестя

---

⁵²⁸ Лавренченко М.Л. Родство и власть в языке Галицко-Волынской летописи // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Olomouc, 2016. С. 33–46.

⁵²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 732. О браке Даниила Романовича с Анной, дочерью Мстислава Удатного и внучкой Котьяна – в работе Д. Домбровского: Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. СПб., 2015. С. 324.

⁵³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 752. Так же в Новгородской Первой летописи он называет своего другого зятя – Ярослава Всеволодовича: «Сыну, кланяю ти ся; муж мой и гость пусти, а самъ съ Торожьку поиди...» НПЛ С. 54. Именно родство Даниила Романовича с Мстиславом Мстиславичем является одним из наиболее существенных аргументов того, что после Липицкой битвы Мстислав Мстиславич не вернул Ярославу Всеволодовику его жену, а свою дочь – иначе был бы невозможен брак Андрея Ярославича с дочерью Даниила Романовича как слишком близкий с канонической точки зрения. Домбровский Д. Из исследований генеалогии смоленских Ростиславичей: была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского (возвращение к проблеме) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2 (24). С. 22.

⁵³¹ Там же. Стб. 874.

наиболее очевиден. Во-вторых, можно отметить ряд отличий в том, как именно используются эти обращения: в «речи» Владимира к термину «отец» добавляется слово «господин» (такие случаи в Киевской летописи единичны, например, «речь» Ростислава Мстиславича к Вячеславу Владимировичу), а Олег использует в обращении личное имя в паре с термином «сын».

В диалогах дяди и племянника Галицко-волынкой летописи впервые появляются обращения «стрый» и «сыновец», которые просто невозможно представить на этой позиции в многочисленных княжеских «речах» Киевской летописи, например, Юрий Львович так говорит Владимиру Васильковичу:

«Володимиръ же... нача наряживати рать на Болеслава и ко сыновцю своему Юрєви посла, помочи прося. Сыновечъ же емоу тако рече: “Строю мои, радъ бѣхъ и самъ с тобою шель, но нѣколь е мь (X. П. нѣколи ми) ѣдоу, господине, до Соуждали жениться, а со собою поймаю не много людии, а се вси мои людье и боярѣ Богу на роуцѣ и тобѣ, а коли ти боудеть любо тогда с ними поиди”».⁵³²

В подробном изложении просьбы двоюродного племянника Юрия Львовича к дяде, Владимиру Васильковичу, о городах, где затрагивается также и конфликт с родным отцом, используется строго обращение «стрый», а отцовство Василько упоминается лишь в сравнительном обороте: «Присла Юрѣи Лвовичъ посоль свои ко строеви своему князю Володимероу, река емоу: “Господине строю мои, Богъ вѣдаетъ и ты како ти есмь слоужиль со всею правдою своею, имѣл ты есмь аки отьца, собѣ абы тобѣ сжалилося моее слоужбы. А нынѣ, господине, отьць мои прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ оу мене города, что ми былъ далъ Белзъ, и Червень, и Холмъ, а велить ми быти в Дорогычинѣ и в Мѣлницѣ а бью челомъ Богоу и тобѣ, строеви своему – даи ми, господине, Берестии (и) то бы мь (ми) с полоу было”.

Володимеръ же рече послоу: “Сыновче, рци – не дамъ, вѣдаешъ самъ...”»

В отличие от Киевской летописи, где в обращениях используются термины родства «отец», «брат», «сын», в Галицко-Волынкой летописи на эту позицию проникают и другие термины: помимо «сыновче», «строю» – «свояче»⁵³³ «коуме»⁵³⁴. Жесткость этикета сохраняется только для использования слов «отец», «сын» в диалогах зятя и тестя (или другого родственника жены), а в переговорах дяди и племянника использование родовой лексики менее регламентировано, что может быть свидетельством как забвения прежних традиций, так и их отсутствия в юго-западных землях.

---

⁵³² Там же. Стб. 883–884.

⁵³³ «Болеславъ князь присла посоль свои к Василкови Григоря пробоща Люблиньского тако река: “Свояче, соимевѣся”. Василко рече: “А я радъ!”» ПСРЛ. Т. 2, стб. 865.

⁵³⁴ «... и посемь Левъ приѣха к немуу в манастирь и поча молвити Воишелкови: “Коуме, напимся!” и начаша пити». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 868.

Галицко-Волынская летопись содержит лишь единичные примеры использования парных терминов родства в ее галицкой части. Они употребляются в близких ситуациях, но, как правило, уже не в позиции обращения, а в качестве указания (использование таких оборотов в Киевской летописи будет рассмотрено в следующем параграфе), меняется и сам лексикон таких пар, что особенно заметно в ее галицкой части. Например, в известном послании венгерского короля Даниилу Романовичу 6762 (1254) года появляется сочетание «ужика и сват»: «Потом же посла к Данилови рекыи: “оужика ми и свать еси, помози ми на Чехы”». ⁵³⁵ Схожий двойной термин можно видеть и в статье 1257 (6765) года, где герцог Австрии Пржемысл Отакар II говорит Роману Даниловичу: «остави короля Оугорьского, яко оужика ми еси и своякь» ⁵³⁶. Как видно, здесь проявились совсем другие индивидуальные предпочтения исторических лиц.

В этой летописи ⁵³⁷ как и в Киевской и Лаврентьевской летописях, обращение «отец и господин», все чаще встречается в конце XII – начале XIII веков. В целом, Галицко-Волынская летопись, продолжающая Киевскую в Ипатьевском своде, показывает, что термины родства в роли обращений используются здесь согласно тем же принципам, что и в интересующем нас источнике. При этом волынская часть показывает большую близость, а галицкая, наоборот, меньшую – в ее тексте появляется множество новых терминов, а на позицию обращения в диалогах дяди и племянника попадают термины «стрый» и «сыновец». Как можно видеть, даже незначительное хронологическое и территориальное отдаление от интересующего нас контекста выявляет целый ряд существенных изменений. Такое сравнение дает все больше данных для того, чтобы утверждать исторический характер составления Киевской летописи.

Говоря о позднейших эпохах, важно подчеркнуть (при всей осторожности использования хронологического сравнительного материала), что традиция употребления терминов близкого родства в качестве обращений к более широкому кругу родственников и свойственников находит подтверждение в более поздних материалах петровского времени ⁵³⁸.

3.2.2. Указание на родство в составе используемых в прямой речи устойчивых оборотов

Для центральных пластов Киевской летописи характерны различные обороты, дополнительно указывающие на искусственное родство и подчеркивающие близкие отношения,

---

⁵³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 821.

⁵³⁶ Там же. Стб. 836. *Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana)* / Ed. by D. Dąbrowski, A. Jusupović (Monumenta Poloniae Historica; Series nova 16). Kraków; Warszawa, 2017. P. 379.

⁵³⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 863, стб. 884, стб. 912, стб. 904, стб. 906.

⁵³⁸ Согласно исследованию бытовой переписки А. Г. Кречмер, бедность репертуара обозначений родства объясняется именно «полисемантической и полифункциональностью» номинации братец/сестрица, тетушка/дядюшка, дедушка/бабушка, которые «используются для номинации как ближайших кровных родственников, так и дальних и даже свойственников (например, сестрица для обозначения золовки/невестки). Кречмер, А. Г. Человек и социум на Руси XVII–XVIII вв. (по материалам частной переписки) С. 40.

это фразы: «Как N мнѣ сын/отец, так и ты», «мнѣ n, а вамъ m так говорит...», где N – имя, n, m – «отец», «брат», «сын». Наибольший интерес представляет первый тип формулировок, так как он наиболее близок рассмотренным нами во второй главе риторическим формулам княжеских договоров и являлся столь же важной частью общего языкового арсенала союзнических формулировок.

Симптоматично, что три случая использования этого выражения приходятся на конфликт Изяслава Мстиславича и Юрия Владимировича. Такой тип формулировок используется наиболее широко в диалогах брата Изяслава, Ростислава, и Вячеслава Владимировича, уже после смерти самого Изяслава Мстиславича в 1154 (6662) году. Именно это событие и послужило причиной повтора договоренностей, заключенных еще при его жизни. Вячеслав говорит Ростиславу: «Сыну, даю тобѣ, якоже братъ твои держаль и рядиль, тако же и тобѣ даю, а ты мя имѣи отцьмъ и чьсть на мнѣ держи, якоже и братъ твои, Изяславъ, чьсть на мнѣ держаль и отцьмъ имѣль».⁵³⁹ Ростислав Мстиславич отвечает Вячеславу: «велми радъ, господине отче, имѣю тя отцьмъ господиномъ, якоже и братъ мои Изяславъ имѣль тя, и въ твоеи воли бълъ».⁵⁴⁰ Любопытно, что речевые обороты этого обещания поддерживает линию, начатую еще в разгар совместной борьбы против Юрия: «како мнѣ сынъ, братъ твои Изяславъ, тако ми ты»⁵⁴¹. Однако Ростислав привнес новое для диалогов Мономашичей обращение «господин отец», характеризующее, вероятно, его личные предпочтения и ориентацию на книжную лексику.⁵⁴²

Схожее выражение употребляет Вячеслав и по отношению к Святославу Всеволодичу, упоминая при этом Ростислава Мстиславича: «Вячеславъ же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «ты еси Ростиславу сынъ любимьи, тако же и мнѣ, а поеди сѣмо ко мнѣ»⁵⁴³.

Ощувив серьезную потерю, выстроенная социальная система стремится нарастить дополнительные связи между существующими элементами, которые должны заполнить образовавшуюся пустоту. Подчеркнем, что три очень близкие формулировки, имеющие

---

⁵³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 470–471.

⁵⁴⁰ Там же.

⁵⁴¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 422.

⁵⁴² О эпистолярных ориентирах обращения «господин»: Факкани Р. *Graeco-Novgorodensia. I* (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М. 1999, с. 335–336. Вилкул Т. Л. Княже-господине // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. С. 19–24. Впервые в летописи такое обращение звучит в статье 6657 (1149), в словах Андрея Юрьевича, обращавшегося к своему отцу Юрию Владимировичу, в них он апеллирует к библейским заповедям, так что книжная ориентация в этом эпизоде столь же очевидна. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392.

⁵⁴³ Там же. Стб. 470.

одинаковую структуру, содержатся в диалогах одной группы лиц, их различия отражает динамику развития самой политической ситуации, а индивидуальные особенности соответствуют исторической характеристике персонажей, например, «книжная» ориентация Ростислава. Эти обороты наиболее близки договорным формулам, рассмотренным во второй главе, при этом летописец не говорит ни слова о самом ритуале целования креста. Это и не удивительно, так как речь идет не о создании нового союза, а о продолжении существующего, основная направленность таких соглашений – поддержание преемственности отношений⁵⁴⁴.

Еще два близких случая относятся к тому же конфликту. Во-первых, это слова Глеба Юрьевича к Изяславу Мстиславичу в момент, когда он стремился дистанцироваться от конфликта Изяслава и своего родного отца и выиграть время для себя: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць»⁵⁴⁵. Здесь интересующий нас устойчивый оборот показывает его желание выйти из числа участников противостояния и апеллировать к родственным отношениям, обеспечивающим покровительство старшего Рюриковича по отношению к младшему.

Политически близкая ситуация возникает у сына другого противника Изяслава – Ярослава Владимировича. Он также попадает в острую фазу конфликта из-за предшествующих действий своего отца, будучи к ней неготовым. Оказавшись наедине с могущественным противником, он использует схожую формулировку, но значительно ее расширяет и наполняет сравнениями: «ныне, отьче, кланяю ти ся, прими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене: ать ездить Мьстиславъ подлѣ твои стремянь по одной сторонѣ, тебе а язъ по другои сторонѣ подлѣ твои стремянь ѣждю съ всѣми своими полкы».⁵⁴⁶ Здесь интересующий нас устойчивый оборот помогает показать, какой именно статус хочет получить Ярослав. Как и в предыдущем случае, он апеллирует к общим родственным связям, объединявшим всех Рюриковичей.

Формулировка, которую использовал сын Ростислава, Рюрик, в примирительной речи к племяннику и одновременно зятю, предлагая мир и новое крестное целование несколько позже в статье 1195 (6703) года, похожа, однако в одном аспекте существенно отличается: положение Романа сравнивается не с другим лицом, а с его же позицией до конфликта: «и сыномъ имѣю собѣ, якоже и первое имѣль».⁵⁴⁷ Здесь также формула служит построению отношений, основанных на преемственности отношений.

---

⁵⁴⁴ В Киевской летописи можно увидеть схожую по смыслу фразу в ответе Юрия Владимировича его племяннику Владимиру Андреевичу: ««язъ... хрьсть цѣловаль на томъ, яко кто ся наю останеть, то тьи будеть обоимъ дѣтемъ отьць» (По сути Юрий обещал стать *таким же* отцом, как Андрей). ПСРЛ. Т. 2. Стб. 487–488.

⁵⁴⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 395.

⁵⁴⁶ Там же. Стб. 465.

⁵⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688.

Таблица 5. Сравнения в указаниях на искусственную родственную связь в составе прямой речи.

Цитата	Исторические лица	Реальная родственная связь
«...ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 395).	Глеб Юрьевич – Изяславу Мстиславичу	Двоюродные братья
«...како мнѣ сынъ братъ твои Изяславъ, тако ми ты» (ПСРЛ. Т. 2 Стб. 422) ⁵⁴⁸ .	Вячеслав Владимирович – Ростиславу Мстиславичу	Племянник (сын брата)
«...ты еси Ростиславу сынъ любимъи, тако же и мнѣ» (ПСРЛ. Т. 2 Стб. 470).	Вячеслав Владимирович – Святославу Всеволодичу	Святослав Всеволодич – сын племянницы (Мстиславны) Вячеславу и племянник (сын сестры) Ростиславу
«...и сыномъ имѣю собѣ, якоже и первое имѣль» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 688).	Рюрик Ростиславич – Роману Мстиславичу	Зять и тесть, одновременно двоюродный дядя и племянник
«...прими мя яко сына своего Мьстислава, такоже и мене: ать ездить Мьстиславъ подлѣ твои стремя по одной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твои стремя ѣждю съ всѣми своими полкъы» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 465).	Ярослав Владимирович – Изяславу Мстиславичу	Троюродный племянник – дяде.

⁵⁴⁸Любопытно, что по наблюдению А.А. Зализняка, эта фраза отличается от основного массива княжеских диалогов Киевской летописи, т.к. содержит «мнѣ» в первой части вместо «ми», т.е. здесь вероятна эмфаза. Зализняк А.А. Древненовгородские энклитики. С. 137–138.

В этих примерах проявляется характерная для диалоговой части Киевской летописи любовь к персонификации конструируемых отношений – Ярослав не просто ставит себя на место «сына», но и называет по имени сына Изяслава Мстиславича – Мстислава, Глеб не просто именуется «отцом» Изяслава, но и сравнивает его с Юрием. Схожую любовь к использованию конкретных имен в построении новых отношений можно видеть и в Галицко-Волынской летописи, где Мстислав Данилович (родной сын Даниила Романовича) говорит двоюродному брату Владимиру Васильковичу: «ты же ми братъ, ты же ми отьць мои, Данило король»⁵⁴⁹.

Близкие формулировки можно найти в соглашениях между князем и горожанами в Киевской летописи, так, например, Игорь Ольгович, желая получить поддержку в Киеве после смерти Всеволода Ольговича в статье 1146 (6654) года, посылает к Улебу и Ивану Войтишичам – боярам, лояльным его покойному брату, со словами: «како еста была оу брата моего, тако же боудете оу мене». Одному из них он предлагает должность тысяцкого теми же словами: «а Оулѣбови рече: “держи ты тысячу, какъ еи оу брата моего держаль”».⁵⁵⁰ Хотя П.С. Стефанович, рассматривая этот эпизод, подчеркивает, что переход бояр на службу Игорю осуществился устно и без какого-либо обряда⁵⁵¹, учитывая устойчивый характер этого типа формулировок, возможно, ключевой была именно эта ритуальная его составляющая (она отсылала к договорам такого типа). Схожесть слов, скреплявших договоры княжеских и боярских соглашений, показывает общую горизонтальную направленность внутренней политики элит домонгольского периода, а широкий диапазон распространения обеспечил узнавание и попадание в рукописный источник.

Уподобление Владимира Васильковича королю Даниилу по сути и по структуре близко обращению новгородцев к Изяславу Мстиславичу, содержащему упоминание его отца и деда: «ты нашъ кнѣзь, ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мъстиславъ» (здесь место термина родства занимает термин, обозначающий статус – «князь», однако отношения в определенной мере уподобляются родственному покровительству)⁵⁵². По существу и по форме эти две фразы мало чем отличаются от тех, что приведены в таблице выше, хотя и относятся к другим сферам.⁵⁵³ В данных эпизодах не просто происходит сравнение конструируемых связей с отношениями, которые были сформированы с уже умершими лицами, но собеседники напрямую называются

---

⁵⁴⁹ Там же. Стб. 912.

⁵⁵⁰ Там же. Стб. 324.

⁵⁵¹ Стефанович П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда. // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 148–269.

⁵⁵² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370.

⁵⁵³ Т.е. фраза «...ты же ми отьць мои, Данило король» по сути обозначает то же, что и «каким *был* отцом Даниил Романович, таким *будешь* и ты».

их именами, что придает формулам несколько иной символический контекст: не только укрепление новых социально-политических связей по уже сформированному трафарету, но и личная, практически «биологическая» преемственность с прошлым.

Акцент на реальном или искусственном родстве в диалогах порой сделан более простым способом, как своего рода маркированная родовая идентификация при упоминании известного всем участникам третьего лица. Например, в словах Мстислава Изяславича Владимиру и Изяславу Давыдовичам о его родном отце Изяславе Мстиславиче: «братъ ваю, а мои отьць тако рекль...»⁵⁵⁴ Еще в одном эпизоде Рюрик Ростиславич в диалоге с Всеволодом Юрьевичем говорит о Мстиславе Романовиче (одному князю он приходился племянником, а другому – зятем): «нынѣ же, брате, и моему сынови и твоему Мьстиславоу тако ся потъкло, ажъ вязить оу Волговичь.»⁵⁵⁵ Данные конструкции словно помещают человека в социальную микросхему, определяющую актуальные на момент конфликта положительные связи.

Таблица 6. Случаи усиления родовой идентификации в диалогах Киевской летописи (кровное родство выделено курсивом, вторичное использование термина родства – обычным шрифтом)

Цитата	Исторические лица	Реальная родственная связь
« <i>братъ ваю, а мои отьць</i> тако рекль» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 331).	Мстислав Изяславич – Владимиру и Изяславу Давыдовичам	Племянник – троюродным дядьям
«отьцю моему <i>и своему брату</i> поклонившись Изяславу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 407).	Геза II – Владимиру Мстиславичу о Изяславе Мстиславиче	Муж – о брате жены (в обращении к их общему единокровному брату)
«оуведи мя в <i>любовь къ строеви моему</i> и своему сватоу Дюргеви» (ПСРЛ. Т. 2. стб. 391)	Изяслав Мстиславич – Владимиру Володаревичу о Юрии Владимировиче	Племянник – о дяде (к его свойственнику и своему четвероюродному брату)
«поѣдте ко своему королеви, а к нашему зятю» (ПСРЛ. Т. 2. стб. 420)	Изяслав Мстиславич – венгерским воинам	Брат сестры – о ее муже
«нынѣ же, брате, <u>и моему</u> »	Рюрик Ростиславич	Дядя о племяннике в

⁵⁵⁴ Там же. Стб. 331.

⁵⁵⁵ Там же. Стб. 695.

сынови и твоему Мьстиславоу тако ся потькло, ажъ вязить оу Волговичь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 695).	Всеволоду Юрьевичу о Мстиславе Романовиче	обращении к его свату (отцу мужа дочери)
--	--	---

Очень любопытен еще один пример, где указание на третье лицо с упоминанием родственной «микрогруппы» разбито в послании договорной формулой, которая, как мы рассмотрели выше, также подчеркивает обязательства каждого из участников событий. Речь идет о послании Романа Мстиславича Рюрику Ростиславичу в Лаврентьевской летописи, где он называет Всеволода своим «отцом господином» (Всеволод приходился Роману двоюродным дедушкой, близким по возрасту его отцу, Мстиславу) и «сватом Рюрика»: «и рече Романъ к Рюрикови: «То оуже еси кръсть целоваль? Пошли ты моужа своего ко свату своему, а я слю своего моужа ко отьцю и господину великому князю Всеволоду»⁵⁵⁶. В этих пластах Лаврентьевская летопись приближается по особенностям изложения к Киевской летописи: и указание на родство, и формула соглашения подчеркивают воинский характер послания в характерной для Киевской летописи манере. Любопытно, что обращение «отец и господин» (или «отец господин») можно видеть в посланиях от многих князей и горожан именно к Всеволоду Юрьевичу – очевидно, что именно так союзники чаще всего и обращались к этому князю, в то время как обращение «сват» (или «сват брат») наиболее характерно для обращений Рюрика к ближайшим сподвижникам в том числе и к Всеволоду. Приведенные выше наблюдения трудно объяснить иначе, кроме как исторической достоверностью посланий, ведь для того, чтобы сконструировать подобные обороты, летописцу пришлось бы провести значительный текстологический анализ и применить немалую фантазию, а кроме того, выстроить предложение безусловно с лингвистической точки зрения.

Как можно заключить из приведенной выше таблицы, только один из рассмотренных случаев из пяти приходится на конец XII века (статья 1196 (6704) года), и еще один можно найти в этот период в Лаврентьевской летописи. Это время, когда в летописи описываются события, связанные с Рюриком Ростиславичем и его союзниками. Остальные четыре примера относятся к конфликту середины XII века (статьи 1146 (6654) года – 1151 (6659) годов) и характеризуют отношения Изяслава Мстиславича с союзниками. Сама форма рассматриваемого устойчивого оборота типа «мне х, а вам у» показывает, что использовался он преимущественно в диалогах князей, состоящих в больших коалициях, где число ключевых союзников было

⁵⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 419.

больше двух, при этом обязательства каждого должны быть упомянуты. Исторический контекст только подтверждает это предположение. Действительно, только в 1146 – 1154 годах и в середине 1190х практически все Рюриковичи были объединены в большие союзнические лагеря, а политическая ситуация была наиболее напряженной.

Более простые упоминания о третьем лице в диалогах – одиночные или парные именованья «отцом» или «братом» собеседника встречаются в различных частях и Киевской, и Лаврентьевской летописей. Таких форм значительно больше в переписке главного противника Изяслава Мстиславича – Юрия Владимировича с его сподвижниками. В сравнении с богатством политического языка Изяслава Мстиславича, бедность подобных формулировок в посланиях Юрия Владимировича и его союзников особенно бросается в глаза.

Например, в Киевской летописи союзные князья Святослава Ольговича советуют ему переместиться ближе к «отцу», Юрию Владимировичу: «они же рекоша “княже... поиди в лѣсную землю и оттоудѣ ти ся близъ слати къ отьцю своему Гюргеви».⁵⁵⁷ Вероятно, что в этой части текста содержится ошибка: если речь идет от лица Ивана Юрьевича, то написано «къ отьцю своему» вместо «отьцю моему». Если же использование данного термина было отражением реального взаимодействия князей, и налицо асимметричное использование терминов: сам Юрий употреблял в обращении к Святославу термин «брат».⁵⁵⁸ В этом нет ничего, что указывало бы на подчинённый характер отношений. Например, как мы видели, схожим образом Изяслав Мстиславич называл Гезу II «братом», а тот его «отцом», при этом оба правителя подчеркивали равенство, так же, как и венгерского король и киевской князь, в скором будущем Юрий и Святослав будут связаны узами свойства.

3.2.3. Риторика договора Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича, закреплявшего за участниками роли сына и отца

В предыдущей главе мы начали разбор риторических формул с фразы «быти за один брат», при произнесении которой на союзников словно накладывались обязательства, близкие тем, которые связывают родных братьев, мы также видели, что этот тип отношений сближается в послании князя с отношениями между отцом и сыном: «толико можетъ такъ оучинити братья роженьи, или сынъ отьцю» (хотя последние подразумевают, очевидно, более доверительное взаимодействие). Обращаясь к отношениям этого типа, то есть имитирующим связь между отцом и сыном, нужно отметить большое разнообразие их форм, при этом выделяется и особое соглашение, в результате которого участники стали «отцом» и «сыном».

---

⁵⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334.

⁵⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339–340.

Сведения о ритуале, оформившем это соглашение, проведенном между Изяславом Мстиславичем и Вячеславом Владимировичем и закрепившем за ними позиции «сына» и «отца», приведены в повествовательной части Киевской летописи дважды, что было подробно рассмотрено во второй главе. В нем есть и само предложение Изяслава дяде «стать в отца место» – оно появляется в летописи сразу после предложения мира со стороны Изяслава, о чем читателю становится известно со слов Вячеслава, обращенных к Юрию: «Изяславъ ми то молвить: «ты ми буди въ отьца мѣсто, поиди сяди же в Киевѣ».⁵⁵⁹ Далее Вячеслав уже использует к Изяславу обращение «сын» в: «аче ти мя оубити, сыноу...»⁵⁶⁰. Однако, как было продемонстрировано выше, дядя мог называть племянника «сыном» каких-либо дополнительных соглашений. Значительно более важно, что после описания крестоцелования между князьями термин «отец» появляется и в тексте повествования: «Изяславъ же поклонився святыма моученикома и отьцю своему Вячеславу, и рече ему...»⁵⁶¹.

Термины «стрыи» и «отец» соседствуют как в диалоговой, так и в повествовательной части летописи, иногда соединяясь в выражение, содержащее характерный для этой части летописи устойчивый оборот, акцентирующий родство (как рассмотренные в предыдущем параграфе): «положити чьсть на стрыи своемъ и на отьци своемъ»⁵⁶².

Как уже говорилось во второй главе, автор сообщает о двух клятвах между дядей и племянником: в первой князья публично обещают быть друг другу «отцом» и «сыном», после второй Вячеслав называет Изяслава не только «сыном», но и «братом»⁵⁶³.

Оба эпизода, повествующие о клятвах Вячеслава и Изяслава не только содержат различные, не повторяющиеся детали, но и переданы в летописи по-разному. В первом из них ключевые действия князей описаны в повествовательной части: «...и тако цѣловаста хрьсть оу святою моученику на гробѣ, на томъ – Изяславу имѣти отьцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава»⁵⁶⁴, хотя настойчивое предложение Изяслава, предваряющее сам ритуал, приведено в прямой речи: «ти молвлю: “ты ми еси отьць, а Къиевъ твой”». Во втором из этих эпизодов приведена прямая речь каждого князя, причем речь Вячеслава цитирует сказанные ранее слова Изяслава Мстиславича, приведенные в первой части⁵⁶⁵.

Важным элементом второго договора можно считать упоминание о том, что родной отец Изяслава уже мертв, также как и сын Вячеслава:

---

⁵⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 386.

⁵⁶⁰ Там же. Стб. 397.

⁵⁶¹ Там же. Стб. 399–400, 402, 417–419 и др.

⁵⁶² Там же. Стб. 422.

⁵⁶³ Там же. Стб. 399–400 и стб. 417–418.

⁵⁶⁴ Там же. Стб. 399.

⁵⁶⁵ Князь мог обращаться с этой просьбой неоднократно, но показательным, что формулировка не была изменена.

«а чо ми Богъ отьца моего Мистислава отяль, а ты ми еси отьць» (Изяслав Мстиславич),
«аже дѣши: “ты мои еси отьць”, а ты мои и сынъ! Оу тебе отьца нѣту, а оу мене сына
нѣтуть – а ты же мои сынъ, ты же мои братъ» (Вячеслав Владимирович)⁵⁶⁶.

Также летопись содержит предложение Вячеслава Владимировича к Ростиславу Мстиславичу, уже рассмотренное выше («како мнѣ сынъ, братъ твои Изяславъ, тако ми ты») ⁵⁶⁷, где указывается на то, что особые родственные отношения, связывающие Вячеслава и Изяслава, переносятся на Ростислава. Этого краткого предложения достаточно для того, чтобы Вячеслав также начал называться «отцом» по отношению к Ростиславу в тексте повествования ⁵⁶⁸, а в качестве обращений между князьями тоже начинают использоваться термины «отец», «сын», «брат, сын». После смерти Изяслава князья торжественно заключают договор о продолжении «родственных» отношений, т.е. о совместном правлении в Киеве по примеру Изяслава:

«Сыну, се оуже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити, а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твои держаль и рядиль, тако же и тобѣ даю, а ты мя имѣи отьцемъ, и чѣсть на мнѣ держи, якоже и братъ твои Изяславъ чѣсть на мнѣ держаль и отьцемъ имѣль» (Вячеслав Владимирович).

«Велми радъ, господине отьче, имѣю тя отьцмъ господиномъ, якоже и братъ мои Изяславъ имѣль тя, и въ твоеи воли былъ» (Ростислав Мстиславич)⁵⁶⁹.

Использование термина «отец» в *повествовательном* тексте летописи при описании отношений этих трех князей уникально для Киевской и других домонгольских летописей – в остальных случаях, говоря о дяде и племяннике, летописец применяет только термины «стрый», «уй» «сыновец», «сестричич». Это особое внимание автора к отношениям Изяслава, Ростислава и Вячеслава отчасти раскрывает и замысел его труда. Летописец хотел продемонстрировать действенность проведенного между Изяславом и Вячеславом обряда, показать, что в результате него не просто изменились отношения князей, но они в буквальном смысле стали новыми «отцом» и «сыновьями». Политическая необходимость в этом была очень острой, и окружающее летописца общество: другие князья и горожане могли проявить

---

⁵⁶⁶ Там же. Стб. 417–418.

⁵⁶⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 422.

⁵⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 437, 470–472.

⁵⁶⁹ Там же. Стб. 470–471. Показательно, что здесь Ростислав Мстиславич использует характерный для арсенала договоров союзников Изяслава Мстиславича оборот, который призван продемонстрировать преемственность новых и старых отношений, но при этом вставляет в него совершенно новый, «книжный» термин «господин», что отражает индивидуальные пристрастия князя (подробнее об этом – в параграфе 3.4.)

сомнение в реальности обновления статусов князей-соправителей⁵⁷⁰, и именно для того, чтобы их убедить, летописцу и понадобился его особый прием.

Эти обряды были необходимы для того, чтобы разрешить целый ряд сложностей, возникших в коалиции Изяслава. Проблема в том, что длительный конфликт середины века разделил очень близких родственников: Вячеслав и Юрий Владимировичи и Изяслав и Ростислав Мстиславичи приходились друг другу дядьями и племянниками. Чтобы выдвинуть на первый план особые отношения между лидерами этой коалиции в ситуации, где все и без того были связаны не только принадлежностью к роду Рюриковичей, но и к ветви Мономашичей, князья искусственно конструируют отношения по типу нукlearной семьи, что позволило им находиться в Киеве и принимать решения вместе. Это хорошо видно из последующего ответа Вячеслава Юрию: «Вячеславъ же рече: “Оу тебе сыновъ семь, а я ихъ от тебе не отгоню, а оу мене одина два сына: Изяславъ и Ростиславъ, а инии моложьшии суть же”»⁵⁷¹ теперь он апеллирует к связям, сформированным этим обрядом, требуя их признания. Вячеславу пришлось разъяснить брату, что благодаря этому обряду его отношения с племянниками теперь уже не были ограничены только взаимодействием в рамках «племени» Мономашичей, а становились подобны тем, которые связывают ближайших кровных родственников, имевших возможность управлять землями, вести военные действия и находиться в Киеве вместе.

Другой случай, когда в летописи фигурирует предложение «быти отцом» и «быти сыном» представлено в Новгородской Первой летописи – это предложение мира в послании Всеволода Юрьевича к Мстиславу Мстиславичу (Всеволод приходился Мстиславу двоюродным дедом). Предложение было высказано в разгар конфликта, и термины родства здесь используются перформативно, как модель будущего взаимодействия: «Ты ми еси сынъ, а язъ тѣбе – отецъ; пусти Святослава съ мужи, и всѣ, еже заседель, исправи; язъ гость пускаю и товаръ»⁵⁷².

Указание на искусственное родство здесь является частью мирного договора, его краткая форма отличается от большинства схожих случаев Киевской летописи, но вот сама формулировка близка только что рассмотренному выше предложению Вячеслава Изяславу, хотя контекст совершенно отличен. Фраза Всеволода не может быть рассмотрена как попытка показать свое доминирующее положение, так как в плену у Мстислава находится на тот момент

---

⁵⁷⁰ «Это номинальное вокняжение Вячеслава легализовало положение Изяслава, но нисколько не прекратило претензий его соперника: Юрий и его союзники по-прежнему продолжают борьбу». Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 187.

⁵⁷¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 430

⁵⁷² НПЛ. С. 51.

его родной сын – Святослав⁵⁷³. На выбор терминов, очевидно, повлияла разница в возрасте и в счете поколений Мстислава и Всеволода, а также, вероятно, заключение договоренности о будущем браке (между сыном Всеволода Юрьевича, Ярославом, и дочерью Мстислава Мстиславича), которое должно было состояться вслед за этим предложением, а, возможно, являлось его непосредственной частью.

3.2.4. Другие соглашения: «нарещи отцьмь», «имѣти отцьмь»

Близкая рассмотренному выше случаю ситуация ретроспективно раскрывается в статье 6682 (1174) года в диалогах Андрея Юрьевича и братьев Рюрика, Романа и Мстислава Ростиславичей (двоюродные дядя и племянники). В них говорится о «наречении» Андрея Ростиславичами «отцом», скрепленном крестным целованием: «Брате, въ правду ты нарекли есмы отцьмь собѣ и кръсть есмы цѣловали к тобѣ и стоимъ въ кръстьномъ цѣлованьи, хотяче добра тобѣ...»,⁵⁷⁴ «мы тя до сихъ мѣсть акы отьца имѣли по любви». При этом Ростиславичи используют к владимирскому князю обращение «брат», Андрей же вовсе избегает использования обращения⁵⁷⁵.

Возможность «наречения» отцом, по словам Я.А. Голяшкина, подчеркивает произвольный характер «отцовства», его договорную природу, связанную не с возрастным или политическим старшинством, а с признанием других князей⁵⁷⁶. Для этих эпизодов характерны обобщения группы лиц – «реципиентов». Так, в статье 6663 (1155) года рязанские князья поставили себе «отцом» Ростислава Мстиславича: «Ростиславъ Мьстиславичъ, Смоленський князь, цѣлова хрьсть съ братьею своею, съ Рязаньскими князи на всеи любви, они же вси зряху на Ростислава, имѣяхути и отцьемъ собѣ»,⁵⁷⁷ а в статье 6659 (1151) года полочане обещают «яко имети отцом» Святослава Ольговича: «прислашася Полотьчане къ Святославу Ольговичю с любовью яко имѣти отцьемъ собѣ и ходити в послушаньи его и на томъ целоваша хрьсть».⁵⁷⁸

В Галицко-Волынской летописи упоминается о «наречении» Владимира Васильковича «отцом» Войшелка⁵⁷⁹, что может быть связано как с особой формой покровительства, так и с процессом примирения Войшелка с разными линиями Романовичей – незадолго до этого он выдал свою сестру замуж за Шварна Даниловича. Можно предположить, что подобное

---

⁵⁷³ Ср. ситуацию, рассмотренную выше, где Святослав Всеволодич называет «братом и сыном» самого Всеволода, также захватившего в плен сына Святослава.

⁵⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 570.

⁵⁷⁵ Там же. Стб. 570–573.

⁵⁷⁶ Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси. С. 256.

⁵⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482.

⁵⁷⁸ Там же. Стб. 445.

⁵⁷⁹ Там же. Стб. 862–863.

«наречение» происходило и между рязанскими князьями и Всеволодом Юрьевичем, что и послужило дальнейшему именованию Всеволода «отцом господином»⁵⁸⁰ однако сам Всеволод называет рязанских князей – своих союзников – только «братьями»⁵⁸¹.

К сожалению, характер отношений, которые подразумевало такое «наречение», и его детали остаются в имеющихся у нас источниках нераскрытыми. Однако отметим следующую особенность: в статье 6659 (1151) года, находящейся в пласте текста Киевской летописи, который характеризуется подробным изложением событий, упоминание связано с второстепенным сюжетом – о дальнейших отношениях Полоцка и Святослава Ольговича больше ничего не известно. Остальные же известия приходятся на описание событий второй половины 1150х – 1170е годы, летописные статьи этого периода характеризуются краткостью, поэтому вполне вероятно, что при помощи данного оборота летописец обобщенно указывал на одну из форм, рассмотренных выше, но не вдавался при этом в подробности. Таким образом, данные эпизоды могут быть охарактеризованы не как особый тип случаев метафорического родства, а как краткая форма, лишенная деталей, необходимых для ее интерпретации.

3.2.5. Сравнение определенных черт или действий с отцовскими

Помимо указания на искусственное родство с упоминанием конкретного лица по отношению к говорящему («како мнѣ сынъ братъ твои Изяславъ, тако ми ты»⁵⁸² в летописи можно видеть сравнение с отцом (реже – сыном или братом) или сравнение действия с должным поведением по отношению к отцу – «плакать как по отцу» без прямого называния адресата этим термином.

Таблица 7. Сравнение с отцом (сыном, братом), плач как по отцу (сыну, брату) в Киевской и Лаврентьевской летописях

Летописный эпизод	Исторические лица	Родственная связь
«Приде же вѣсть Рюрикови о съмрти Романовѣ и печални бывше и <u>плакашася по немь, аки по отьци</u> , бѣ бо ихъ старѣи...»	Рюрик Ростиславич – о Романе Ростиславиче (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 617–618)	Родные братья

⁵⁸⁰ ПСРЛ. Т.1. Стб. 403.

⁵⁸¹ Там же. Стб. 401.

⁵⁸² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 422.

«слышав же Гюрги и Ярославъ... и <u>плакаша по немъ плачемъ великымъ, акы по отьци и по братѣ любимѣмъ</u> , понеже вси имѣяхуть и въ отьца мѣсто, и онъ имѣя ихъ по достоянью»	Смерть Константина Всеволодича. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444).	Родные братья
«я ся тобѣ, брате, кланяю, тако право есть ако то и молвиши: ' <u>ты мнѣ еси яко отьць...</u> '»	Слова Юрия Владимировича брату Вячеславу (цитата слов Юрия) (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 430).	Родные братья
«Всеволода есмь имел в правду брата старишаго, занеже ми брат и зять, <u>старей меня яко отецъ</u> »	Изяслав Мстиславич о Всеволоде Ольговиче (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323).	Брат старшей сестры о ее супруге (в составе указания на родство, где он называется старшим братом, братом и зятем)
«а се ми есть яко отьць стрьи»	Изяслав Мстиславич о Вячеславе Владимировиче до заключения договора (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 397).	Дядя и племянник
«стрьи и ми <u>еси яко отьць</u> »	Ростислав Мстиславич – о Юрии Владимировиче (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 477)	Дядя и племянник
«сыновець ваю Святославъ (имеется в виду Изяслав. – <i>М.Л.</i>) <u>акы от ваю рожень</u> »	Андрей Юрьевич к отцу с просьбой об Изяславе Мстиславиче (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392).	Дядя и племянник

Значительная часть таких сравнительных оборотов касается отношений младших братьев к старшему, причем в обращениях между ними используется термин «брат». Сравнение с отцом в плаче по погибшему старшему брату, по всей видимости, относится скорее к традиционным формам описания ритуала оплакивания, чем к использованию форм метафорического родства и

не зависит от сложившихся отношений при жизни, как в случае реакции братьев на смерть Константина Всеволодича. Большой интерес представляет сравнительный оборот в словах Изяслава Мстиславича к дружине касательно его отношений с только что погибшим Всеволодом Ольговичем: «Всеволода еси имѣль въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять, старѣи мене яко отьць»⁵⁸³, где Всеволод сначала ставится «в место» старшего брата, а затем его старшинство (не столько политическое, сколько возрастное) сравнивается со старшинством отца.

Также обращает на себя внимание сравнение стрья с отцом (дяди по отцу): «стрый ми яко отецъ», причем в отношениях Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича оно встречается до заключения соглашения «быти отцом» и «быти сыном». Единственной формой сравнения отношений с теми, которые связывают человека с родным сыном, без прямого названия этим словом можно считать выражение, содержащееся в просьбе Андрея Юрьевича к родному отцу Юрию Владимировичу: «сыновець ваю Святославъ»⁵⁸⁴ (имеется в виду Изяслав. – М. Л.) акы от ваю роженьъ⁵⁸⁵.

Как можно видеть, случаи сравнения с близким родственником – отцом, братом или сыном распределены равномерно и в Киевской летописи и в статьях Лаврентьевской летописи, описывающих близкие события. Чуть большая концентрация случаев в статьях Киевской летописи середины 1140 – 1150х годов, вероятно, связана с тем, что эти статьи значительно более подробны, нежели остальные. Универсальность данного оборота, очевидно, связана с тем, что его смысл не так часто был связан с конкретным историческим контекстом, а выражение скорби или подчеркивание особой близости отношений при помощи сравнительного оборота характерно для отношений Рюриковичей различных периодов домонгольской Руси.

3.2.6. «Быти в отьца место»

Для древнерусских летописей характерно использование выражения «быти въ отьца мѣсто», например, в Повести временных лет в словах Бориса по отношению к Святополку (они были единокровными братьями), где также упоминается о смерти родного отца: «аще и отьць ми оумре, то съ ми буди въ отьца мѣсто»⁵⁸⁶. Там же встречается аналогичное предложение Владимира воеводе Ярополка – Блуду, это единственный случай использования такой

---

⁵⁸³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 323.

⁵⁸⁴ Вполне вероятно, что ошибка писца связана именно с частыми персонификациями отношений в подобных оборотах летописи, и в оригинальном выражении Андрея Изяслав сравнивался со Святославом Юрьевичем.

⁵⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392.

⁵⁸⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

метафоры по отношению к лицу, не обладающему княжеским или духовным статусом в летописи: «имѣти тя начну въ отьца мѣсто своего»⁵⁸⁷. Это выражение встречается также в завещании Ярослава: «да ть вы будеть въ мене мѣсто»⁵⁸⁸, в словах иностранных союзников Изяслава Мстиславича Вячеславу и Юрию Владимировичам: «вы намъ есте въ отьца мѣсто»⁵⁸⁹ в статье 1149 (6657) года, в речи Святослава Всеволодича Ольговичам: «а нынѣ я вамъ во отьца мѣсто остался» в статье 1180 (6688) года⁵⁹⁰. Такие обороты могут использоваться как в составе предложения заключить договор «быти отцом и сыном» (например, в словах Изяслава Мстиславича Вячеславу Владимировичу),⁵⁹¹ в описании договоренности (между Святославом Владимировичем и Святославом Ольговичем)⁵⁹², так и в составе других выражений, педалирующих родственные отношения⁵⁹³.

Схожую формулировку с «замещением» одного лица другим в самых разнообразных контекстах можно видеть в летописи и без упоминания о «отцовстве»: «иже въскорѣ оумре ту, и посади в него мѣсто брата его Святополка»⁵⁹⁴, «хотять оубити, любо яти во Игоря мѣсто» в статье 1147 (6655) года⁵⁹⁵. Близкие выражения часто встречаются в исландских сагах: «ek vera þér í sonar stað» («я буду тебе в место сына»)⁵⁹⁶, «Kom nú í stað Álfs» («Поступай ко мне (в дружину – М. Л.) на место Альва»)⁵⁹⁷. Такие предложения «занять место» могли служить предложением реальной смены статуса, иногда очень значительной (именно таким было предложение Изяслава Вячеславу, бывшему главным союзником Юрия), но могли быть и просто риторическим оборотом (как в словах Святослава Всеволодича).

Как можно видеть, это выражение преобладает в наиболее ранних летописных текстах – в первую очередь, оно характерно для Повести временных лет, что хорошо согласуется с его близостью некоторым скандинавским аналогам. В Киевской летописи такие случаи редки, но распределены равномерно, они не могут быть привязаны к посланиям одного князя или коалиции. Поэтому можно говорить о устойчивом характере такого оборота для различных периодов домонгольского времени, и о том, что оно использовалось в различных слоях социальных элит.

---

⁵⁸⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 64.

⁵⁸⁸ Там же. Стб. 150.

⁵⁸⁹ Там же. Стб. 387.

⁵⁹⁰ Там же Стб. 618.

⁵⁹¹ Там же. Стб. 386.

⁵⁹² Там же. Стб. 509.

⁵⁹³ Там же. Стб. 323.

⁵⁹⁴ Там же. Стб. 163.

⁵⁹⁵ Там же. Стб. 345.

⁵⁹⁶ Þorsteins saga stangarhöggs // Austfirðinga sögur / Ed. by J. Jakobsen. Copenhagen, 1902. P. 85.

⁵⁹⁷ Finnboga saga ramma // Íslendinga sögur og þættir / Ed. by Bragi Halldórsson. Reykjavík, 1987. P. 643.

Первое, что обращает на себя внимание при взгляде на рассмотренные выше выражения – большинство из них касаются лишь имитации отношений «отца» и (в меньшей степени) «сына». Действительно, мы не встретим выражений, подобных следующим: «быти в место брата», «нареши братом», что связано с тем, что Рюриковичи и без того свободно называли друг друга, а также своих союзников – европейских и других правителей «братьями». Так, Владимир Давыдович говорит Вячеславу после смерти Изяслава Мстиславича: «приѣхаль есмь брата своего плакать, аче есмь тогды не былъ надъ братомъ своимъ, а повели ми нынѣ, ать оплачу гробъ его».⁵⁹⁸ Во второй главе мы рассматривали выражение «быти за один брат», но не найдем в летописи описания обряда побратимства, такого как «быти отцом и сыном», несмотря на то, что такие ритуалы были популярны в соседних и скандинавских странах и в Византийской империи⁵⁹⁹.

Как уже отмечалось, применение термина «брат» во вторичном значении в Киевской летописи могло иметь самый широкий смысловой диапазон. Использование терминов «отец» и «сын» было более персонифицированным, личным, и подразумевало существование более близких (искусственных или реальных) связей, чем просто принадлежность к роду Рюриковичей, Мономашичей (или Ольговичей) или связь, скрепленную узлами свойства.

Если «братом» можно было назвать любого Рюриковича, в том числе и противника, то конструирование отношений, подразумевающих позиции «отца» и «сына», имело свои ограничения, что находит отражение в том, что летописец уделял специальное внимание их объяснению. Прежде всего, в летописи отсутствуют ситуации, когда при живом родном отце один князь называл другого одинарным словом «отцом», однако он допускал сравнение с отцом или парный термин. Нередко упоминание о смерти (или о воле) родного отца может предшествовать подобного рода наречениям. Чаще всего сравнение с отцом используется применимо к старшему брату, обращения «отец» – к дяде или тестю. Несколько терминов подряд может быть использовано для того, чтобы усилить идею родственности, подчеркнуть дружественность или преемственность или же для того, чтобы избежать ненужной конкретизации. Опираясь на материал Киевской летописи, можно сказать, что, за редким исключением, весь арсенал родовой лексики используется историческими лицами для построения и наращивания горизонтальных связей, цементирования политического союза и

---

⁵⁹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 469.

⁵⁹⁹ Rapp C. Brotherhood in Byzantium, eadem. Brother-Making in Late Antiquity and Byzantium, Monks, Laymen and Christian Ritual. New York, 2016; Fóstbræðra saga // Íslendinga sögur og þættir, vol.2. 2, p. 776–777; Weinhold K. Aldnordishes Leben. Graz. 1977. S. 289; Лавренченко М.Л. Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие // Colloquia Russica. Krakow, 2017. Vol.6. С. 313–323.

продления его функциональности – именно такова реальность, которую представлял себе летописец.

3.3. Динамика использования терминов родства в этикетном значении в «речах»

Киевской летописи

Во второй главе мы рассмотрели, как распределяются устойчивые договорные формулы в тексте Киевской летописи: в пластах, посвященных деятельности Изяслава Мстиславича и его союзников (статьи 1146 – 1154 (6654 – 6662) годов) можно найти их широкое разнообразие, в описании действий союзников Рюрика Ростиславича, Романа Мстиславича Святослава Всеволодича и Всеволода Юрьевича в статьях 1174 – 1196 (6682 – 6704) годов они встречаются исключительно редко.

Ситуация с терминами родства, использованными в этикетном значении, совершенно другая. Они употребляются на протяжении всего текста повествования, хотя и встречаются преимущественно в текстах, содержащих прямую речь. Во всех случаях прослеживаются одни и те же принципы использования этих терминов (например, обращение «отец» к тестю, сравнение старшего брата с отцом и др.), однако характер их употребления отличается, так как разнятся политические ситуации, возникавшие на протяжении XII века, о событиях которого наиболее подробно повествует Киевская летопись. Остановимся на этих отличиях подробнее.

3.3.1. Термины родства в этикетном значении в княжеских «речах» статей 1146 – 1154 (6654 – 6662) годов

Как было показано выше, использование родовой лексики в подавляющем большинстве случаев направлено на создание и укрепление горизонтальных связей, основанных на взаимной поддержке, будь стремление привлечь в свою коалицию максимальное количество незадействованных ранее или имеющих связи с обеими сторонами противостояния нейтральных игроков, выстроить головокругительную политическую карьеру, обеспечить надежный тыл перед готовящимся нападением, и, наконец, удачно разрешить и сам конфликт, причем таким образом, чтобы акт примирения не мог считаться проявлением слабости со стороны его инициатора⁶⁰⁰.

---

⁶⁰⁰ Самым действенным инструментом для скрепления отношений в любом средневековом сообществе были браки между представителями разных династий или ветвей одной фамилии, но их количество было, по понятным причинам ограничено; кроме того, закладываемая в момент заключения такого союза долгосрочность не всегда отвечала чаяниям политических игроков.

Именно в ходе развертывания конфликта все инструменты социального взаимодействия использовались наиболее виртуозно, а благодаря тому, что ситуация быстро менялась, мы можем проследить этот процесс в динамике. Самый длительный и наиболее детализировано изложенный в летописном тексте конфликт домонгольского времени – это противостояние Изяслава Мстиславича с дядей Юрием Владимировичем, описание которого приходится на статьи 1146 – 1154 (6654 – 6652) годов. В этом тексте мы можем увидеть добровольный переход союзника из одного лагеря в другой, капитуляцию, участие посредников в конфликте, проследить внешние различия в степени доверия и близости сподвижников к лидеру, живой процесс поиска формулировок, которые наиболее четко отражали бы общие интересы участников.

Изяслав Мстиславич выстраивал крепкий политический союз, который можно было бы использовать и в дальнейшем, но имел при этом не слишком благоприятные политические условия. Он обращался за помощью к сестрам, опирался на своих родных сыновей и братьев. Со временем увеличивая количество союзников, он выстраивал с ними отношения, называя их «братьями», «сыновьями» и «отцами».

При рассмотрении длительного противостояния Юрия Владимировича с племянником Изяславом обращает на себя внимание непропорциональность употребления терминов родства в непрямом значении лидерами каждой из сторон конфликта. Изяслав Мстиславич использует слово «брат» семь раз, обращаясь не к родному брату, пять раз – слово «сын», сам именуется «сыном» или «братом и сыном» двумя князьями, он лично применяет обращение «отец» по отношению к одному Рюриковичу, и другого ставит «в отца место», а также задействует в своих посланиях большое разнообразие формулировок, содержащих метафору родства, в т.ч. сравнительные обороты, повторы, педалирующие идею родства.

Его соперник, Юрий Владимирович, значительно более сдержан: он обращается и к своим союзникам, и к своим противникам, используя слово «брат», (по одному разу употребляет слова «сын» и «сын и брат»⁶⁰¹, в других формах родовая лексика в его посланиях не представлена.

Причина различной социальной стратегии двух лидеров, проявившаяся в характере взаимодействия, кроется в особенностях тех процессов, благодаря которым они были вовлечены в конфликт. Как правило, главной причиной противостояния дяди и племянника называется желание получить Киев и возглавить правящую династию, хотя данный тезис был частично оспорен еще А.Е. Пресняковым, подчеркнувшим важное место в противостоянии

---

⁶⁰¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339, 380, 388.

«обид» и «порухи чести» Юрия⁶⁰². Важно, что столь часто цитируемый⁶⁰³ его укор Изяславу «старѣшинство еси с мене снялъ»⁶⁰⁴, касающийся соблюдения княжеской субординации, представлен в конце перечня *личных* претензий дяди, приведших к агрессии с его стороны, то есть в летописных словах Юрия это не цель «борьбы», а один из индивидуальных поводов для мести.

Почва для столкновения дяди и племянника готовилась еще во времена правления Всеволода Ольговича, который решил передать Киев своему брату, что шло в разрез как с пожеланиями части киевлян, поддерживающих линию Мономаховичей, так с чаяниями членов многих линий Рюриковичей, в том числе черниговских братьев Изяслава и Владимира Давыдовича. Изяслав Мстиславич изначально имел мало шансов на победу из-за своего молодого возраста и невысокого положения в порядке старшинства. Именно поэтому с самого начала он начинает максимально широко привлекать на свою сторону крупных и не очень политических игроков, желая окружить себя плотным кольцом поддержки.

Изяслав впервые применяет новую тактику использования иностранной силы. В отличие от предыдущих рейдов Пястов на Киев в поддержку близких им русских князей, он использует вооруженные силы польских и венгерских сторонников значительно более тонко и предусмотрительно: летописец указывает, что Изяслав заранее предупредил киевлян о безопасности приближения венгерского корпуса, устроил совместные русско-польские развлечения: верховые поединки и торжественные посвящения в рыцари боярских сыновей⁶⁰⁵.

Важно, что в этом конфликте неоднократно именно польские и венгерские союзники Изяслава берут на себя функцию его медиатора и занимаются делом примирения сторон. Новаторская и продуманная, тонкая политика Изяслава позволяет ему усилить свои изначально неустойчивые позиции.

Святослава Ольговича и Юрия Владимировича, а впоследствии и галицкого князя Владимира Володаревича (традиционно находившегося в оппозиции к киевскому князю), на начальном этапе противостояния объединяет наличие общего врага, ситуация сводит их вместе, в отличие Изяслава, который сам конструирует костяк своей коалиции. Если мы обратимся к летописным свидетельствам, то увидим, что важнейшая мотивация участия Святослава и Юрия в военных действиях – месть. Святослав был связан обязательством освободить, а затем

---

⁶⁰² Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. С. 84–85.

⁶⁰³ «Борьба между ними шла, несомненно, из-за старейшинства» (Там же, с. 83–85). Далее автор частично оспаривает этот тезис. В летописных речах Изяслав говорит о том, что признает Юрия старшим: «всихъ насъ старѣи отьць твои, но с нами не оумѣть жити» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 367), правление Изяслава в Киеве входит в число предложенных Юрием альтернатив выхода из конфликта: «а ты сѣди цѣрьствоуя в Киевѣ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 380).

⁶⁰⁴ Там же. Стб. 380.

⁶⁰⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 386, 410, 416.

отомстить за смерть брата Игоря («ни волости хочю, ни иного чего, развѣ толико поустите ми брата»⁶⁰⁶; Юрий – позорным изгнанием сына: «(Ростислав Юрьевич): ...”нась есть обеществовалъ, а поиди на нь”». Гюрги же в соромѣ сына своего сжаливъ собѣ, рече: “Тако ли мнѣ части нѣтоу в Роуской земли и моимъ дѣтемъ!”»⁶⁰⁷

Личный характер участия в конфликте и стал определяющим фактором в выборе социального взаимодействия: оба князя: Святослав и Юрий не имели общих интересов вне него, в то время как Изяслав, приближая к себе союзников, создавал основу для последующих политических шагов. В отличие от племянника, стремившегося притянуть к себе максимальное количество союзников и увеличить свою коалицию, и Юрий, и Святослав были достаточно сильны, осознавали себя как достойных потомков родоначальников отдельных линий Рюриковичей, и выстраивали свои отношения, подчеркивая достоинство каждого и равенство.

Таким образом, разница в использовании родовой лексики лидерами обеих групп может быть связана не только с тем, что их действия были описаны различными авторами, чьи труды затем попали в Киевскую летопись, но и с историческими особенностями формирования этих двух союзов. Несмотря на попытки обосновать различное происхождение летописных эпизодов, повествующих о событиях, происходивших в этих противоборствующих лагерях, они не могут быть вычленены и классифицированы строго по политическому принципу (за Юрия – один текст, за Изяслава – другой). Исключение составляют черниговские известия, инкорпорация которых в текст часто оставляла несостыковки и ошибки. Тем не менее, можно заметить, что сообщения о политической жизни в лагере Юрия Владимировича и Святослава Ольговича значительно более краткие и скупы на детали. По всей видимости, автор, хотя и стремился рассказать о всех событиях в русских землях, а тем более – связанных с Киевом, в значительно меньшей степени был заинтересован тем, что происходило в коалиции противников князя, которому он был лоялен. Важной его задачей, насколько это можно судить по характеру использования терминов родства, было доказательство реальной силы обряда «быти отцом» и «быти сыном», проведенного между Изяславом и Вячеславом.

Родовая лексика – важный элемент взаимодействия не только внутри союзнического лагеря, но и между противниками. Нужно отметить, что многие диалоги между враждебно

---

⁶⁰⁶ Там же. Стб. 329. На том же целует к нему крест Юрий: «послася Святославъ къ Гюргеви и чѣлова к немуу кръсть Гюрги яко искати емоу Игоря» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 332). Далее из обвинения Изяслава и Владимира Давыдовичей следует суть их соглашения со Святославом: «ведоуть тя лестью, хотять оубити любо яти во Игоря мѣсто» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 345 и далее). Тот же мотив стал причиной очередного перехода Изяслава и Владимира на сторону Юрия: «жаль бо ны есть братъ своего Игоря, а того есмь искали, абы ты поустилъ брата нашего» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 364), их возврат в коалицию Изяслава был скреплен обещанием отказаться от мести, он требовал и от Святослава Ольговича, чтобы тот «ворожду... про Игоря отложилъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 376).

⁶⁰⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 373–374.

настроенными князьями в принципе лишены как терминов родства в роли обращений, как и каких-либо оборотов, содержащих родовую лексику, например, в требованиях Святослава Ольговича и Юрия Владимировича к Изяславу Давыдовичу уступить Киев Юрию⁶⁰⁸. В сравнении с ними, те диалоги лидеров противоборствующих коалиций, в которых она присутствует, выглядят значительно более искусно выстроенными, а их авторы – настроенными на мирное взаимодействие.

Изяслав последовательно употребляет обращение «брат» и к Юрию Владимировичу и к Святославу Ольговичу⁶⁰⁹, формулировки этих посланий предельно четкие, без дополнительных терминов или завуалированных метафор, что подчеркивает деловой характер. Очевидно, их следует понимать как показатель того, что диалог – не формальность и мирный исход возможен, но его участники и не стремятся демонстрировать излишнюю заинтересованность, которая могла быть расценена как слабость. Любопытно, что, неоднократно называя «врагом» Святослава⁶¹⁰, Изяслав тем не менее не теряет надежды стремиться закрепить с ним договорные отношения, тут же именуя «братом»⁶¹¹, в то время как мирное предложение со стороны Юрия не принимается уже самим киевским князем⁶¹².

3.3.2. Родовая лексика в этикетном значении в княжеских «речах» статей 1174 – 1196 (6682 – 6704) годов

Периоды относительного спокойствия в домонгольскую эпоху, как правило, связаны с реализацией стратегии наиболее могущественных князей по соблюдению баланса сил, где умение вести переговоры наиболее существенно. Ярким примером служат отношения между Рюриком Ростиславичем, Святославом Всеволодичем и Всеволодом Юрьевичем в третьей четверти XII века. Мирному взаимодействию препятствовал целый ряд сложностей и разногласий, среди которых и давняя вражда между Ольговичами и Мономахичами, и некоторые действия Всеволода Юрьевича. После уступки Рюриком Ростиславичем Святославу Ольговичу Киева и скрепления мирных и дружественных намерений браками между ближайшими родственниками троих лидеров, мир был достигнут, после чего продолжалась неустанная работа по его поддержанию.

Неоднократно говорилось о том, что Киевская летопись показывает роль Рюрика Ростиславича в этом процессе как наиболее существенную, а те посольские речи, которые были

---

⁶⁰⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 478.

⁶⁰⁹ Там же. Стб. 376.

⁶¹⁰ Там же. Стб. 344.

⁶¹¹ Там же. Стб. 376.

⁶¹² Там же. Стб. 380.

отправлены им или к нему, попадают на его страницы наиболее часто. При этом и те послания, которые мы находим в составе Лаврентьевской летописи, повторяют некоторые их особенности.

К своим ближайшим союзникам, Всеволоду Юрьевичу, Святославу и его брату Ярославу Всеволодичам, Рюрик использует обращения «брат» и «брат и сват»⁶¹³, что демонстрирует важность укрепления горизонтальных связей. Сложные конструкции, использующие метафору родства, в данных текстах практически не встречаются. В отличие от Изяслава Мстиславича, Рюрик не конструировал вокруг себя социальный костяк коалиции, а стремился поддержать достигнутый баланс сил, поэтому чрезмерный акцент на родство, наполненные воинской лексикой формулы, воззвания к мести и другие элементы, характерные для «речей» Изяслава, не только были бы неуместны в большинстве случаев, но и могли повредить ситуации.

Обращаясь к фигуре Всеволода Юрьевича, необходимо упомянуть, что его любовь к инициации конфликтов отмечали не только историки, но и даже в ходе изложения событий показывает сам летописец⁶¹⁴. Как и Изяслав, Всеволод стремился сконструировать вокруг своей фигуры устойчивую коалицию, хотя на время его активной деятельности приходится не «добрая война», а «худой мир».

Речи и переписка других Рюриковичей с Всеволодом сохранились как в Киевской, так и в Лаврентьевской летописях, поэтому источниковая база представлена лучше, чем в предыдущем конфликте. Обращают на себя внимание несколько кардинальных отличий: большинство «речей», приведенных в летописном тексте и содержащих родовую лексику, обращены к самому Всеволоду, а не исходят от него (таких всего несколько), очевидно, это связано с местом внесения этих «речей» в текст летописи, где находился сам получатель.

В подавляющем большинстве таких посланий Всеволод называется «отцом господином». Так Всеволода именует племянник Владимир Ярославич в прямом обращении⁶¹⁵, Роман в диалоге с Рюриком⁶¹⁶, рязанский князь Святослав Глебович,⁶¹⁷ и даже посольство новгородцев⁶¹⁸. Обращения, сохранившиеся в посланиях, включенных в различные летописные тексты, служат указателем на то, что союзники, инициируя переговоры с Всеволодом, который, в отличие от Изяслава, ориентировался на вертикальную модель построения союза, понимали, что предпочтительно использовать именно эту форму. Если для Изяслава власть обозначала организацию социального пространства, то для Всеволода – контроль над ним.

⁶¹³ Там же. Стб. 654, 663, 676, 698; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 413.

⁶¹⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 685.

⁶¹⁵ Там же. Стб. 667.

⁶¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 419.

⁶¹⁷ Там же. Стб. 402. Оно фигурирует в еще одном послании от Глебовичей. (Там же. Стб. 387).

⁶¹⁸ Там же. Стб. 415.

3.3.3. Определения «старѣишии» ('старший'), «моложьшии» ('младший', 'меньший') в тексте Киевской летописи.

Использование терминов родства маркировало дружбу, союз, доверительные отношения, совместное правление, военные действия, а случаи их отсутствия в посланиях служат показателем разрыва договоренностей, нахождения в состоянии готовности к боевым столкновениям. Кроме того, избыточность, замысловатость формул, или, наоборот, скупость в использовании словосочетаний, содержащих в себе родовую лексику, также свидетельствуют о взаимном доверии, или, наоборот, его отсутствии.

Все вышесказанное не отрицает существования в древнерусской элите представлений о политическом авторитете⁶¹⁹. В обществе, где доминировали принципы горизонтального взаимодействия элит и отсутствовали жесткие правила наследования⁶²⁰ и подчинения, получили развитие договорные отношения, однако их функции, в отличие от западноевропейских образцов, были дополняющими, а риторика подчеркивала равные позиции обеих сторон: это касалось и договоров правителей, это касалось и соглашений между князем и городом. Княжеские договоры помогали разрешить кризисную ситуацию, формированию которой зачастую служили именно семейные связи всех участников.

Показательно, что уже на начальном этапе развития договорного языка, зафиксированного в домонгольских летописях, его семантическую основу составляют не только термины родства, использованные в переносном значении, но и определения «старший», «меньший». Например, признавая политический авторитет Всеволода Ольговича, Вячеслав Владимирович «створися мнии»⁶²¹. После смерти Всеволода он возвращает отнятые им города, «надѣяся на старишьство (старѣишинство – М.Л.)» по отношению к Изяславу Мстиславичу⁶²².

---

⁶¹⁹ Слабая выраженность вертикальных отношений в эпоху домонгольского правления Рюриковичей прежде всего выражалась в отсутствии разницы в титулатуре: любой *князь*, как правивший в Киеве, так и в любом другом городе назывался одинаково. Случаи такого «эгалитаризма» характерны и для некоторых других обществ Средневековья и раннего Нового времени. Пример перехода к горизонтально ориентированным обращениям во Франкнии начала Нового времени был описан в работе Йозефа Морзеля. Morsel, Joseph. *Inventing a Social Category: The Sociogenesis of the Nobility at the End of the Middle Ages // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations*. Philadelphia. 2001. P. 200–243.

⁶²⁰ Наиболее болезненным для Рюриковичей на протяжении всего домонгольского периода являлся вопрос наследования: большинство конфликтов возникают в момент смерти князя, обладавшего могущественным столом, что связано с нечеткостью правил: в некоторых случаях его занимал младший брат, в других – старший сын. Последнее исследование К.С. Гвозденко и А.А. Горского показало, что за домонгольский период от двух третей до 84% (в зависимости от критериев подсчета) случаев приходилось на наследование по горизонтали, т.е. стол занимал старший в линии или в общем роду Рюриковичей родственник; но и случаи передачи по вертикали – старшему сыну – также встречаются на протяжении всего периода, причем распределены равномерно, т.е. нет тенденции замещения одной практики другой. Гвозденко К.С., Горский А.А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // *Российская история*. 2017. № 6 С. 21–22.

⁶²¹ ПСРЛ Т. 2. Стб. 302.

⁶²² Там же. Стб. 330.

Именованіе другого князя «старшим» («старѣшимъ») в ряде случаев подразумевает признание военного и политического лидера, что в условиях постоянных конфликтов помогало выделить в запутанной системе родственных отношений Рюриковичей собственную группу союзников. «Старшим» мог быть близкий союзник, им мог быть и вчерашний враг. Самый известный пример такой ситуации: переход Ростислава Юрьевича к главному противнику его отца, Юрия Владимировича (Долгорукого), Изяславу Мстиславичу. Учитывая, что даты рождения Юрия и Изяслава, по-видимому, не были далеки хронологически, Ростислав Юрьевич мог быть близок по возрасту сыновьям Изяслава. Переход Ростислава показан в летописи как неожиданный для союзников, причем Лаврентьевская летопись указывает в качестве причины недовольство молодого князя тем, что отец находился в союзе с Ольговичами. Прибыв к Изяславу Мстиславичу, он говорит ему: «...зане ты еси старѣ нас во Володимирихъ вноуцѣх, а за Рускоюю землю хочю страдати и подлѣ тебе ѣздити»⁶²³.

Однако в «речах» Киевской летописи эти термины в большинстве случаев также используются как часть риторики мирных переговоров, скрепляющие горизонтальные связи. Интересно упоминание о «меньшем» родственнике в «речи» Юрия Владимировича, осадившего Мстислава Изяславича, своего внучатого племянника, во Владимире-Волынском. Юрий объясняет другому своему племяннику, Владимиру Андреевичу, что договорился еще при жизни его отца о том, что город Владимир отойдет именно ему. Однако на месте, встретившись с ожесточенным сопротивлением, Юрий меняет свое решение, не желая проливать кровь: «онъ мнии боуда, не покорить ми ся, а язъ не радуюся о погыбели его»⁶²⁴, а затем предлагает отдать сыну Андрея другой город. Здесь обозначение «меньший» может подразумевать и возраст, и династический порядок. Показательно, что упоминание о том, что один князь «меньше» другого является составной частью мирной речи: Юрий не собирался продолжать осаду именно потому, что Мстислав младше его. Это обстоятельство показывает, что подобная риторика также использовалась в миротворческом контексте, а не в момент проявления агрессии или в споре о позиции в иерархии.

Это подтверждается и еще одним, более ранним примером, сохранившимся в «Повести временных лет»: в 1096 году молодой княжич Мстислав Владимирович советует Олегу Святославичу уладить миром его конфликт с отцом Мстислава, Владимиром Всеволодичем Мономахом, причем это происходит сразу после того, как Олег убил в битве родного брата Мстислава, Изяслава Владимировича. Находясь в сожженном Олегом Суздале, он посылает к противнику, предлагая вернуть захваченную дружину, за что обещает его во всем «послушать»,

---

⁶²³ ПСРЛ Т. 2. Стб. 367.

⁶²⁴ Там же. Стб. 487.

что подчеркивает их тесную родственную связь. Однако предложение Мстислава носит предварительный характер, так как финальное решение оставалось за Владимиром Мономахом: «яко мнии азъ есмь тебе, шлися ко отьцю моему»⁶²⁵. Таким образом, используя слово «меньший», Мстислав показывает, что предпринимает шаги в сфере компетенции старших князей, где его возможности ограничены.

Похожее высказывание можно встретить в уже упомянутом выше эпизоде, где захваченный врасплох Глеб Юрьевич, наоборот, уклоняется от прямой ответственности участия в конфликте, ссылаясь на свой статус младшего по возрасту князя. Он обращается к Изяславу Мстиславичу с такими словами: «ако мнѣ Гюрги отьць, тако мнѣ и ты отьць, а язъ ти ся кланяю, ты ся с моимъ отьцемъ самъ вѣдаешъ, а мене поусти къ отьцю»⁶²⁶. Здесь вместо определения «меньший» используется родовая лексика: слова Глеба можно понять так, что в дела «отцов» он не вмешивается. В обоих случаях, заявляя о своей «младшей» позиции, княжич апеллирует к тому, что его противник также приходится ему родственником, однако Мстислав принимает в решении конфликта активное участие, а Глеб, наоборот, выбирает тактику избегания.

Показательно, что ни одна из рассмотренных нами ситуаций, показанных в Киевской летописи, не выходит за рамки семейных взаимоотношений: старший князь решает вопросы военной стратегии, наделяет городами, судит, но при этом консультируется с «младшими», а те могут избежать открытого участия в конфликте, ссылаясь на свой статус. Важно, что определения «старший», «меньший» используются не для демонстрации власти одного над другим, и не в качестве подавляющего инструмента, а как часть риторики мирного взаимодействия: «меньший» – тот, против которого нельзя открыто выступать «старшему», а не тот, кто должен подчиниться ему, причем этот особый статус может помочь княжичу и в деле примирения полновластных правителей.

3.4. Термины родства в духовных текстах XII века разного происхождения (сравнительный аспект)

Важно отметить, что многие характерные для Рюриковичей особенности использования родовой лексики, запечатленные в древнейших русских летописях, находят прямое соответствие в общении духовных лиц, нашедшем отражение как в церковной литературе, так и в летописных текстах. Как правило, здесь применяется универсальная для средневекового христианского мира система обращений: «отец» – к человеку более высокого чина, старцу,

---

⁶²⁵ Там же. Стб. 228.

⁶²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 395.

духовному отцу, «брат» – в речи иерархически равного. Однако в древнерусском обществе жесткие рамки речевого этикета смягчаются и приобретают формы, близкие к традиционным обращениям Рюриковичей. Яркое отличие этикета обращения к священнику в Древней Руси – та же лаконичность. Если согласно европейским эпистолярным традициям именование собеседника «братом» или «отцом» сопровождается множеством пышных эпитетов: «святейший», «достопочтенный», «возлюбленный»⁶²⁷ или целыми предложениями, содержащими уверения в преданности и любви,⁶²⁸ то в русских текстах расширенные обращения встречаются лишь в единичных случаях, например, в Послании Климента Смолятича: «возлюбленный ми о Господе брате Фома».⁶²⁹

С необычной лаконичностью русского обращения «отец» к священнику (к киевскому митрополиту, к новгородскому владыке) сталкивались ганзейские купцы и чиновники, что при изучении переписки Новгорода и Ганзы XIII – начала XVI в. отметила Е. Р. Сквайрс⁶³⁰. Желая адаптировать новгородские реалии к собственным традициям ведения переписки, ганзейская канцелярия переводила термин «отец» как «vader» с эпитетом «hillige» ('святой', 'священный'); на выбор этого эпитета повлиял, по мнению исследовательницы, термин, содержащийся в русских летописях, – «преосвященный». Любекский магистрат использовал слова «gestlik» ('духовный') и «erwerdich» ('досточтимый') – принятое в Новгороде обращение без эпитета противоречило нижненемецким традициям⁶³¹. Как мы отмечали выше, лаконизм обращений и отсутствие эпитетов отличают и древнерусских княжеский этикет от европейского.

Показательно, что в диалогах лиц, облеченных саном, приведенных в древнерусских источниках, часто встречается использование нескольких терминов родства подряд, причем как в личном обращении, так при обобщении. Например, в Киево-Печерском патерике владимиро-суздальский епископ Симон обращается к монаху Поликарпу: «Ты же, брате и сыну, симъ не въслѣдуй; не тѣхъ бо ради пишу сие, но тебѣ приобрящу»⁶³². То же обращение мы можем

---

⁶²⁷ Например, в письме Адальберта III, зальцбургского архиепископа, к папе римскому Александру III: „Beatissimo patri et domno Alexandro”. Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. P. 129.

⁶²⁸ Например, в обращении автора Чешской хроники Козьмы Пражского к Северу (Шебиржу), настоятелю Мельницкой церкви: «Quanta mentis mee devotine ac dilectione vestre paternitati substernor, Deum testor, eloqui nequeo, neque enim est magna dilectio, quam humana comprehendit ratio». Chronica Boemorum / Ed. by V. Bretholz, W. Weinberger (Monumenta Germaniae Historica, Scriptores rerum Germanicarum; Nova Series 2). Berlin, 1923. P. 1.

⁶²⁹ Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 118.

⁶³⁰ Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов, М. 2002. С. 205–207, 245–247.

⁶³¹ Там же.

⁶³² Киево-печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 4: XII век. С. 374.

видеть в сцене явления Св. Феодосия архиепископу новгородскому Нифонту: «Добрѣ прииде, брате и сыну Нифонте, отселѣ будеши с нами неразлучно»⁶³³.

Очевидно, выбор в качестве обращения пары из двух терминов был естественным как для княжеской, так и для церковно-монастырской среды домонгольской Руси. Использование в диалогах таких пар свидетельствует о том, что собеседник или читатель были знакомы с подобной этикетной практикой, а также о том, что обе группы источники создавались в едином культурном пространстве – киевских землях середины XII века, так как в дальнейшем подобные формы исчезают.

Вероятно, использование нескольких терминов подряд маркирует тот момент диалога, когда указание на родство и мирные намерения наиболее желательно. Это предположение подтверждается и тем, что часто обращение «брат и сын» чередуется с одинарным «брат», что характерно и для княжеских диалогов (например: «се, брате, на мя еси приходиль...»⁶³⁴ – в словах Юрия Владимировича Изяславу Мстиславичу, который ранее, как мы видели, обращался к нему «брат и сын»), и для общения духовных лиц («Како възмогу, брате, исповѣдати тебѣ...»⁶³⁵ – в рассмотренной выше речи епископа Симона монаху Поликарпу). Такое чередование в одном высказывании одинарных и парных терминов родства указывает на то, что вторая их часть не являлась обязательной с точки зрения этикета, а определялась сиюминутным пожеланием говорящего.

В целом, наблюдения над летописными текстами и духовной литературой показывают, что выбор того или иного слова в качестве обращения далеко не всегда строго определялся правилами этикета, основывавшимися на возрасте, статусе, кровных связях с собеседником, а решался в каждом случае индивидуально – важен был и контекст высказывания, и эмоциональный фон в данный момент диалога. Мы можем встретить и обращение к духовному сыну «брат», как, например в ответе новгородского епископа Нифонта Кирику: «Прашахъ и сего: аже попа оувѣдаеть недостоинѣ слоужаща, а боудеть емоу сынѣ, что подобает емоу творити? – А всякъ, рече, попъ брать есть попоу; запрети емоу первое и дрогое: „Останися, брате...”»⁶³⁶.

Братство между духовными лицами, даже имевшими различный иерархический статус, находит отражение и в обращениях подвижников, чьи диалоги приведены в Киево-Печерском патерике, и в наставительных речах автора, епископа Владимирского и Суздальского Симона,

---

⁶³³ Там же. С. 354.

⁶³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 380.

⁶³⁵ Киево-печерский патерик. С. 370.

⁶³⁶ Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. / Под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. СПб., 1908. С. 40.

который ранее был монахом Киево-Печерского монастыря, к черноризцу Поликарпу: очевидно, что он последовательно называет адресата братом: «въспряни, брате», «о сем, брате, разумѣй», «ты же, брате, не днесь...»⁶³⁷ Порой складывается впечатление, что составитель текста специально использовал его слишком часто, наполняя тем самым свое произведение атмосферой доверительности – похожий прием можно видеть в рассмотренных выше диалогах Изяслава Мстиславича и Владимира и Изяслава Давыдовичей.

Однако кроме многочисленных обращений «брат» к Поликарпу нередко встречаются эпизоды, где он же назывался «чадом», и каждый из таких случаев имеет определенную причину. Например, призывая Поликарпа не возводить хулу на монаха, готовящего трапезу, которого он тоже называл «братом»: «Аще и укори мя, но брат ми есть», «Господь же да проженеть лукаваго, брата же да помилуеть». Если бы в следующих строках автор использовал обращение «брат» к *Поликарпу*, возникла бы путаница, поэтому здесь появляется слово «чадо»: «не скорбенъ о томъ буди, чадо, ни скоро подвигнися на гнѣвъ, но, пад, поклонися брату до земля, глаголя: „Прости мя, брате!“»⁶³⁸ (под «братом» подразумевается тот самый монах-повар).

В другой ситуации Симон назвал Поликарпа «чадом» перед тем, как приступить к рассказу о страстях Христа и его смирении Отцу Небесному. Здесь выбранное обращение вторит основной теме сыновнего смирения и одновременно акцентирует наиболее яркий, кульминационный момент рассказа: «Помысли, чадо, и болша сих, како Господь нашъ смири себѣ, бывъ послушливъ до смерти своему Отцю»⁶³⁹.

В «Слове о многотерпеливом Иоанне Затворнике», к главному герою приходит монах, умоляя спасти его от терзаемых страстей. Подвижник называет пришедшего «братом», а тот его – «отцом», однако когда Иоанн начал рассказ о собственных мучениях далекого прошлого, он использовал обращение «чадо», тем самым погружая слушателя в атмосферу конфиденциальности, дополнительно привлекая его внимание: «но послушай менѣ, чадо, да ти исповець случившее ми ся от юности моеа»⁶⁴⁰. Наставник и неофит словно меняются местами, а пришедший будто становится на место священника в исповедальне. Мы можем видеть типологически схожую смену обращений и в диалогах правителей в составе Киевской летописи: в ее тексте именование «братом» может смениться на слово «сын».

Слова «чадо» и «брат» также могли использоваться в паре: так обращался перед смертью Феодосий Печерский, согласно «Житию», к собравшимся вокруг него монахам: «Чада моя

⁶³⁷ Киево-печерский патерик. С. 356.

⁶³⁸ Там же. С. 390.

⁶³⁹ Там же. С. 356.

⁶⁴⁰ Там же. С. 414.

любимая и братия! Се бо и утробою вься вы цѣлюю, яко отхожю къ Владыцѣ, Господу нашему Иисусу Христу»⁶⁴¹. Ранее в своей речи он использовал одинарный термин: «Чѣто, чада, помыслисте ли въ себѣ, еже достойну быти въ вас игумену?»⁶⁴². Но еще более интересно: и до и после упомянутых слов Феодосий именовал монахов «отцы и братья», что выглядит полным диссонансом, причем в тексте не упоминается о каких-либо перемещениях: совершенно очевидно, что умирающего Феодосия посещала одна и та же группа монахов – «вся братия»: «Таче по трѣхъ дньхъ вѣставъ, и братии же вьсей събравъшися, глагола имъ: „Братие моя и отци!”» а также: «се обѣщаюся вамъ, братия и отци, аще и тѣлѣмъ отхожю от васъ, нъ духъмъ присно буду съ вами»⁶⁴³. Феодосий словно манипулировал терминами родства, используя близкие по значению слова в паре и по отдельности, что способствовало усилению чувства скорой потери для братии и одновременно делало акцент на последних моментах единства разновозрастной монастырской общины и ее духовного наставника.

Схожесть принципов использования терминов родства среди братии Киево-Печерского монастыря и среди Рюриковичей, как они показаны в статьях 1146 (6654) – 1154 (6662) годов Киевской летописи, свидетельствует о близости княжеского окружения, летописца и авторов приведенных выше источников. Конечно, речь не может идти о какой-либо форме заимствования форм этикета, но детальная точность, с которой автор интересующих нас пластов летописного текста передает столь сложные формы этикета обращений между русскими князьями, показывает высокий уровень его знакомства с ними: вероятно, что один из авторов или редакторов основного источника Киевской летописи был тесно связан с Киево-Печерским монастырем.

Еще одно парное обращение, характерное для церковно-монастырской среды, содержало, помимо термина родства, слово «господин». Как уже упоминалось, при рассмотрении сочетания «господин брат» в берестяной грамоте № 531, Р.Факкани предположил, что оно является заимствованием устойчивой греческой эпистолярной формулы «κύριε ἀδελφέ»,⁶⁴⁴ т.е. вероятнее всего, оно или имело книжное происхождение, или было услышано от живого носителя из Византии, или было прочитано непосредственно в греческом эпистолярном источнике. В тексте Киевской летописи один из первых случаев использования такого парного

---

⁶⁴¹ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. Т.1.: XI–XII века. С. 430.

⁶⁴² Там же. С. 428.

⁶⁴³ То же обращение, согласно Киевской летописи, использует монах Василий к монахам, пришедшим к нему с предложением стать игуменом. ПСРЛ. Т. 2. Стб. 627.

⁶⁴⁴ Факкани, Р. Graeco-Novgorodensia I (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте). // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. Москва 1999. С. 335.

обращения относится к диалогу известного своей глубокой духовностью и интересом к церковной жизни Ростислава Мстиславича с дядей Вячеславом Владимировичем после смерти брата Ростислава, Изяслава Мстиславича. Как мы подчеркивали, ранее в диалогах такая пара не встречалась, поэтому любопытно, что и появление этого термина в обоих источниках: и в летописи и в берестяных грамотах относится ровно к середине XII века.

Первый случай использования обращений «господин» / «госпожа» в корпусе берестяной переписки содержится в послании монахини Варварьиного монастыря Людиного конца Великого Новгорода: это грамота № 682 от Харитании к Софье: «да молю ти ся: госьпоже ка моя, да посьль во борожь и рыбиць выдаль ти»⁶⁴⁵ («Да еще прошу тебя, госпожа моя: пусть он поскорее выдаст соленье (вероятно, соленую рыбу) и [свежих] рыбок» (перевод А.А. Зализняка)⁶⁴⁶. Подчеркнем, что первое появление интересующего нас термина обнаруживается также в церковно-монастырской среде.

Позже, в конце XII – начале XIII века обращение «господин» / «госпожа» + термин родства появляется во многих берестяных посланиях, например, в уже упомянутой грамоте № 531: «от Ане покло(нь) ко Климте. Брате господине, попецалоуи о моем орудье» (конец XII века, перевод А. Зализняка: «От Анны поклон Климяте. Господин брат, вступишь за меня перед Коснятином»⁶⁴⁷, в письмах Онцифора к матери: «челобитье госпоже матери от Онцифора», «Поклон госпоже матери» (1340–1360 гг., № 354, №358) и в других⁶⁴⁸.

Несколько разнообразных случаев использования обращения «госпожа» в сочетании с термином родства можно видеть в еще одном произведении, предположительно относящемся также к XII веку – «Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии». Так же, как и грамота Харитании, оно характеризует культурную среду женского древнерусского монастыря. В просьбе о принятии в монастырь к игуменьи и своей родственнице – принявшей постриг вдове князя Романа Всеславича, княжна Евфросиния называет ее «госпоже и мати»⁶⁴⁹, в начале диалога с епископом о создании собственного монастыря – обращается к нему «отче господине»⁶⁵⁰. В ответ княжна всегда слышит «чадо»⁶⁵¹.

---

⁶⁴⁵ ДНД. С. 396.

⁶⁴⁶ К этой же переписке относятся грамоты № 717 и № 657, датирующиеся двадцатыми годами – второй половиной XII века. ДНД. С. 394–395.

⁶⁴⁷ Там же. С. 416–417.

⁶⁴⁸ Там же. С. 550–551.

⁶⁴⁹ Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997. Т. 12: XVI век. С. 418.

⁶⁵⁰ Там же. С. 420.

⁶⁵¹ Там же. С. 418.

Когда же Евфросиния сама стала игуменьей, пришедшая к ней с просьбой о постриге двоюродная сестра, Звенислава Борисовна, назвала ее «госпоже сестро»⁶⁵², а брат Вячеслав Святославич, прибывший со всеми родственниками на торжественные проводы сестры в паломничество в Иерусалим, именовал ее тройным термином «госпожа моя мати и сестро!»⁶⁵³, что, очевидно, показывает доверие и гордость, испытываемые им за свою родственницу. Однако затем, когда эти чувства сменяются гневом от того, что сестра хочет постричь в монахини и его собственных дочерей, он использовал, вероятно, более официальное, лишенное родовой лексики обращение «госпожа моя»⁶⁵⁴.

Рассмотрение принципов использования терминов родства в духовной среде помогает поместить интересующие нас явления в среде Рюриковичей в соответствующий временной контекст. Люди церковного звания использовали родовую лексику так же часто, как и русские князья, но полагались при этом на иные этикетные правила, в основе которых – принципы духовного братства, учительства и покровительства. Несмотря на эту разницу, конкретные формы употребления этой лексики близки княжеским. Так, часто можно видеть применение нескольких терминов подряд, причем второй из них применялся факультативно. Как и в диалогах Рюриковичей, можно встретить изменения в выборе формы обращения даже в границах одного эпизода, например, «брат» на «чадо», «братья и отцы» на «братья и чада».

Особое место в этикете обращений занимает термин «господин», который появляется и в летописях и в других источниках («Житии Евфросинии Полоцкой» и берестяных грамотах) в середине XII века и первоначально чаще всего употреблялся в паре с термином родства: «отец господин», «госпожа и сестра», подчеркивает особое уважение к собеседнику. На основании немногочисленных свидетельств можно предположить, что его первоначальное распространение произошло именно в церковно-монастырской среде, причем, вероятно, оно имело книжное происхождение и связано с византийским влиянием. Именно на этом этапе Киевская летопись зафиксировала его использование наиболее близким церковно-монастырским кругам князем Ростиславом Мстиславичем.

Лишь в третьей четверти XII века использование слова «господин» приобретает значение, связанное с обладанием особой властью, что проявляется отчетливо в диалогах Всеволода Юрьевича. Таким образом, при сравнительном рассмотрении случаев использования обращений «господин» / «госпожа» в Киевской летописи и церковно-монастырских источниках можно проследить контекст появления и развитие характера их использования. Как было

---

⁶⁵² Там же. С. 424.

⁶⁵³ Там же. С. 428.

⁶⁵⁴ Там же.

рассмотрено в параграфе 3.2.1.3, этот термин получает широкое распространение в обращениях волынской части Галицко-Волынской летописи, что также характеризует более поздний этап развития договорного этикета.

3.5. Родовая терминология в составе устойчивых оборотов в источниках позднего времени (сравнительный аспект)

Обращаясь к договорным грамотам конца XIV – начала XV века, можно отметить принципиально иной характер использования в них родовой лексики. Так как сохранились полные тексты соглашений, то, в отличие от пересказанных в летописи княжеских диалогов, чаще касающихся лишь определенной части договора, в то время как сам он не представлен в летописи в полном объеме, в них мы можем видеть как фактографических деталей, так и риторического «декора», здесь значительно снижается количество обращений.

Устойчивые формулировки, подтверждающие существующий статус отношений между князьями XIV – XV веков на момент составления грамоты или утверждающие новый, также как и летописные диалоги предшествующей эпохи, содержат значительный пласт родовой терминологии, но в этой группе источников она приобретает иные формы.

Несмотря на то, что риторика ранних княжеских договоров XII века пропитана духом братства, и в них можно встретить такие выражения как «быти за один брат», «толико может так оучинити братъ роженъи», в русских летописях, описывающих события домонгольского периода, мы не найдем такого соглашения, в результате которого два князя стали бы «братьями» друг другу. И Рюриковичи, и их союзники, в том числе представители европейских династий Пястов, Арпадов, Пржемысловичей, а также половецкие князья могли свободно использовать термины родства «отец», «сын», но чаще всего – «брат» согласно семейному этикету в диалогах между собой.

Напротив, суть большинства духовных⁶⁵⁵ и договорных грамот заключается в признании одного князя «братом» другому, неважно, являлись они друг другу родными или двоюродными братьями, дядей и племянником, или просто дальними родственниками.

Само слово «брат» встречается в этой группе источников столь же часто, как и в летописях, но здесь оно практически всегда употребляется с эпитетом «старший» или «младший». Особенно строго необходимость употребления эпитета читается в начальной части договорных грамот, где суть, ядро самого соглашения заключается в признании одного из

---

⁶⁵⁵ Духовные грамоты по сути были той же формой договора, только с наследниками, хотя включали еще и дополнительные указания по управлению княжеством. Каштанов С.М. Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 110.

участников «братом старшим», а другого – «братом младшим», эти формулировки без изменений дублируются во всех грамотах одного соглашения. Например, в докончании великого князя Василия Васильевича («брата старшего») и его дяди, Юрия Дмитриевича («брата младшего»), 1428 года:

«...на семь, брате молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ крестъ, къ своему брату старѣишому, к великому князю Василью Васильевичю, и къ своему брату молодшому, князю Ондрею Дмитриевичю, и к нашему брату молодшому, ко князю Костянтину Дмитриевичю...»⁶⁵⁶.

Данные сочетания употребляются и в последующей части договора, раскрывающей его подробности, иногда в ней (вероятно, для краткости) употребляется просто слово «брат». Для сравнения отметим, что в древнейших русских летописях сочетание «брат старший» употребляется в переносном значении всего несколько раз, например, оно содержится в одном из самых больших перечней терминов родства в одном высказывании: «Всеволода есмь имел въ правду брата старишаго (старѣишаго – М.Л.), занеже ми братъ и зять, старѣй мене яко отць»⁶⁵⁷. Как было рассмотрено выше, эпитеты «старший» и «младший» («меньший») встречались в тексте Киевской летописи значительно реже, использовались для признания политического авторитета и формирования отношений покровительства, но в большинстве ситуаций выполнение этих функций не выходило за пределы риторики в составе мирных соглашений.

Наиболее распространенные в летописных диалогах князей обращения «отец» и «сын» употребляются в переносном значении в договорных грамотах существенно реже и – что более важно – как дополнение к уже упомянутым сочетаниям «брат старший» и «брат младший». Например, в докончании великого князя Василия Васильевича II с князем серпуховско-боровским Василием Ярославичем 1433 года: «А на сем на всем, господине, брат старишии и отче, князь велики Василей Васильевич, с своим братом молодшимъ, со князем Костянтином Дмитреевичемъ... целуите ко мнѣ крестъ...»⁶⁵⁸ (ДДГ. С.71). Обращает внимание и отсутствие в данной группе источников каких-либо упоминаний о дополнительных обстоятельствах,

---

⁶⁵⁶ ДДГ. С. 63, 65.

⁶⁵⁷ ПСРЛ Т. 2. Стб. 323, в словах Изяслава Мстиславича о Всеволоде Ольговиче, обращенных к дружине.

⁶⁵⁸ В одном из самых первых сохранившихся договоров между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем 1389 года можно видеть оборот, характерный еще для летописного текста: «и имѣти ему мене о(т)ц(о)мъ, а с(ы)на моего, князя Василья, братомъ старѣишимъ, а князя Юрья братом, а дѣти мои меншиѣ братьею молодшею», однако и до и после этого абзаца Дмитрий Иванович именуется «братом старшим», Владимир Андреевич – «братом младшим», термин «сын» используется лишь дополнительно: «се язъ, князь великий Дмитрии Иванович, приялъ есмь в любовь брата своего молодшего и своего с(ы)на, князя Володимера Андрѣвича...» (ДДГ. С. 30–31). Вероятно, эта грамота отражает окончание процесса оформления княжеской договорной терминологии XIV – XV веков.

следствием которых стало его заключение, относящихся к личной сфере и объясняющих ситуацию наблюдателю (например, сообщение о смерти настоящего отца или отсутствии детей, как в летописном договоре Изяслава Мстиславича и Вячеслава Владимировича), порядок договорных фраз выглядит давно сформированным и отточенным.

Таблица 8. Формы использования терминов родства в переносном значении в межкняжеском взаимодействии в Киевской летописи и договорных грамотах XIV–XV вв. Сравнительный аспект.

Форма использования	Киевская летопись	Договорные грамоты XIV–XV веков
Обращения	«... <u>Брате</u> , Богъ ти помози, акоже и самъ молвишь, крѣсть есмь цѣловали яко всимъ намъ быти за одинь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 374).	«На семь на всемъ, <u>брате</u> молодшии, князь Юрьи Дмитриевич, целуи ко мнѣ крѣсть, к своему <u>брату старѣишому</u> ...» (ДДГ. С. 65).
«Быти в отца место»	«...Вы намъ <u>еста въ отца мѣсто</u> , а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387).	«Имети ми <u>брата</u> своего <u>старѣишего</u> , князя великого Дмитрия, <u>въ отца место</u> » (ДДГ. С. 19).
Договор об искусственном родстве	«...А что ми Богъ отца моего Мистислава отяль, а ты ми еси отьць»; «...аже дѣши: “ты мои еси отьць”, а ты мои и сынъ, оу тебе отьца нѣту, а оу мене сына нѣтуть, а ты же мои сынъ, ты же мои братъ» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 417 – 418).	«Имѣти ти мене, князя великого, братомъ старѣишимъ, а брата моего, князя Юрья – братомъ, а братью мою молодшую – братьею молодшею» (ДДГ. С. 37).

Итак, рассмотрев формы и характер употребления родовой лексики в Киевской летописи и в других интересующих нас источниках, подведем следующие предварительные итоги. Слова «брат», «сын», «отец» в переносном значении встречаются в диалоговой части этой летописи, в то время как в повествовательной части их заменяет более точный термин родства. Например: «Юрги же посла посла по сыновця своего, по Ростислава, Смоленську, река ему: “Сыну, мнѣ с

кимь Рускую землю оудержати”»⁶⁵⁹. Эта особенность говорит в пользу того, что летописец стремился передать обращения князей XII века с большой точностью, в отличие от рассмотренные ранее договорных формул, а упомянутые термины родства являются частью княжеского этикета, который фиксировался летописцем.

Если бы последний самостоятельно конструировал диалоги князей, ему пришлось бы придумать собственную схему, которая неизбежно отличалась бы большей простотой и не отражала персональные особенности отдельных князей. Однако в одном аспекте употребления родовой лексики автор все же проявил себя – стремясь продемонстрировать истинность отношений «отца» Вячеслава Владимировича и «сына» Изяслава Мстиславича после проведенного ими обряда, он последовательно использовал термин «отец» и в повествовательной части летописи, подчеркивая тем самым реальную трансформацию отношений. Очевидно, этот автор не был тождественен Петру Бориславичу, так как подобная вольность вряд ли могла быть допустима со стороны дружинника. Более вероятна фигура священника, проводившего этот обряд, на духовное происхождение указывает и осведомленность автора в особенностях княжеского этикета обращений – как было продемонстрировано, он по многим аспектам схож с этикетом обращений в церковно-монастырской среде. Важно подчеркнуть и то, что летописец, поддерживая союз князей, проводил в летописи собственную политическую линию.

Использование терминов родства в качестве обращений и в составе устойчивых сочетаний не является исключительной особенностью именно Киевской летописи, они присутствуют и в других, как более ранних, так и более поздних текстах, а также в летописях и других источниках, повествование которых ведется о хронологически том же периоде.

В самой Киевской летописи случаи употребления родовой лексики распределяются неравномерно, наибольшее их число приходится на те пласты, которые традиционно относятся к киевскому источнику этого текста, среди них крупнейший – статьи, посвященные конфликту Изяслава Мстиславича с родным дядей Юрием Владимировичем 1146 – 1152 (6654 – 6662) годов

В этой группе статей четко выделяются формы употребления родовой лексики, характерные для «речей» Изяслава Мстиславича и его союзников, среди которых есть и особые формы обращений и специфические обороты, позволяющие усилить идею родства, дружественности в княжеском послании. Яркий контраст к этому богатству формулировок составляют речи главного противника Изяслава – Юрия Владимировича и его союзников,

---

⁶⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 479.

которые тоже используют термины родства в своих речах, но значительно более сдержанно и скупое.

В отличие от рассмотренных во второй главе риторических формул, термины родства не пропадают из повествования после сообщения о смерти Изяслава Мстиславича в 1154 году (статья 6662 года), хотя встречаются несколько реже. Новый пик их количества и разнообразия приходится на диалоги Рюрика Ростиславича, Святослава Всеволодича и Всеволода Юрьевича в статьях 1174 – 1196 (6682 – 6704) годов, однако формы и характер использования становятся совершенно другими, так как политическая ситуация заметно отличается: теперь это мирное взаимодействие сильных правителей, а не открытый конфликт. В этот период можно видеть и другую модель выстраивания коалиции, которую формировал вокруг себя Всеволод Юрьевич. С завидным постоянством князь и горожане называют его «отцом господином», что сильно контрастирует с теми обращениями, которые использовали между собой союзники Изяслава Мстиславича в конце 1140х – начале 1150х (в статьях 6654 – 6662) годов.

Важно отметить, что мы видим существенные отличия в *характере* употребления терминов родства, так как в разных пластах летописи нашел отражение стиль различных князей, иногда довольно очевидный, иногда проявляющийся лишь намеками, а иногда прочитываемый по нескольким летописным текстам сразу, однако *принципы* использования терминов родства едины для всего текста Киевской летописи, а также для хронологически близких текстов. Так, слово «сын» употребляется в обращении к племяннику или зятю, «отец» - к дяде или тестю, «брат» - к двоюродному брату, близкому по возрасту дяде или племяннику.

Эти принципы становятся особенно очевидны, если мы обратимся к значительно более поздним грамотам, также запечатлевшим соглашения между князьями. Здесь довольно редко встречаются обращения «отец», «брат», «сын», князья клянутся быть «братом старшим» и «братом младшим». В Киевской летописи такие словосочетания исключительно редки, а соглашения о том, чтобы быть братьями, не заключались, так как все Рюриковичи и без того свободно называли друг друга «братьями».

Возвращаясь к Киевской летописи, важно подчеркнуть, что термины родства, изобилующие в княжеских «речах» середины XII века, чья достоверность, как было показано в первой главе, является предметом многолетней дискуссии, не могли быть вписаны в текст значительно позже, так как характер их использования менялся весьма стремительно, и в конце XII века употреблялись совершенно другие обращения и устойчивые формулировки, нежели в середине того же столетия. Тем более следует исключить более позднее вмешательство в текст, поскольку в XIII – XIV веках не только характер, но и принципы применения родовой лексики изменились. Итак, естественным заключением будет вывод о том, что большинство «речей»

записаны по горячим следам событий, а их фразеология сохраняет черты автора XII века, так как подделать или имитировать нюансы этикетного использования родовой лексики было бы непросто.

Заключение

Краткий обзор истории изучения Киевской летописи показал, что исследователи этого текста придерживаются зачастую противоположных точек зрения по основным вопросам, как касающимся истории его сложения, так и степени исторической достоверности отдельных текстовых блоков. При этом в рассуждениях о конкретных деталях позиции оппонентов заметно сближаются. Некоторые статьи киевского источника Киевской летописи (текста, оригинального для Ипатьевской летописи в повествовании о киевских событиях второй половины – конца XII в.), содержащего наиболее подробные описания событий XII века, могли быть отредактированы при включении в свод, составленный в Выдубицком монастыре ок. 1200 г., что проявляется при сравнении с текстом, общим с Лаврентьевской летописью. Это, однако, вовсе не говорит о том, что сам текст киевского источника Киевской летописи является более поздним по отношению к этому общему протографу.

Различный характер отдельных текстовых блоков, включающих лаконичные перечни, пространные повествования, воинские и церковные сообщения; различающиеся представления авторов о географии и фокусировка внимания на деятельности различных исторических лиц говорят о том, что в основе Киевской летописи лежал более чем один источник, что подтверждается ошибками и несостыковками в текстовых швах. Однако их выявление затрудняется тем, что и сам автор упомянутого киевского источника ставил своей целью освещение всех событий, происходивших на русских землях, т.е. изначально его труд носил общерусский характер, при этом выделение одного или нескольких исторических лиц в качестве «главных персонажей» проявляется в большей детализации повествования об их действиях, которое при этом не приобретает панегирического характера. Летописец не стремится изменить саму суть описываемых событий с определенной целью.

Обращаясь к основному источнику Киевской летописи, остается констатировать, что нет никакой возможности приблизиться к доказательству достоверности предоставляемых им сведений через изучение истории его составления, равно как и при помощи анализа отдельных деталей, т.к. невозможно утверждать, что они не были добавлены позднее. В такой ситуации наиболее продуктивным представляется метод, при котором в рамках интересующего нас источника выбирается несколько более или менее устойчивых элементов, а затем анализируется характер их употребления в тексте источника, в хронологически близких и, наоборот, далеких фрагментах. В этой работе были исследованы княжеские «речи» (послания и диалоги правителей), а в качестве их наиболее показательных элементов были выбраны договорные формулы и термины родства в роли обращений и в составе устойчивых оборотов.

При рассмотрении арсенала договорных формул в составе «речей» Киевской летописи на всем протяжении повествования можно отметить целый ряд особенностей. Среди широкого разнообразия договорных формул в статьях статьи 1146 – 1154 (6654 – 6662) годов, описывающих деятельность Изяслава Мстиславича, выделяются группы устойчивых словосочетаний, относящихся к определенным этапам политической жизни киевского князя, таким, например, как взаимодействие с Изяславом и Владимиром Давыдовичами («быти за один», «быти за один брат»), формулировки, присущие его взаимодействию с европейскими союзниками («быти за обиду», «ты нама еси тако оучиниль, яко же можеть такъ брать роженъи брату своему, или сынъ отцю»), с ближайшими союзниками и с побежденными противниками в финальной части конфликта («не отлучити ся ни в добре ни в зле», «быти в одном месте», «быти во всех местах»). Это свидетельствует о том, что летописец, даже в повествовании о политической деятельности одного князя, не прибегал к трафаретному методу при изложении «речей», внося в свой текст те языковые обороты, которые соответствовали каждому из заключенных договоров. Устойчивые формулы в тексте Киевской летописи различаются и по функциям – одни становятся символами объединения, другие подтверждают готовность соблюдать заключенные ранее соглашения, третьи носят чисто воинский характер.

Можно предположить, что именно длительная конфронтация, вынудившая Изяслава Мстиславича обратиться за поддержкой к максимальному кругу потенциальных союзников, и вызвала к жизни значительное расширение арсенала формул, усиливающих идею братства и единения. Их фиксация летописью отличается скрупулёзностью, так как выполнение или уклонение от обязательств договора создавали политический прецедент, который мог повлиять на дальнейшие социальные стратегии не только участников, но и их потомков. Так, можно заметить, что, отвечая на послание, содержащие призыв к военным действиям, князь использует те же формулы и обороты, что только что услышал, но в другой комбинации, заменяя одну или две составляющие устойчивого сочетания его аналогами, при этом и двухсоставная структура, и использованная автором символика, и сама суть цитируемого соглашения сохранялись.

Рассматривая распределение договорных формул в Киевской летописи, можно отметить эволюционный, поэтапный характер их фиксации авторами. Так, после смерти Изяслава Мстиславича в 1154 году и снижения интенсивности конфликтов, они практически исчезают со страниц летописи, некоторые появляются лишь в статьях 1170 – 1190-х гг., причем репертуар претерпевает изменения: появляются новые формы и новые сочетания, например, «кто мнѣ ворог, тот и тебе», но по существу договорные формулировки, ориентированные за заключение договора «до живота» в соглашениях уступают место указаниям на конкретные географические и временные условия («доколѣ любо оуладимся вси, любо не оуладимся»). Эти хронологические

изменения показывают, насколько различны были представления летописцев, пополнявших на разных этапах записи основного источника Киевской летописи, о том, какие устойчивые выражения использовались в княжеских соглашениях. Очевидно, что их запись не могла быть проведена одновременно одним лицом. Более того, можно видеть, что представления авторов о необходимости внесения в летопись сути соглашений, другой детальной информации, да и самих «речей» существенно отличалась. При рассмотрении этого аспекта важно и отсутствие трафаретности при описании летописцем «речей» правителей – можно видеть, что присутствующие в них формулы редко повторяются в точности.

Родовая лексика в составе устойчивых сочетаний и в позиции обращений наполняет княжеские послания киевского Изяслава Мстиславича, затем, в статьях 1155 – 1174 (6663 – 6682) частота и разнообразие использования терминов родства в этикетном значении существенно снижается, но они не исчезают полностью, а продолжают использоваться, причем с соблюдением тех же принципов и в тех же социальных ситуациях, что и в текстах, описывающих события середины века: по отношению к тестю или дяде используется обращение «отец», к племяннику или к зятю – «сын», к двоюродному брату, брату сестры, близкому по возрасту дяде или племяннику – «брат». Использование сложившихся традиций обращений к союзникам в Киевской летописи имеет ярко выраженный персонифицированный характер – можно проследить целый ряд форм, которые предпочитали применять конкретные исторические лица, например, для посланий князей, входивших в многочисленный лагерь Изяслава Мстиславича, характерно упоминание о нескольких метафорических и кровных родственных связях лица, о котором ведется речь: «братъ ваю, а мои отьць» – говорит Мстислав Изяславич о своем отце Изяславу и Владимиру Давыдовичам. Для посланий Рюрика Ростиславича характерно обращение «брате (и) свате» – он действительно чаще всего обращался к своим родственникам, с которыми его также связывали узы свойства – Святославу Всеволодовичу и Всеволоду Юрьевичу. В отличие от договорных формул, интенсивность использования родовой лексики в 1170-е годы не снижается, кроме того, она продолжает использоваться уже в XIII в. в Галицко-Волынской летописи, где ее характер также претерпевает определенные изменения, например, в галицких текстах появляются обращения «стрый» («дядя»), «сыновец» («племянник»), отсутствующие в Киевской летописи, волынская же часть по характеру использования родовой лексики скорее близка к ней. Это также свидетельствует о поэтапном внесении информации в летопись, которая зафиксировала представления каждого из летописцев об этикетных практиках использования терминов родства в княжеской среде. Стоит отметить, что важность упоминания о выборе обращения тем или иным князем отвечает представлениям каждого, кто пополнял основной источник Киевской летописи, в то время как другие обороты с использованием родовой лексики

попадали на его страницы с разной степенью детализации и объема. Проведенный анализ не показал специфической разницы между «речами» князей, принадлежавших разным линиям Рюриковичей и правивших в разных землях, что говорит о едином центре составления интересующего нас источника, фиксировавшего княжеские послания и диалоги.

Авторы Киевской летописи показывали передачу послания как устный акт, используя глаголы «рещи», «молвити», «глаголити». При получении таких «речей» также используются обороты, однозначно указывающий на устный характер посланий, например: «тако ми вошло во оуши». В исключительно редких ситуациях автор специально указывает на то, что послание было письменным, однако каждый такой случай имел свои исторические особенности, определившие выбор особой формы. Примерами могут служить письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу, носившее выражено личный характер, или «ложная грамота» галичан в статье 6680 (1172) года, которая была, на самом деле, как показано в повествовании летописи, подделкой. Устные послания, которые посол слышит от союзника или противника в присутствии многочисленных свидетелей: горожан и послов других князей, и в похожем окружении произносит своему князю, имели важное юридическое значение – в обществе, где политические союзы не подкреплялись ничем другим, кроме как доверием клятве, публичность была важнейшим инструментом, хотя бы отчасти гарантировавшим их исполнение. Однако ничто не мешало послам иметь при себе и письменный вариант, о котором летописец не упоминал в виду его малозначительности. Передача диалогов в Киевской летописи показана с высокой долей динамизма и лаконичностью, что также показывает ориентацию того, кто вносил их в источник, на устные сообщения.

Таким образом, в многолетней дискуссии о том, какую форму изначально имели княжеские «речи», значительное подкрепление получает версия, утверждающая их устную природу. Рассматривая внутреннюю структуру каждой «речи», а также групп связанных между собой «речей», можно увидеть, что в большинстве случаев каждое из таких посланий состоит из нескольких обязательных элементов: наполненных символикой высказываний, передающих суть соглашения, продолжения, затрагивающего хронологические элементы (момент заключения договора и настоящую опасность), а также упоминание лиц, заключающих соглашение. В летописи можно видеть и «речи» с наличием всех перечисленных элементов, и различные «краткие» варианты, встречаются и упоминания княжеского послания без прямой речи, но с использованием характерной формулы. Важную роль в княжеских диалогах играют обращения – как правило, это термины родства «отец», «брат», «сын», перекликающиеся, а иногда напрямую продолжающие идею братского единства союзников. Часто одни и те же термины родства в диалогах узкого круга исторических лиц содержатся и в составе договорных формул, и

используются в качестве обращений. Так, Изяслав Мстиславич и братья Изяслав и Владимир Давыдовичи называли друг друга «братьями» и заключили договор «быти за один брат». Эти наблюдения полностью подтверждает тезис Я.Р. Дашкевича о том, что слова послов были достоверны, но не до буквализма. Действительно, их основной задачей была передача сути послания, которая могла быть высказана с использованием одних и тех же формул и утверждением одних и тех же фактов, но в разной комбинации. Прав был исследователь и том, что выделял фигуру посла как активного участника переговоров, а не просто носителя информации – многие из рассмотренных нами летописных сюжетов подтверждают это.

В тексте Киевской летописи середины XII века (статьи 1146 – 1154 (6654 – 6662) годов) детально фиксируются и особенности передачи посланий, и этапы формирования соглашений, часто упоминается присутствие свидетелей. Тексты одних и тех же соглашений порой приводятся в Киевской летописи три – четыре раза, при этом автора, вносящего их в текст, не останавливала необходимость повторять одни и те же слова, что однозначно свидетельствует о важности летописной фиксации «речей» в тот момент, когда соглашения находились в процессе формирования – даже спустя несколько лет такое чтение мало кого смогло бы заинтересовать. Так, например, текст соглашения Изяслава Мстиславича и Владимира Володаревича приводится в летописи четыре раза: в «речах» венгерского короля Гезы II каждому из участников предварительного варианта, затем – общей «речи» от союзников, и только затем – в окончательном варианте, который и был скреплён крестным целованием. Эти записи были нужны и для понимания дальнейших стратегий, и наращивания опыта поведения в различных политических ситуациях. Таким образом, перед нами с большей четкостью вырисовывается и аудитория читателей летописи – князя, их сыновья и ближайшее окружение среди бояр и горожан – это были люди, для которых подобные детали были крайне важны.

При сравнении данных Киевской летописи и других хронологически близких источников можно сделать следующие выводы. Некоторые из формул княжеских договоров, в изобилии присутствующих в интересующем нас тексте, встречаются в текстах конца XII – XIII вв. Новгородской первой летописи и в статьях середины XII – начала XIII вв. Лаврентьевской летописи. Однако в упомянутых источниках можно встретить всего несколько устойчивых словосочетаний, известных по Киевской летописи, например, выражения «быти за один», «быти за один брат» используются в Новгородской Первой летописи в рассказах о единении новгородцев, «быти за обиду», «сложити голову» фигурируют в Лаврентьевской летописи. То же самое можно сказать и об использовании терминов родства – как и в Киевской летописи, в Новгородской Первой зять называет «отцом» тестя, а в тексте Лаврентьевской летописи – дядя именуется «сыном» племянника. В Новгородской Первой летописи и в первых грамотах,

фиксирующих соглашения новгородцев с князьями, рассматриваемые нами устойчивые формулировки редки, так как сам характер летописи и документов, наполненных фактическими деталями, не оставлял для них места.

Отдельный интерес вызывает анализ использования родовой лексики в духовной литературе, где, как и в диалогах Рюриковичей, можно видеть и использование парных терминов, и асимметрию применения терминов родства в обращениях. Именно в духовной среде впервые в середине XII века используется парное обращение «господин + термин родства», в середине 1150-х годов это устойчивое сочетание появляется и на страницах Киевской летописи. Оба пласта лексики – диалоги Рюриковичей и общение духовных лиц используют родовую лексику схожим образом, хотя ее значение, разумеется, различается. Упомянутые особенности могут пролить свет на местоположение летописного центра, в котором создавался основной источник Киевской летописи, – версия о том, что это был Киево-Печерский монастырь, получает дополнительное подкрепление.

Часть договорных устойчивых сочетаний, известных по Киевской летописи, можно видеть в грамотах XIV – XV вв., когда московские князья вновь обратились к арсеналу формулировок, символизирующих единство и братство, в них используются и термины родства, но иначе. Прежние обращения «отец», «брат», «сын» уступили место сочетаниям «брат старѣишии», «брат молодшии», а лаконичные устойчивые сочетания «быти за один», «не отлучатися ни в добрѣ ни в злѣ», «кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ» были трансформированы в значительно более сложные конструкции, которые при этом продолжали сохранять двусоставную структуру, например, «Хто будет друг тобѣ, кн(я)зю великому, то, г(о)с(поди)не, и нам друг. А хто будет, г(о)с(поди)не, тобѣ недруг, то и нам недруг». Очевидно, увеличение объема этих договорных формулировок обусловлено тем, что к этому времени уже долго бытовала практика их применения на пергамене. Теперь, когда не было необходимости держать в голове текст соглашений, в них появились и мельчайшие детали, и риторический декор, который был сформирован из устойчивых словосочетаний, несколько веков назад как раз облегчавших их запоминание и способствовавших фиксации в летописи.

Все вышесказанное позволяет иначе взглянуть на пласты основного (оригинального) источника Киевской летописи, повествующего о событиях с 1140-х гг. по конец XII века. Многочисленные «речи» князей, содержащиеся в его составе, обладают целым рядом характеристик, которые делают сомнительным их позднее конструирование: домысливание событий и литературная правка, даже если бы они проводилась в конце XII века, неминуемо привнесли бы в текст совершенно другие устойчивые обороты и обращения. Тем сложнее предположить формирование значительной части пластов этого текста в еще более позднюю

эпоху XIII или XIV–XV вв., когда те же самые устойчивые обороты и княжеский этикет обращений полностью изменили свои формы. Таким образом, остается предположить, что текст основного источника Киевской летописи является результатом поэтапного внесения записей авторами, которые являлись современниками описываемых событий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. — 407 с.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. — 585 с.
- ДНД – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. / А.А. Зализняк. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 879 с.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. — 642 с.
- ПСРЛ. Т.1 – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 733с.
- ПСРЛ. Т.2 – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 648 с.
- ПСРЛ. Т.3 – Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская Третья летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. — 720 с.
- ПСРЛ. Т.4. Ч.1. – Полное собрание русских летописей. Т.4. Ч.1. Новгородская Четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. — 728 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Издания Киевской летописи

- 1) Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 1-е изд.— СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1843. — 392 с.
- 2) Летопись по Ипатскому списку / Под ред. С. Н. Палаузова. — СПб: Издание Археографической комиссии, 1871. — 706 с.
- 3) Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. — 573 с. (938 стб. + 108 с.).
- 4) Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 3-е изд. / Под ред. А. А. Шахматова. — Пг: Первая петроградская трудовая артель печатников, 1923. — 164 с. (320 стб).
- 5) Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 4-е изд. — М., 1962. — 573 с. (938 стб. + 108 с.) (репринт издания 1908 г.)
- 6) Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 648 с. (репринт издания 1908 г.)
- 7) Русские летописи. Т. 11. Ипатьевская летопись / Изд. подгот. А.И. Цепков. — Рязань: Александрия. 2001. — 674 с.
- 8) Киевская летопись / Изд. подгот. И. С. Юрьева. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 816с.

Другие источники

- 9) Винцентий Пражский. «Анналы» (Ок. 1170) / Пер. и комм. А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Западноевропейские источники / Под. ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т.4.: Западноевропейские источники. — С. 261–266.
- 10) Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. — Киев: Наукова думка, 1966. — 238 с.
- 11) Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1949. — 407 с.
- 12) Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: тексты, перевод, комментарий. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 779 с.
- 13) Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. Л.В. Черепнин; под ред. С.В. Бахрушина. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1950. — 585 с.

- 14) Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. — Т.1.: XI–XII века. — С. 435–455.
- 15) Житие и подвижничество блаженной и преподобной Евфросинии // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. — СПб.: Наука, 2003. — Т. 12: XVI век. — С. 414–435.
- 16) Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 879 с.
- 17) Зализняк А.А., Топорова Е.В., Янин В.Л. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2011. — № 4. — С. 3–20.
- 18) Истрин В. М. Александрия русских хронографов. (1-я редакция). — М: Типография МГУ. 1893. — 739 с.
- 19) Киево-печерский патерик. // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — СПб.: Наука, 1997. — Т. 4: XII век. — С.296–489.
- 20) Козьма Пражский. Чешская хроника / Пер. Г. Э. Санчук. — М.: АН СССР, 1962. — 296 с.
- 21) Магистр Винцентий (Кадлубек) «Польская хроника» (Конец XII- первая четверть XIII в.) / Пер. и комм. А. В. Назаренко // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т.4.: Западноевропейские источники. — С.296–325.
- 22) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. — М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. — 642 с.
- 23) Памятники древнерусского канонического права: Ч. 1: Памятники XI-XV в. / Под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. — 1472 с.
- 24) Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 733с.
- 25) Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 648 с.
- 26) Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская третья летопись. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 720 с.
- 27) Полное собрание русских летописей. Т.4. Ч.1. Новгородская четвертая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. — 728 с.

- 28) Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. — СПб.: Наука, 1997. — Т. 4: XII век. — С.118–143.
- 29) Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 493 с.
- 30) The Annals of Roger de Hoveden. Comprising the history of England and of other counties of Europe from A.D. 732 to A.D. 1201 / Transl. and illus. by T. Riley. — L.: H.G. Bohn, 1853. — 593p.
- 31) Chronica Boemorum / Ed. by B.Bretholz, W.Weinberger (Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum rerum Germanicarum; Nova Series 2). — Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1923.— 360 p.
- 32) Chronica Magistri Rogeri de Houedene / Ed. by W. Stubbs. — L.: Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1869. — Vol. 2. — 367 p.
- 33) Chronica Galiciano-Voliniana (Chronica Romanoviciana) / Ed. by D. Dąbrowski, A. Jusupović (Monumenta Poloniae Historica; Series nova 16). — Kraków; Warszawa: PAN, 2017. — 709 p.
- 34) Codex Diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / Ed. By G. Fejér. Budae: Typis typogr. Regiae Vniversitatis Vngaricae, 1829. — 753 p.
- 35) Gesta Francorum // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux. — Paris: Imprimerie Royale, 1866. — Vol.3 — 1004 p.
- 36) Gísla saga Súrssonar / Finnur Jónsson gaf út. — Halle/(Saale): M. Niemeyer, 1903. — 978p.
- 37) Þorsteins saga stangarhöggs // Austfirðinga sögur / Ed. by J. Jakobsen. — Copenhagen: S.L. Møllers, 1902. — P.73–91.
- 38) Finnboga saga ramma // Íslendinga sögur og þættir / Ed. by Bragi Halldórsson. — Reykjavik: Svart á hvítu, 1987. — P. 625–673.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) Алешковский М.Х. Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории // Реставрация и исследование памятников культуры, М., 1975. — Вып. 1. — С. 22–30.
- 2) Аристов В.Ю. Проблемы происхождения сообщений Киевской летописи // Ruthenica, 2010. — Вып. 10. — С. 117–136.
- 3) Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. — М.: АН СССР, 1963. — 376 с.
- 4) Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. — СПб.: Типография А. Траншеля, 1868. — 378 с.

- 5) Борисов Н.С. Политика Московских князей: Конец XIII – первая половина XIV вв. — М.: МГУ, 1999. — 391 с.
- 6) Боровков Д.А. Междукняжеские отношения на Руси конца X – первой четверти XII века и их репрезентация в источниках и историографии. — СПб: Алетейя, 2015 — 232 с.
- 7) Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода. — М.: Ин-т археологии РАН, 1994. — 248 с.
- 8) Вилкул Т.Л. Княже-господине // Восточная Европа в древности и средневековье. Политические институты и верховная власть. XIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто, М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2007. — С. 19–24.
- 9) Вилкул Т.Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII век // *Paleoslavica*. — 2005. — Vol. 13/1. — С. 21–80.
- 10) Вилкул Т.Л. О хронографических источниках Киевского летописного свода // Труды отдела древнерусской литературы. — СПб., 2010. — Т. 61. — С. 396–397.
- 11) Вилкул, Т.Л. Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. — М.: Квадрига, 2019. — 459 с.
- 12) Вилкул Т.Л. «Жалобы» в Киевском летописном своде XII в. // История: Электронный научно-образовательный журнал. — 2020 — Вып. 6 (92) Том 11. [Электронный ресурс: <https://history.jes.su/s207987840010608-7-1/>, дата обращения: 31.05.2021].
- 13) Вілкул Т.Л. Літопис Святослава Ольговича у складі Київського зводу XII ст. // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ–Львів, 2004. — Т. 2. — С. 63–74.
- 14) Гвозденко К. С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2009. — № 1 (35). — С. 17–35.
- 15) Гвозденко К.С., Горский А.А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. — 2017. № 6 — С. 14–23.
- 16) Гимон Т.В. Для чего писались русские летописи? // ФИПП. 1998. — № 1 (2). — С. 8–16.
- 17) Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. — 696 с.
- 18) Гимон Т.В. К вопросу о княжеских посланиях в Киевском своде (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXX Юбилейные Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, 17–20 апреля 2018 г.: Материалы конференции. — М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2018. — С. 64–71.
- 19) Гимон Т.В. Создание летописных кодексов в городах Руси на рубеже XII–XIII вв. // Современные проблемы книжной культуры: Основные тенденции и перспективы развития:

- Материалы IX Международного научного семинара, Москва, 24–25 октября 2018 г. — Минск: М., 2018. — Ч. 1. — С. 104–111.
- 20) Гимон Т.В., Тишин В.В. Тюркская формула приветствия в древнерусской летописи (посольство половцев к Святославу Ольговичу в 1147 г.) // Древнейшие государства Восточной Европы: 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья. — М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2020. — С. 267–296.
- 21) Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот. // Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997 – 2000 гг. — М.: Русские словари, 2004 — Т. 11. — С. 183–235.
- 22) Гиппиус А.А. Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре — М., 2009 — С. 274–295.
- 23) Гиппиус А.А. К вопросу о контактах региональных традиций в русском летописании первой трети XIII в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. Вып. XXI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14 – 17 апреля 2009 г.: Материалы конф. — М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009. — С. 70–77.
- 24) Голяшкин Я.А. Очерк личных отношений между князьями Киевской Руси в половине XII в. (в связи с воззрениями родовой теории). // Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. Издания исторического общества при Императорском московском университете. — М.: С.П. Яковлев, 1898. — Т.2. — С. 211–285.
- 25) Горский А.А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.
- 26) Греков Б.Д. Киевская Русь. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944. — 347 с.
- 27) Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. — Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира В.И.Завадского, 1891. — 520 с.
- 28) Дашкевич Я.Р. Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси // История СССР. — 1991. — № 4 — С. 100–111.
- 29) Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. — М.: Аспект-пресс 2004. — 370 с.
- 30) Джаксон Т.Н. От устной коммуникации к письменной: ситуация в средневековой Норвегии в освещении исландских саг // Древнейшие государства Восточной Европы. 2017–2018 год: Ранние формы и функции письма / Отв. ред. тома Т.В. Гимон. — М., 2019. — С. 169–195.

- 31) Домбровский Д. Из исследований генеалогии смоленских Ростиславичей: была ли дочь Мстислава Мстиславича матерью Александра Невского (возвращение к проблеме) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2006. — № 2 (24) — С. 21–30.
- 32) Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.) / Пер. и вступ. К. Ю. Ерусалимского и О. А. Остапчук. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. — 880 с.
- 33) Еремин И.П. Киевская летопись как памятник литературы. // Труды Отдела древнерусской литературы — М. Л., 1966 — №6 — С. 67–97.
- 34) Живов В.М. Деловой язык средневековой Руси и синтаксис берестяных грамот // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. Мат-лы междунар. конф-ции. Великий Новгород, 24 – 27 сен. 2001г. / под ред. В.Л. Янина. — М.: Индрик, 2003. — С. 284–295.
- 35) Живов В.М. История языка русской письменности. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. — Т.1. — 818 с.
- 36) Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977. — 272 с.
- 37) Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.
- 38) Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X—XVI вв. — М.: Наука, 1996. — 263 с.
- 39) Каштанов С.М. Интитуляция русских княжеских актов X – XIV вв.: (Опыт первичной классификации) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. — Т.8. — С. 69–83.
- 40) Каштанов С.М. К теории и практике сравнительного источниковедения. // Норна у источника судьбы. Сб. в честь Е.А. Мельниковой. — М.: Индрик, 2001. — С. 158–168.
- 41) Каштанов С.М. Общие тенденции развития документирования в канцеляриях средневековой Руси // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В.Т. Пашуто. — М.: Языки русской культуры. 1999. — С. 100–110.
- 42) Клосс Б.М. Предисловие к изданию 1998 г. // Полное собрание русских летописей — М.: Языки русской культуры, 1998. — Т. 2. — С. Е–N.
- 43) Клосс Б.М., Лурье Я.С. Русские летописи. (Материалы для описания) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. — М.: Наука, 1976. — Вып. 2. — С. 78–139.
- 44) Клосс Б.М. Русские источники I – IV книг Анналов Яна Длугоша. // Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша. Текст. Перевод. Комментарий. / Сост. Н.И. Щавелева, под ред. и с комментариями А.В. Назаренко. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 493 с.

- 45) Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — Т. 1. — С. 23–44.
- 46) Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л.: Издательство ЛГУ, 1986. — 312 с.
- 47) Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. СПб.: П. Гайдебуров, 1861. — 112 с.
- 48) Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.) — М.: Мысль, 1985. — 280 с.
- 49) Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси. — М.: Наука, 2017. — 384 с.
- 50) Кречмер А.Г. Человек и социум на Руси XVII-XVIII вв. // Категория родства в языке и культуре. / Отв. Ред. С.М. Толстая. — М: Индрик, 2009. — 312 с.
- 51) Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. / В. А. Кучкин. — М.: Наука, 1984. — 352 с.
- 52) Кучкин В. А. Формирование и развитие государственной территории восточных славян в IX—XIII веках // Отечественная история. — 2003. — № 3. — С. 71–80.
- 53) Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско – Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. — М.: Квадрига, 2011. — 243 с.
- 54) Лавренченко М.Л. Родство и власть в языке Галицко-Волынской летописи // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. — Olomouc: Univerzita palackého v Olomouci. 2016. — С. 33–46.
- 55) Лавренченко М.Л. Побратимство в средневековой Руси: влияние традиций и их восприятие // *Colloquia Russica*. Русь и мир кочевников (Вторая половина IX – XVI вв.) Мат-лы бй международной научной конференции, Пльзень, 23 – 26 ноября 2016 г. / Под. ред. В. Нагирного. — Krakow: Uniwersytet Jagielloński, 2017. — Vol. 6. — С. 313–323.
- 56) Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. — М.: Индрик, 2006. — 740 с.
- 57) Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. — 499 с.
- 58) Лихачев Д.С. Русский посольский обычай в XI – XIV вв. // Исследования по древнерусской литературе / Отв. ред. О. В. Творогов. — Л.: Наука, 1986. — 406 с.
- 59) Лукин П.В. Новгородское вече. — М.: Индрик, 2014. — 608 с.
- 60) Медушевская О. М. Теория, история и метод источниковедения // Источниковедение: Теория, история и метод / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. М.: РГГУ, 1998 С. 19–168.

- 61) Мельникова Е.А. Парные синонимические словосочетания в русско-византийском договоре 911 г. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2019–2020 годы: Дипломатические практики античности и средневековья / Отв. ред. тома Б.Е. Рашковский. — М., 2020. — С. 84–102.
- 62) Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. — СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2010. — 363 с.
- 63) Мушар Ф. Между братом и сыном: об образе Ростислава Мстиславича в Киевской летописи. // Ruthenica. — 2011. — Вип. 10. — С. 137–146.
- 64) Назаренко А.В. Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР: Мат-лы и исслед., 1985 год. М.: Наука, 1986. — С. 149–157.
- 65) Назаренко А.В. Порядок престолонаследия на Руси X—XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Древняя Русь. — М.: Языки русской культуры, 2000. — Том 1. — С. 500–519.
- 66) Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX—XII веков. — М.: Языки русской культуры, 2001. — 784 с.
- 67) Назаренко А.В. Династический строй Рюриковичей X—XII веков в сравнительно-историческом освещении // Древнейшие государства Восточной Европы: 2007 год. Древняя Русь и славяне. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2009. — С. 47–89.
- 68) Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования / Отв. ред. академик Б. А. Рыбаков. — М.: Наука, 1969. — 556 с.
- 69) Павлов-Сильванский Н.И. Символизм в древнем русском праве // Журнал министерства народного просвещения. — СПб, 1905. — Часть 360. — С. 339–365.
- 70) Пашуто В.Т. Черты политического строя Древней Руси. // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965 — С. 11–76.
- 71) Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. — М.: Наука, 1968. — 472 с.
- 72) Перевошиков В.М. О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. — СПб.: Типография Российской академии, 1836. — 61 с.
- 73) Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М.: Наука, 1993. — 635 с.
- 74) Приселков М.Д. История русского летописания. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 643 с.
- 75) Приселков М.Д. «Слово о полку Игореве» как исторический источник // Историк-марксист. — № 6(70) — 1938. С. 112–133.

- 76) Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX — нач. XI в. / Отв. ред. О. М. Медушевская. — М.: РГГУ, 2001. — 262 с.
- 77) Рапов О.П. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. — М.: МГУ, 1977. — 261 с.
- 78) Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. — М.: Издательство АН СССР, 1963. — 358 с.
- 79) Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М.: Наука, 1972. — 520 с.
- 80) Рыбаков Б.А. Пётр Бориславич. Поиск автора «Слово о полку Игореве» — М.: Молодая гвардия, 1991. — 288 с.
- 81) Рыбина Е.А., Шаре Э. Термины родства в берестяных грамотах. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. — Великий Новгород, 2008. — Т.22 — С. 143–151.
- 82) Свердлов Б.М. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / Под ред. И.П. Шаскольского. — Л.: Наука, 1983. — 238 с.
- 83) Свердлов Б.М. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI—первой трети XIII вв. — СПб.: Наука, 2020. — 1007 с.
- 84) Сквайрс Е.Р., Фердинанд С. Н., Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. — М.: Индрик, 2002. — 368 с.
- 85) Соловьев С.М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. — М., Астрель, 2003. — 445 с.
- 86) Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т.2. — М.: Голос, 1993. — 768 с.
- 87) Ставиский В.И. Киевская летопись и Хронограф // *Ruthenica*. — 2019. — Вып.15 — С. 250–264.
- 88) Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. — М.: Индрик, 2004. — Т. 5. — С. 86–113.
- 89) Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда. // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. — М.: Индрик, 2008 — С. 148–269.
- 90) Творогов О.В. Традиционные устойчивые сочетания в Повести временных лет // Труды отдела древнерусской литературы. М.Л., 1962. — Т. 18. — С. 277–284.
- 91) Творогов О.В. Задачи изучения литературных формул Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. М.Л., 1964. — Т. 20. — С. 29–40.
- 92) Толочко А.П. Поговорка Изяслава Мстиславича // *Ruthenica*. — 2010. — Вып. 9. — С. 158–160.

- 93) Толочко А.П. О времени создания Киевского свода 1200 г. // *Ruthenica*. — 2005. — Вип. 5. — С. 73–87.
- 94) Трефилова О.В. Терминология родства у болгар Румынии // *Исследования по славянской диалектологии*. — 2016. — №18. — С. 120–159.
- 95) Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. — М.: Издательство академии наук СССР, 1959 — 211 с.
- 96) Факкани Р. *Graeco-Novgorodensia I* (Позднеантичные греческие и византийские параллели некоторых формул, выражений и графических символов новгородских грамот на бересте) // *Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина*. — М.: Русские словари, 1999. — С. 329–338.
- 97) Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (около 950–1300 гг.) / Пер. и отв. ред. Д. М. Буланина. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2010 — 547 с.
- 98) Франчук В.Ю. Мог ли Петр Бориславич создать «Слово о полку Игореве»? (Наблюдения над языком «Слова» и Ипатьевской летописи) // *Труды отдела древнерусской литературы*. — М.Л., 1976. — Т. 31. — С. 72–92.
- 99) Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. — Киев: Наукова думка, 1986. — 184 с.
- 100) Хорошев А.С. Софийский патронат по Новгородской первой летописи // *Новгород и Новгородская земля: История и археология. Великий Новгород, 1997*. — Вып. 11. — С. 205–212.
- 101) Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. — Киев: Университетская типография, 1878. — 212 с.
- 102) Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. — 899 с.
- 103) Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // *Древнерусское государство и его международное значение*. — М.: Наука, 1965. — С. 129–278.
- 104) Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. — 687 с.
- 105) Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. — Пг.: Типография А.В. Орлова (Издание Императорской Археографической комиссии), 1916. — 492 с.

- 106) Шахматов А.А. Обзор летописных сводов XIV-XVI вв. — М.-Л.: АН СССР, 1938. — 372 с.
- 107) Щавелев А.С. Съезды князей как политический институт Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г. Политические институты Древней Руси. — М., 2006. — С. 268–278.
- 108) Щавелев А.С. Устные сказания в композиции начальной части «Повести временных лет», Новгородской первой летописи, Хроник Галла Анонима, Козьмы Пражского // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XVI. Время источника и время в источнике. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто, Москва, 14–16 апр. 2004 г.: Материалы конф. — М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2004. — С. 211–217.
- 109) Юрасовский А. В. Грамоты XI – середины XIV века в составе русских летописей // История СССР. — 1982. — № 4. — С. 141–150.
- 110) Юрасовский А.В. К вопросу о степени аутентичности венгерских грамот XII в. Ипатьевской летописи // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. — М.: Институт всеобщей истории РАН, 1981. — С. 189–194.
- 111) Юрьева И.С. Из наблюдений над текстом Киевской летописи по Ипатьевскому списку. // *Ruthenica*. — 2011. — Вып. 10 — С. 91–101.
- 112) Юрьева И.С. К определению текстологических границ внутри Киевской летописи: некоторые грамматические и лексические данные // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2021. — Вып. № 1: Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. — С. 305–331.
- 113) Althoff G. *Die Macht der Rituale. Symbolik und Herrschaft im Mittelalter*. — Darmstadt: WBG, 2003. — 256 s.
- 114) Althoff G. *Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Medieval Europe* / Trans. Christopher Carroll. — Cambridge: Cambridge University Press, 2004. — 195 p.
- 115) Althoff G. (Royal) Favor: A Central Concept in Early Medieval Hierarchical Relations // *Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations*. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. — P. 243 – 270.
- 116) Althoff G. *The Variability of Rituals in the Middle Ages* // *Medieval Concepts of the Past: Ritual, Memory, Historiography*. / Ed. by G. Althoff and others. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — P. 71–85.
- 117) Balzer O. *Genealogia Piastów*. — Kraków: Nakładem Akademii umiejętności, 1895. — 574 p.
- 118) Baumgarten N. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle*. — Roma: Pont. institutum orientalium studiorum, 1927. — 96 p.

- 119) Bremmer J. Avunculate and fosterage // *Journal of Indo-European Studies*. — 1976. № 4. — P. 65–78.
- 120) Charles-Edwards T. Anglo-Saxon kinship revised // *The Anglo-Saxons from the migration period to the eight century. An ethnographic perspective* / Ed. by John Hines. For the center for interdisciplinary research on social stress. — San Marino: The Boydell Press, 1997 — P. 191–210.
- 121) Clanchy M. T. *From memory to written record: England, 1066–1307*. 3rd ed. — Chichester: John Wiley & Sons, 2013 — 418 p.
- 122) Dąbrowski. D. W sprawie polsko-ruskich relacji w pierwszej połowie XII w. Wokół małżeństwa Bolesława Wysokiego ze Zwienisławą Wsiewołodówną // *Śląski Kwartalnik Historyczny «Sobótka»* — 2013 — Vol. 3. — S. 3–21.
- 123) Dalewski Z. *Ritual and Politics: Writing the History of a Dynastic Conflict*. (Seria: East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450). — Leiden: Brill, 2008 — Vol. 3. — P. 135–188.
- 124) Foley J. M. *The Theory of Oral Composition. History and Methodology*. — Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1988. — 170 p.
- 125) Font M. *Dinasztia, hatalom, egyház. Régiók formálódása Európa közepén 900 – 1453*. — Pécs: Pécsi Tudományegyetem, 2009. 649 p. — 649 p.
- 126) Font M. *Magyarok a Kijevi Évkönyvben*. — Szeged: Szegedi Középkorász Műhely, 1996. — 351 p.
- 127) Franklin S. *Literacy and Documentation in Early Medieval Russia* // *Speculum* — 1985. — Vol.60/1. — P. 1–38.
- 128) Franklin S. *Writing, Society and Culture in early Rus, s. 950 – 1300*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002. — 358 p.
- 129) Gísli Sigurðsson. *The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method*. — Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press. 2004. — 392 p.
- 130) Goody J. *The development of the family and marriage in Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 308 p.
- 131) Guimon T. V. *Historical Writing of Early Rus (c. 1000–c. 1400) in a Comparative Perspective*. — Leiden, Boston: Brill, 2021. — 452 p.
- 132) Hermanson L. *Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000-1200* / Transl. by A. Crozier. — Leiden, Boston: Brill, 2019 — 282 p.
- 133) Hermanson L. *Introduction* // *Rituals, Performatives, and Political Order in Northern Europe c. 650 – 1350* / Ed. by W. Jezierski, L. Hermanson, H. J. Orning, T. Småberg. — Turnhout: Brepols Publishers, 2015. — P.1–40.

- 134) Jussen B. *Introduction // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations.* — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. — P.1 – 15.
- 135) Jussen B. *Spiritual Kinship as Social Practice. Godparenthood and Adoption in the Early Middle Ages.* / Trans. by P. Selwyn. — London: Associated University Press. 2000. — 362 p.
- 136) Lukin P. *Urban Community and Consensus Brotherhood and Communalism in Medieval Novgorod // Imagined Communities on the Baltic Rim from the 11th to 15th Centuries.* Amsterdam: Amsterdam University Press, 2016. — P. 279–307.
- 137) Morsel J. *Inventing a Social Category: The Sociogenesis of the Nobility at the End of the Middle Ages // Ordering Medieval Society. Perspectives on Intellectual and Practical Modes of Shaping Social Relations.* — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. — P. 200–242.
- 138) Ong W.J. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word.* (2nd ed). — New York: Routledge, 2002. — 193 p.
- 139) Rapp C. *Brotherhood in Byzantium.* // *Traditio.* — 1997.— Vol. 52. — P. 285–326.
- 140) Rapp C. *Brother-Making in Late Antiquity and Byzantium, Monks, Laymen and Christian Ritual.* — New York: Oxford University Press, 2016. — 349 p.
- 141) Reynolds S. *Review: Family, Friends and Followers: Political and Social Bonds in Early Medieval Europe // The English Historical Review.* — Vol.120, Is. 486. — 2005. — P. 429–431.
- 142) Sabeau D.W., Teuscher, S. *Introduction // Blood and Kinship: Matter for Metaphor from Ancient Rome to the Present / Ed. by C. H. Johnson, B. Jussen, and others.* — New York: Berghahn Books. 2013. — P. 1–18.
- 143) Schmid K. *Zur Problematik von Familie, Sippe und Geschlecht, Haus und Dynastie beim mittelalterlichen Adel. Vorfragen zum Thema "Adel und Herrschaft im Mittelalter" // Gebetsgedenken und adliges Selbstverständnis im Mittelalter / Ed. by T. Zotz — Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag Sigmaringen, 1983 — S. 183–244.*
- 144) Weinhold K. *Aldnordisches Leben.* — Graz: Akademische Druck- u. Verlagsanstalt, 1977 — 512s.